БХАГАВАН ШРИ РАДЖНЕШ

Я – ВРАТА
БИОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Это официальная биография Бхагавана Шри Раджнеша, написанная одним из его преданных учеников, Свами Сатья Ведантом.

Большая часть материала — это собственные слова Бхагавана, верно записанные его учениками — в общей сложности четыре тысячи часов дискурса, воспроизведенные и изданные на основании лекций, проводимых каждое утро Бхагаваном с 1974 по 1981 год.

- Бхагаван Шри Раджнеш. Я — врата. Биография (Избранные беседы, том VI)
  - Введение
  - Кто такой Бхагаван Шри Раджнеш?
  - Рождение и семья
  - Молодость: годы приключений
  - Просветление
  - Нео-саньяса: лотос на болоте
  - Шри Раджнеш Ашрам Пуна: место слияния
  - Молчаливый мудрец
  - Эпилог

Бхагаван Шри Раджнеш. Я — врата. Биография (Избранные беседы, том VI)

Я познал то, что объединяет все. Вы называете это познанием своего «я». Я назову это познанием «не-я». «Не-я» есть сущность всего познания.

Спрашивайте себя, кто вы,
так глубоко и сильно,
чтобы исчезли вы и остался лишь вопрос,
Тогда откроется его бессмысленность
и ответ возникнет сам по себе.
Весь мир — ответ, весь мир — это вы.

Введение

Перед вами официальная биография Бхагавана Шри Раджнеша, написанная одним из его преданных учеников. Бхагаван — просветленный Мастер, до 1981 года он жил в Индии, затем переехал в Америку. У него тысячи учеников во всех частях мира. Хотя я назвал это биографией, большая часть материала для этой истории состоит из собственных слов Бхагавана, верно записанных его учениками — в общей сложности четыре тысячи часов дискурса, воспроизведенных и изданных на основании лекций, проводимых каждое утро Бхагаваном с 1974 по 1981 год. Хотя Бхагаван использовал биографические вставки в этих дискурсах, чтобы проиллюстрировать и передать свое духовное послание, он находил невозможным писать автобиографию. Однажды, когда его спросили: «Почему вы не пишите вашу автобиографию?», Бхагаван ответил:

> «…поистине все, сказанное здесь, после самопознания не является автобиографией. Все автобиографии — „эго-биографии“. То, что мы называем автобиографией, это не история души. До тех пор, пока вы не будете знать, что душа есть, что бы вы ни написали, все будет „эго-биографией“».

Это — попытка передать истину жизни Бхагавана и истину его существования. Описанные здесь внешние факты его жизни лишь содействуют передаче этой истины, они могут обрисовать только тенеподобное изображение просветленной личности. Как Бхагаван сам объяснял, человек, познавший себя как душу, а не как личность, меняет внутри нечто бесформенное и то, что мы называем фактами его жизни — фактами, подобными дате его рождения, дате, когда произошло специфическое событие, — растворяется. Происходит то, что все эти факты перестают иметь какое-либо значение Пробуждение души — такой катаклизм, что когда это наступит, когда человек открывает свои глаза, он обнаруживает, что все потеряно.

…После того, как человек познал свою душу, автобиография кажется ему подобной сну, версией его самого. Это подобно тому, как если бы человек создавал описание своих снов: один день он видел этот сон, на следующий день тот сон, на третий — третий сон… Так и автобиография имеет не большую ценность, чем фантазия, волшебная история.

Несмотря на этот взгляд, выраженный моим Мастером, я

нахожу ценным знать жизнь Бхагавана, ибо его жизнь — это его учение. Раз в сто лет приходит такое существо, способное своей собственной жизнью создать такую энергию, подводящую индивидуальность точке, откуда она начинает по-новому видеть, чувствовать богатство и красоту существования и наслаждаться всей жизнью. Бхагаван посредством своей любви вдохновляет тысячи людей вырваться из их обусловленного прошлого и жить в мгновении — в свободе и сознании. Бхагаван — это «пробужденный единый», «просветленный единый», человек, видящий «то, что есть», посредством чистого сознания, а не через какую-либо ментальную проекцию, человек, осознающий, что источник божественной силы есть внутри его самого, что невзгода — это создание ума и что ум может быть превзойден. Даже несмотря на то, что опыт его пробуждения находится по ту сторону словесного описания, то малое, что мы можем взять из этого, побуждает нас к поиску причин наших собственных несчастий и помогает нам найти источник радости и божественности, находящийся внутри нас. Как говорит Бхагаван:

> «…Содержание опыта становления останется, но то, что станет известно посредством этого опыта, не может быть записано. Это происходит из-за того, что ослабление опыта словами делает его скучным и абсурдным. Тем не менее, здесь делается попытка рассказать об этом переживании различными способами, посредством различных методов. Моя цель — вывести вас на путь, который может привести вас к самому переживанию… Лучший способ — это перенести вас на этот путь, к этому берегу, от которого вы, может статься, оттолкнетесь и направитесь туда, где однажды сами сумеете приобрести этот опыт».

Моя цель, однако, состоит не в том, чтобы оценивать учение Бхагавана критически, в каком-либо историческом контексте или на фоне какой-нибудь специфической школы мысли, философии, традиции или движения. Моя цель — это представить историю жизни Бхагавана, ставшей доступной мне, из различных источников.

Я надеюсь, что эта биография будет служить введением к учению Бхагавана для тех, кто интересуется Раджнешем или же духовным путем. Но эта работа не может быть чем-то большим чем то, что она есть. Человек должен проникнуться Бхагаваном через его записанные лекции, изображения или — лучше всего — лично. Только тогда эта история будет представлять реальную ценность для читателя.

Кто такой Бхагаван Шри Раджнеш?

Для тысяч своих учеников во всем мире он известен просто как Бхагаван — «Благословенный Единый». Он их Мастер «Живое Пламя» нового религиозного сознания. В Индии он известен как «Ачария Раджнеш», яростный учитель, который разрушает древние мифы и верования, традиции и учения. «Я учу крайнему бунту, — объявляет он. — Я здесь не для компромисса. Я решил быть в высшей степени честным и правдивым, чего бы это ни стоило. Если мы хотим изменить общество, мы должны выступить против него».

Он напрочь отбрасывает конвенциональные концепции национализма и расового превосходства, отвергает Маркса и социалистические идеи, критикует Фрейда и Юнга, отпускает шутки по поводу Папы в Ватикане и Шанкарачарьи в Пуре, религиозного главы индуизма, и не скрывает своего презрения к политиканам. Индуисты осуждают его как гедониста, коммунисты преуменьшают его как спиритуалиста, журналисты пишут о нем как о «секс-Гуру», а один ученый назвал его «Хьюго Хефнером духовного мира». Бхагаван отвергает все эти ярлыки. «Я материалист-спиритуалист, — говорит он. — Я учу чувственной религии. Я хочу, чтобы Гаутама Будда и грек Зорба приблизились друг к другу: мой ученик должен быть Зорбой — Буддой. Человек — это тело-душа вместе. Обе части должны быть удовлетворены».

Ежедневно в своих спонтанных утренних дискурсах он говорил на различные темы: от рождения до смерти и выше, от политики и до молитвы, от атомной физики до юнговской философии, от полного здоровья до нового образования, от секса до сверхсознания. В своих дискурсах, которых насчитывается с 1974 года свыше двух тысяч, Бхагаван охватил полный спектр интересов человечества благодаря своему проникновению в различные духовные пути, возможные для людей. Он выразил послание различных духовных направлений в современном контексте. Он говорил о дзене, суфизме, даосизме и хасидах, комментировал высказывания Будды, Махавиры, Иисуса, Лао Цзы, Чжуан Цзы, Гераклита, Пифагора, Кабира и Нанака, такие индийские писания, как Бхагават-Гита, Упанишады, Йога-сутра Патанджали, Джаммападу и песни тантрических мистиков.

Его откровенные и критические дискурсы возбудили большой гнев и оппозицию против него во всем мире. Его идеи по поводу таких острых спорных вопросов, как секс, брак, семья, родство, атакуют конвенционный взгляд на эти вещи. Но самой большой

мишенью публичного неодобрения является полная свобода, которую он позволил своим ученикам. Он дает им возможность входить более глубоко и тотально внутрь всех переживаний жизни. Он равным образом распространяет эту свободу и на секс, и на такие ментальные состояния, как ярость, ревность, собственничество, алчность, ненависть и другие, восполняющие весь ряд человеческих эмоций.

Такая свобода, особенно в отношении секса, явилась главной причиной оппозиции к Бхагавану в Индии, ибо многие поколения индийских жрецов и святых проповедовали, что Божества можно достигнуть только посредством отрицания секса, в то время как Бхагаван утверждает совершенно противоположное. Он заявляет, что только благодаря полному переживанию секса мы можем наслаждаться этим, понять это и — что наиболее важно для нашего духовного роста — наконец превзойти это. Преодоление никогда не может быть достигнуто посредством отрицания или подавления, говорит он. Он указывает постоянно, что дверь к освобождению, или мокше, находится по ту сторону переживания и понимания наших страстей.

Бхагаван цитирует Махатму Ганди в качестве примера, каким ошибочным может быть путь безбрачия и аскетизма. «Ганди отрицал секс и подавлял его всю жизнь, — объясняет он. — Только в последние годы своей жизни он стал осознавать подавление, потому что его сексуальные фантазии продолжились. Тогда он начал экспериментировать с тантрой, но было уже слишком поздно».

При неправильном понимании учения Бхагавана люди игнорируют повторяемые Бхагаваном предупреждения, направленные к его ученикам, об опасности снисходительности. Он налагает одно строжайшее ограничение на увлечение абсолютной свободой:

> «Я даю вам тотальную свободу переживать, но с одним условием: будьте бдительны, будьте наблюдательны, будьте сознающи».

Движение вокруг учения Бхагавана привлекло тысячи людей со всего мира, которые идут к нему, чтобы он помог устранить их предыдущие подавленные эмоции и пережить катарсис под руководством профессионально обученных западных врачей. Уникальность этих творческих групп и споры вокруг них притягивают к Бхагавану людей из самых разных частей мира: Северной и Южной Америки, Европы, Австралии, Новой Зеландии и Японии. Это интернациональное движение включает людей многих профессий и различного образа жизни: юристов, врачей,

психологов, педагогов, ученых, дантистов, иглоукалывателей, бизнесменов, администраторов, журналистов, писателей, артистов, архитекторов, фотографов, радикальных феминисток, искателей Нового Века, «детей цветов», домохозяек, католических священников и так далее. Около сорока процентов учеников составляют евреи. Большинство из учеников Бхагавана молоды — им между двадцатью и сорока годами. «Я хочу полагаться на молодость… — заявляет Бхагаван. — … Они пришли благодаря разрушению всех барьеров, Будущее не делается стариками. Будущее творят молодые. Любая религия жива до тех пор, пока она привлекает молодых. Всякая религия умирает, если она привлекает только стариков. Где религия постоянно жива, где прольется новый луч и где новый цветок открывает свои лепестки — там вы найдете молодых. Таким образом, любая личность, стареющая духовно, не может оставаться здесь».

После получения посвящения в саньясу во время даршана ученик Бхагавана получает имя саньясин. В индуистской традиции саньясин — это тот, кто отверг семью и материальный мир и стал монахом. Бхагаван рассматривает эту традицию как негативную и эскапистскую и выдвигает свою собственную трактовку саньясина: это человек, который принимает и утверждает жизнь, который участвует в ней активно и радостно. По мнению Бхагавана, саньясин — это человек, который не отвергает семью, общество или имущество, а вместо этого поднимается над своими эго-привязанностями к ним — он отбрасывает свои страсти и собственничество по отношению к ним. Поэтому это движение известно как нео-саньяса. (Детальное описание этого движения будет дано позднее).

Ученик Бхагавана отождествляется с четырьмя вещами: с оранжевоокрашенной одеждой, символизирующей восход солнца; с бодростью и осанкой, с ожерельем, на котором подвешен медальон с изображением Бхагавана, напоминающий носителю о том, что он или она вручили себя Бхагавану; с новым именем, которое символизирует разрыв с прошлым; и с ежедневной медитацией, соответствующей индивидуальности ученика. Новому имени, которое дает ученику Бхагаван, предшествует титул «Свами» — для мужчин, и «Ма» — для женщин. «Ма» означает «мама» и выражает соответственно открытость и интуицию. Это обозначает, согласно Бхагавану, «предельное цветение женщины». Слово «Свами» означает «Господин». «Я называю вас Свами для того, чтобы обозначить ваш путь, а именно: вы становитесь господами себя. Это не значит сделать других рабами для вас, а только сделать себя господином самого себя», — объясняет Бхагаван.

Выросшие на философии борьбы и конкуренции, успеха и силы, но разочарованные этим разрушительным отношением к жизни, жители Запада в основном слушают послание Бхагавана с большим облегчением и благодарностью. Их целостный гешталь меняется от агрессии к восприимчивости, от борьбы к капитуляции и радостному принятию. Ибо многие годы западная психология двигается от анализа к целостному подходу, объединяющему тело и эмоции. Эта новая психология уходит своими корнями в «человеческое потенциальное движение» или «движение роста». Американцы и европейцы находят, что становление саньясинов добавляет духовный аспект к физическим и эмоциональным сторонам их поиска.

Сдаться Духовному Мастеру не означает сдаться его личной силе: это сдача божественной энергии, проводником которой он стал. Бхагавана не надо рассматривать как супермена, и он не требует ничего подобного. Он не занимается созданием расы сверхлюдей. В духовном контексте человек, называющий себя «Бхагаван», что означает «Бог», является не персоной, которая присваивает себе мантию Бога, но скорее человеческим существом, которое получает единство и целостность существования и превосходит все дуальности. Такая персона становится целостной, или святой. Однажды, когда спросили, рассматривает ли он себя как Бога, Бхагаван ответил с юмором:

> «Нет, сэр, определенно нет! Даже если бы я был им, я отрицал бы это, потому что кто возьмет на себя ответственность за этот безобразный мир? Я не могу держать ответ за создание вас! Это был бы настоящий, подлинный грех!»

Для западного ума трудно понять, как живой, земной человек являет собой Бога или имеет силы, естественно ассоциируемые с Богом, так как Бога рассматривают как Творца, как фигуру Отца. В этой роли «Бог» переживается в основном как «другой», как отдельный и имеющий отдельное существование. Бхагаван не видит этот феномен в таких дуалистических терминах. Он объясняет, что Бог не существует отдельно как творец этого мира, потому что творение, творец и творчество едины. Существование — это единое, и, как говорит он, все существование божественно. Творение и творец нераздельны, как нераздельны танец и танцор.

На подобный вопрос: «Почему вы называете себя Бхагаваном?», он ответил:

> «Потому что я есть. И потому что вы есть, и потому

что Бог есть… Целое состоит из одного существа… Если вы сможете узнать Бога во мне, вы тем самым сделаете первый шаг к узнаванию его в себе».

Объясняя значение санскритского термина «Бхагаван», он говорит:

> «Индийское название Бога („Бхагаван“) дословно переводится как „благословенный единый“, человек, который совершенен настолько, что познал свое собственное существо. Это не имеет ничего общего с созданием мира — я отрицаю всякую ответственность! — это просто означает человека, который узнал себя как божество».

Бхагаван переехал в шестиакровый ашрам, размещенный в городском районе Пуны (город, находящийся в восьмидесяти милях юго-восточнее Бомбея), в 1974 году. Перед этим он жил в своей квартире в Бомбее с 1970 по 1974 год. Даже тогда он был хорошо известен по всей Индии за свои яростные, изобличающие речи, но за пределами Индии его не знали. Несколько английских и американских психотерапевтов, прибывших в Индию в поиске новых прозрений, совершенствующих свой духовный рост, были среди первых представителей Запада, вошедших в контакт с Бхагаваном в Бомбее. Они нашли его просветленным мистиком, аутентичным человеческим существом, любящим Мастером, готовым помочь людям превзойти их бессознательное, обусловленное поведенческими схемами, и поплыть вперед — к состоянию Будды, или просветлению.

Просветление — это слово, свободно используемое в наши дни в духовных, ориентированных к росту, кругах. Бхагаван не обещает своим саньясинам ни просветления, ни блаженства. Он говорит, что каждый должен заслужить их посредством духовной работы, пройдя через обусловливающую и препятствующую боль, — блаженство и просветление не могут быть даны или переданы. Для того чтобы помочь ученикам на этом пути, Бхагаван придумал и ввел различные техники медитации, из которых динамическая медитация — это главная техника. Вследствие того, что люди живут сейчас фактически умственной и подавленной жизнью, Бхагаван делает особое ударение на тотальные, динамические методы медитации, включающие целостное телесно-умственное единство. Они направлены на разбивание социальных и психологических условностей и на освобождение бесчисленных эмоций и импульсов, благодаря энергичным, катарсическим методам, так, чтобы человек смог

пережить молчание и медитативное состояние.

Большая часть управления и контроля над этим ширящимся движением находится в руках женщин. Бхагаван умышленно поставил женщин на авторитетные позиции. «Я не хочу, чтобы ашрам двигался по пути интеллекта, — объясняет он. — … Я хочу, чтобы он двигался с помощью женского сердца, потому что по мне быть женственным — это стать уязвимым, стать восприимчивым. Быть женственным — это стать пассивным, быть женственным — это позволить, быть женственным — это ждать. Быть женственным — это не напрягаться и не спешить, быть женственным — это быть в любви. Да, ашрам растет благодаря женщинам, потому что я хочу, чтобы это развивалось благодаря сердцу».

Журналисты с Запада часто пытались найти параллели между тем, что случилось в Джонстауне, и движением, растущим вокруг Бхагавана. «Может ли подобное случиться снова?» — спрашивали они.

Бхагаван рассматривает все ортодоксальные религии как антижизненные, как ориентированные к смерти. На его взгляд, ужас Джонстауна был выходом негативного отношения к жизни, увековеченного установленными религиями. Бхагаван следующим образом реагирует на Джонстаунский феномен:

> «Это же я могу сказать и обо всем мире: вы не имеете права осуждать Джонса, потому что это то, чему все ваши церкви и храмы учили веками. Преподобный Джонс умер по-американски, скоро и быстро — и это все. Только я могу осуждать его…, потому что я учу жизни».

Бхагаван говорит, что он учит своих учеников тотально отличному виду смерти — смерти эго, как учили Будда Иисус и все другие просветленные существа Востока и Запада. «Я — для смерти ума, но не тела», — говорит он. — Я говорю:

> «Умирайте каждое мгновенье умерщвляйте прошлое: поймите, что каждое мгновение есть новое рождение. В этой свежести вы будете связаны с Богом».

Последующие части представляют жизненную историю человека, который пережил смерть эго, преодоление ума и реализацию того, что является реальным. Его сострадание к окружающим его человеческим существам так же сильно и проникновенно, как и его страсть к истине. Он преодолевает сверхъестественное расстояние, чтобы разделить опыт и радость своего собственного пробуждения с любым, кто готов слушать, с

любым, кто устал ото сна и разрушил иллюзии сновидений.

Рождение и семья

Отец Бхагавана — Бабулал, которого позднее назвали Дада, — родился в Тимарне в 1908 году в дигамбарской джайнской семье. Тимарне был и остается маленьким городком с шестью тысячами жителей в Мадхья Прадеш, штате, расположенном в центре Индии, в горной гряде Винджуил. Прекрасная река Нормада несет свои воды через весь штат.

Дедушка Бхагавана происходит из большой семьи, жившей первоначально в маленьком городке Басода. Басода был однажды поражен чумой, и все население подверглось эпидемии, во время которой умерли несколько членов семьи. Многие, включая отца Дада и дядю, уехали вместе со своими семьями. Они убежали в Тимарне, где жил дядя Дада. Тетя Дада также жила в Тимарне. Она помогла отцу Дада, заняв ему несколько рупий, на которые он смог закупить ткань. Благодаря этой помощи он начал свой маленький бизнес. Он грузил ткани на лошадь и продавал ее в деревнях. Позже эта тетя организовала женитьбу отца Дада и помогла ему найти и снять дом.

С ростом семьи ее положение становилось все более и более критическим. Отец Дада решил покинуть Тимарне и попробовать поискать счастье где-нибудь еще. Однажды он погрузил все свои пожитки на телегу и отправился со всей своей семьей в Кушваду, где жили родители его жены. Между Тимарне и Кушвадой находится город Гадарвара. Семья остановилась здесь. Городок был небольшим, но вполне преуспевающим — это был самый большой центр по производству зерна в районе. Отец Дада решил попробовать свой бизнес в этом городе, так в 1934 году они устроились в Гадарваре.

Дада и его отец много работали, чтобы сделать свою торговлю тканями успешной. Дедушка Бхагавана наслаждался своим бизнесом и занимался торговлей с чувством юмора. У Бхагавана есть очень нежные воспоминания об этом:

> «Я помню моего дедушку. Он был торговец тканями, и вся семья всегда удивлялась тому, с каким наслаждением он торговал. Для него долгие часы работы были игрой с покупателями. Если что-то стоило десять рупий, он просил пятьдесят, заведомо зная, что это было абсурдом. И его покупатели тоже это знали: они знали, что цена этому десять рупий, и начинали торговаться с двух рупий. Затем торг мог продолжаться часами. Мои отец и дядя уже давно бы разозлились… Но у дедушки

были свои собственные покупатели. Когда они приходили, то спрашивали, где дедушка, потому что покупки товара у него была забавой, игрой. Потерять одну, либо две рупии, больше ли, меньше ли — не в этом дело! Они тоже наслаждались этим».

Дада хотел получить образование, но оставил эту идею после четвертого класса ради того, чтобы помочь своему отцу в бизнесе. Однако он упорно помогал своим двум младшим братьям продолжать учебу — даже против желания отца, который хотел, чтобы они тоже помогали ему в бизнесе. Дада тайком накопил деньги для своего младшего брата Амритлала, так, чтобы Амритлал смог закончить высшую школу и поехать в город Джабалпур для учебы в колледже. Этот поступок Дада вызывал в семье некоторую тревогу. В 1932 году Амритлал принял участие в движении независимости, возглавляемом Ганди, и был заключен в тюрьму. Когда отец Дада и другие члены семьи узнали об этом, они были в шоке, считая, что если кто-нибудь из семьи попадет в тюрьму, то это вызовет ужасное волнение и несчастье. Дедушка Бхагавана был очень разгневан на Дада и упрекал Дада за то, что если бы Дада не помогал Амритлалу, Амритлал не доставил бы таких хлопот и не попал бы в тюрьму. Два брата Дада, Амритлал и Шикхарчанд, оказали большое влияние не Раджнеша. Амритлал со своим талантом и активностью был первым кумиром Раджнеша, который даже начал писать о нем поэму. Но Раджнешу был ближе младший дядя, Шикхарчанд. Шикхарчанд стал активным членом Конгресса, был вдохновленный его прогрессивной программой. Он верил в идеи социализма и отвечал за их распространение в Гадарваре. Юный Раджнеш какое-то время тоже разделял эти взгляды, вместе с Шикхарчандом он организовал несколько групповых митингов молодежи и вдохновил их участников принять социалистические идеалы. Естественно, что из-за своего активного участия в политическом движении Шикхарчанд не мог больше продолжать своего обучения в высшей школе.

Определяющим для всей жизни Дада было помогать другим продолжать образование. Именно он из всей семьи помог своим детям добиться ученых степеней в медицине, инженерном деле и науке.

Описание Дада, особенно его личных качеств, важно для этой истории только потому, что это в какой-то мере проливает свет на ранние годы Бхагавана, но и потому, что Бхагаван в своих поучениях часто приводит в пример своего отца. Отец Бхагавана был действительно привлекательным человеком. Он был хорошо

известен в Гадарваре и как глава семьи, и как бизнесмен, и как горожанин. Его простота, доброта, мудрость и чувство юмора проявлялись настолько ярко, что не было никого, кто при встрече с ним не был бы поражен этим.

У Дада были две особенно присущих ему черты. Первое, он был очень нежен (чувствителен) по природе. Его распорядок дня включал утренние прогулки вдоль реки и двухчасовое плавание в ней. Ранние воспоминания об отце у Бхагавана ассоциируются с этими ежедневными прогулками:

> «Первое, что я помню о нем… это то, что он будил меня в три часа утра; я был очень молодым тогда, и три часа утро были для меня самым сонным временем… Он будил меня в три часа утра и брал меня на прогулку. Это был его первый дар мне — Брахма Мухутра (время перед восходом солнца). Вначале это очень надоедало мне; я практически тащился позади него… но постепенно начал видеть и чувствовать красоту ранних утренних часов. Так я пришел к пониманию, что мгновения раннего утра нельзя терять. Возможно, Бог ближе всего к земле в эти ранние утренние мгновения».

Второе, Дада был очень дружелюбен и щедр ко всем. Одно из ранних воспоминаний Бхагавана о его отце относится к отцовской щедрости к друзьям и гостям, несмотря на то, что сам он был небогат. Каждый день у него были гости на обеде, даже если сам обед был организован на занятые деньги. Казалось, что главной целью его жизни было поделиться чем-нибудь. Бхагаван вспоминает один эпизод:

> «Однажды он потерпел большие убытки. Я спросил его, как он перенесет этот убыток. Он сказал: „Я никогда не буду в убытке, потому что мой отец оставил мне только семьсот рупий, и до тех пор, пока они целы, я не мучаюсь — остальное может приходить и уходить. Эти семь сотен никогда не будут потеряны“, — он был абсолютно уверен в этом. Я попросил его контролировать свои расходы, но без толку — вечеринки и обеды продолжались. Он всегда был щедр».

Кроме того, Дада старался помочь людям, чем мог, в том числе и деньгами. У него был прогрессивный ум, и он был способен отвергнуть социальные предрассудки даже с риском остракизма. Но более всего у Дада преобладала духовная сторона. По мнению его младшего брата Амритлала, у Дада была

репутация религиозного человека. Он ходил в храм, постился, читал писания. Но это была только внешняя сторона — внутренний его поиск выходил за рамки того, что имело отношение к храмам, книгам, и ритуалам. Последние десять лет своей жизни он медитировал ежедневно с трех до шести часов утра. Дада прожил свои последние годы в Шри Раджнеш Ашраме в Пуне, зачастую так глубоко уходя в медитацию в пятом-шестом часу, что мать Бхагавана всегда волновалась и старалась разбудить его вовремя, ибо утренний дискурс Бхагавана начинался в восемь часов. Несколько раз Дада оставался в медитации и пропускал дискурс.

Маме Бхагавана, Сарасвати Бай, сейчас шестьдесят семь лет. Люди спрашивают ее о Бхагаване и просят рассказать о его молодости, она отвечает им искренне и скромно. Свои чувства по поводу нескончаемых вопросов и того, что ее постоянно расспрашивают, она выражает так:

> «Я удивляюсь, почему он родился в такой простой семье, ведь люди приходят и задают ему множество серьезнейших вопросов, а Бхагаван отвечает на них с такой мудростью… мы просто удивляемся — как смог такой родиться в нашей простой семье! И если бы у нас были более талантливые родители, мы могли бы написать так много о его жизни, могли бы хвалить его самыми разными способами. Но мы не умеем. Нам не по себе, когда задают вопросы. Люди засыпают нас вопросами, но мы не в силах ответить на них».

Она всегда была доброй хозяйкой, известной своим гостеприимством, и идеально дополняет мужа своим, радушием, с радостью принимая и родственников, и друзей.

Сарасвати была единственным ребенком в семье, поэтому она была очень дорога своим родителям. Кушвада, где они жили, — маленькая деревня с населением в семьсот человек. Она расположена в прекрасной долине гор Виндхия в Мадхе Прадеш. Отец Сарасвати был довольно богатым и очень добрым человеком. Помимо фермы, он работал в маленькой бакалейной лавке. В прошлом детские браки были очень распространены в Индии, и мама Бхагавана вышла замуж, когда была ребенком. У этой традиции была и юмористическая сторона, как рассказывает Бхагаван:

> «Когда моя мама вышла замуж, ей было всего семь лет. Я не раз просил ее рассказать, что она при этом чувствовала, и она говорила: „Я не знаю, что

происходило. Я просто радовалась, что что-то готовится, а они не давали мне ни шагу сделать из дома. И они закрыли меня на замок в тот день, когда должна была произойти сама церемония, потому что мне были интересны только оркестр, музыка и лошади. А люди все приходили…“ Я спрашивал и моего отца: „Что ты чувствовал?“ Он говорил: „Я не знаю — я только радовался скачкам“».

И вот, благодаря союзу этих любящих, простых и открытых людей, 11 декабря 1931 года в доме своих родителей в Кушваде Сарасвати родила очень красивого здорового ребенка. Мать была необыкновенно счастлива тем, что ее первенец оказался мальчиком. Новые родственники матери были также в восторге. Особенно новоявленный дедушка. Привлекательность и красота ребенка убедили дедушку, что в их семье родился царь из какой-то прошлой жизни, поэтому он спонтанно назвал его «Раджа», что означает «царь». Отец Сарасвати полюбил своего внука так сильно что не позволил ей увезти его с собой назад, в Тимарне, где она жила с Дада и его родственниками в обстановке постоянной борьбы за процветание своего бизнеса. Бхагаван так описывает это:

«Мое раннее детство прошло в доме моего дедушки по матери, и я очень любил дедушку и бабушку… они себя чувствовали очень одинокими, поэтому хотели оставить меня при себе. Так я оставался с ними до семи лет. Я относился к ним, как к моим матери и отцу. Они были очень богатыми и имели всевозможные удобства, поэтому я жил, как принц. Отец и мать взяли меня к себе только после смерти дедушки и бабушки. Я любил только их и получал любовь только от них».

Раджу редко брали в Тимарне. Младший дядя Бхагавана, Шикхардчан, сохранил воспоминания о том чудесном ощущении, когда Раджу впервые взяли в Тимарне — тогда ему было около шести месяцев. Шикхардчан был первым, кто взял ребенка на руки. Он приветствовал прекрасного ребенка с огромной радостью. Позднее именно он дал Радже новее имя Раджнеш Чандра Махам. До своей регистрации в школе мальчика звали Раджа; после этого люди стали звать его Раджнеш.

Рождение Раджнеша не было ординарным событием, ибо это было рождение человека, который и прежде приходил на землю в поиске Истины. Он и прежде путешествовал бесчисленными путями, прошел множество школ и систем. Его прошлое рождение

было семьсот лет назад в горах, где у него была своя мистическая школа, привлекавшая учеников разных направлений и традиций из самых дальних стран. Мастер прожил сто шесть лет. Перед своей смертью он вошел в двадцатиоднодневный пост, который по окончании должен был привести его к просветлению. Но у него был выбор, он мог принять еще одно рождение перед окончательным исчезновением в вечности. Он посмотрел на своих учеников: среди них было много таких, которые остановились на половине пути и нуждались в помощи. И еще он видел великий потенциал, который должен был возникнуть после воссоединения Востока и Запада, тела и души, материализма и спиритуализма. Он видел возможность создания нового человека — человека будущего, тотально оторванного от прошлого. Он, который подошел так близко к предельному достижению, ради которого он работал так тяжело, так много жизней, решил прийти еще раз назад, в человеческое тело. Из-за своей чистой любви и сострадания он обещал своим ученикам, что вернется и разделит свою истину с ними и приведет их сознание к состоянию пробуждения.

Пленительный рассказ о предыдущем рождении Бхагавана стал известен совсем случайно, Бхагаван сам никогда не рассказывал никому об этом. Однако, много лет назад, когда его мать была в гостях у Рамлала Пунгали (в настоящее время ученик Раджнеша) в Пуне, он из любопытства спросил ее, помнит ли она что-нибудь особенное о детстве своего сына. Она рассказала ему. Она рассказала ему, что после рождения Раджнеш не кричал и не брал молока три дня.

Я поднял тот же самый вопрос снова во время интервью с матерью Бхагавана в октябре 1979 года и попросил ее вспомнить что-нибудь еще кроме того, что она раньше рассказывала у Пунгали. Она описала следующий случай:

> «Да, он не брал молока три дня. Я очень сильно переживала, но не знала что делать. Все это время с ним были моя мама. Они поила его водой все три дня и просила меня не волноваться. Только на четвертый день после того как маме хорошо выкупала его, он взял грудь».

Я спросил ее, выказывал ли ребенок в течение этих трех дней признаки какого-либо недовольства, на что она ответила:

> «Совсем нет, он оставался здоровым в течение всех трех дней».

Бхагаван объясняет это необыкновенное обстоятельство:

> «Да, это правда. Семьсот лет назад, в моей предыдущей жизни была такая духовная практика: в течение двадцати одного дня я голодал перед смертью. После этого голодания я должен был оставить свое тело. Существовали особые причины для этого. Но я не смог завершить тот двадцать один день. Оставалось три дня. Те три дня я завершил в этой жизни. Эта жизнь — продолжение оттуда…
>
> Когда оставались только три дня в той жизни, я был убит. Срок в двадцать один день не мог быть завершен, потому что я был убит как раз за три дня перед этим. И те три дня были упущены. В этой жизни те три дня были завершены».

Убийство, согласно Бхагавану, не было результатом какой-то враждебности или неприязни.

> «Я участвовал много раз в различных дискуссиях, — говорит Бхагаван. — Точно так же, как евреи много раз пытались убить Иисуса, хотя у них не было вражды к нему, человек, который убил меня, не держал зла на меня. Он был пойман, и с ним обошлись, как с врагом».

Бхагаван продолжает:

> «То убийство стало ценным. Во время смерти остались те три дня. После всех моих энергичных усилий во имя просветления в течение той жизни я стал способен достигнуть в этой жизни того, чего мог бы достигнуть в течение тех трех дней только после периода в двадцать один год. За каждый из тех трех дней в той жизни я потратил семь лет в этой жизни».

Замечательный пересказ предыдущей жизни Бхагавана семьсот лет назад открывает для нас целую проблему — существует или нет какая-либо основа для теории перевоплощений. Объяснение Бхагаваном этого вопроса основывается на его личном опыте, который имеет большое значение для всех серьезных искателей духовного пути, а также для людей, работающих в областях парапсихологии и изменений состояний сознания.

Как личность опять рождается в новом теле? Как возродился Будда? Как возродился Бхагаван после перерыва в семьсот лет?

Как он измерил пространство и время между своим прошлым рождением и этим? Это всего лишь несколько вопросов, на которые Бхагаван дал тщательный ответ. «Я обладаю тайным видением, — говорит Бхагаван. — И Будда обладал тайным видением. Когда человек, подобный Будде, рождается, он рождается совершенно сознательным. Когда человек, подобный Будде, еще находится в матке, он уже сознателен».

Естественная смерть происходит в бессознательном состоянии, в котором умирающий человек совершенно не способен к переживанию или наблюдению процесса смерти. Свидетельствование возможно только в том случае, если человек переживал глубокую медитацию, в которой мог видеть себя или свое тело отделенным от сознания. Бхагаван объясняет, что это значит умереть и возродиться в полном сознании.

> «Если вы сможете умереть в этой жизни в полном сознании, не становясь бессознательным в процессе умирания, — вы останетесь совершенно сознательным, вы увидите каждую фазу смерти, вы услышите каждый шаг и будете полностью осознавать, что тело умирает, ум исчезает, а вы остаетесь совершенно сознательным, затем внезапно вы увидите, что вы не в теле и ваше сознание покинуло тело. Вы сможете увидеть, что мертвое тело лежит здесь, а вы плаваете вокруг него.
>
> Если вы сможете быть сознательным в процессе вашей смерти, это будет одной частью рождения, одним аспектом, а если в этом одном аспекте вы будете сознательны, вы также будете сознательны, когда попытаетесь понять происходящее. Вы будете плавать вокруг пары, занимающейся любовью, — и будете совершенно сознательны, вы будете входить внутрь матки совершенно сознательно. В этом случае ребенок понимает полностью то, что происходит. В течение девяти месяцев в материнской матке вы будете сознательны, но когда ребенок, подобный Будде, находится в матке матери, качество матери меняется. Она становится более сознательной… Мать немедленно чувствует изменение сознания».

Рассказывая о своем собственном опыте, Бхагаван соглашается как с Буддой, так и с Махавирой, что двумя величайшими формами страдания являются рождение и смерть. Но взгляд Бхагавана на боль рождения намного резче и основательнее, чем на смерть. Рассказывая о муках рождения, он говорит:

> «Если вы сможете поверить мне, я скажу, что эта боль сильнее, чем смерть… и это потому, что рождение делает смерть возможной… рождение — это начало страдания, смерть же — его конец. Рождение более болезненно — и это так! И после девяти месяцев абсолютного покоя, расслабления отсутствия мучении, ничегонеделания, после этих девяти месяцев рождение — это такой внезапный шок, выбрасывающий вас наружу, такого шока для нервной системы никогда больше здесь не испытаете, никогда опять!»

Бхагаван вплотную столкнулся с трудностями нового рождения. Величайшим препятствием был поиск подходящей матки. «Для любого человека, который достигает определенной стадии развития, — говорит он, — очень трудно найти родителей, подходящих для нового рождения. Поскольку людям времен Махавиры и Будды вообще были свойственны высочайшие духовные качества, они не сталкивались с такими трудностями», — объясняет Бхагаван.

Продвинувшиеся души легко могли найти подходящие матки. В случае же Бхагавана преобладающий уклон в духовном сознании вызвал необходимость выждать определенное время, пока в Дада и Сарасвати он не обнаружил подходящий ему идеал родителей, обладающих духовными качествами, любящей природой, высокой сознательностью.

Бхагаван далее объясняет, как он вычислил разрыв в семьсот лет. Но вначале он вводит различие между природой временного измерения, когда продвинувшаяся душа находится в теле и когда она есть только сознание:

> «Временное измерение начинается только в теле. Вне тела нет никакой разницы для вас — прошло семьсот лет или семь тысяч лет. Только после приобретения тела начинается это различие».

Отсюда, для того, чтобы вычислить промежуток между своей прошлой смертью и настоящим рождением, он использовал сложный метод: вычислил время с помощью наблюдения тех, кто был с ним в его прошлой жизни и кто мог через некоторое время возродиться вновь.

> «Предположим, например, что определенный человек был известен мне в течение моей прошлой жизни (семьсот лет назад). Эти семь веков были моим отрывом от жизни, но он мог родиться десять раз.

Однако имеются воспоминания его прошлых десяти рождении. Только на основании его воспоминаний могу я вычислить, как долго я оставался вне тела».

Отличие времени, измеренного, когда человек находится в бестелесном состоянии, от обычного Бхагаван поясняет так:

«Это похоже на то, как я в определенный момент иду спать и вижу сон. Во сне я вижу, что прошли многие годы, а вы будите меня и говорите, что я дремал лишь несколько мгновений. Во сне объем в несколько лет можно увидеть за одно мгновение. Временная шкала сонной жизни иная. Если сновидец не знает, когда он заснул, тогда трудно определить отрезок времени его сна после пробуждения. Это можно узнать только с помощью часов: например, когда я проснулся в предыдущий раз, было двенадцать часов, а когда сейчас я встал после сна, часы показывают только одну минуту первого. Иными словами, я могу узнать время только по тому, что вы тоже были здесь: нет другого способа познания. Точно так же только этим способом можно определить, что прошло семьсот лет».

Бхагаван подчеркивает, что в духовном плане очень существенно для индивидуальности узнать о своих прошлых жизнях, так, чтобы она могла начать свой поиск оттуда, где она остановилась раньше. Это может сохранить значительное количество энергии и времени в последующем поиске в настоящей жизни.

«Я вам рассказываю о моей предыдущей жизни не потому, что она имеет какую-либо ценность или вы можете узнать что-то обо мне. Я рассказываю вам об этом только потому, что это может побудить вас задуматься о себе и направить вас на поиск ваших прошлых жизней. Момент, в котором вы узнаете ваши прошлые жизни, может стать духовной революцией и эволюцией. Тогда вы начнете оттуда, где вы остановились в вашей прошлой жизни. Иными словами, тогда вы потеряетесь в бесконечных жизнях и достигнете тотального сейчас. Здесь будет одно только повторение».

Так как мы продолжаем нашу историю в следующей части, мы находим, что Раджнеш рос, как мог бы расти любой нормальный ребенок, но в то же время здесь было еще что-то

особое, очень уникальное, отличающее его от других детей. Одна из характеристик, привлекшая наше внимание, это его тенденция с самого раннего возраста экспериментировать. Его интерес к людям, его острое наблюдение человеческой природы, его творчество и его собственный поиск Реальности были факторами, которые способствовали его житию прямо и непосредственно. Его поиск дал ему сверхъестественные прозрения и окружающего мира, и человеческой психики. С каждым прозрением он становился ближе и ближе к окончательной реализации Того, Что Есть.

Молодость: годы приключений

Даже будучи ребенком, Раджнеш жадно искал истину. На его поиск значительное влияние оказали несколько столкновений со смертью. Первый раз он пережил шок смерти в возрасте пяти лет, когда умерла его младшая сестра Кусу: Раджнеш очень любил ее. Он был так потрясен ее смертью, что отказался от пищи и вел себя, как настоящий джайнский монах, одетый только в повязку вокруг бедер и с нищенской сумой. Его мать так описывает эту сцену:

> «Он попросил нас всех сесть с едой. А сам, одев монашескую одежду, стал ходить из одного конца в другой, прося пищу с сумкой в руке».

И только после долгих увещеваний маленький Раджнеш смог вернуться к своему нормальному поведению.

Большую часть подобных потрясений, которые Раджнеш приравнивал к своей собственной смерти, были частью его собственных экспериментов. Три наиболее значительные из них были предсказаны астрологами. Дедушка Раджнеша консультировался у очень известного астролога, который после изучения астрологической карты Раджнеша предсказал, что ребенок может умереть после семи лет. Он считал, что нет смысла тратить попусту время на карту для человека, которому предназначена такая короткая жизнь, и поэтому не стал продолжать работу. Астролог сам вскоре умер, но его сын продолжил работу над картой Раджнеша. Сын также был озадачен и объявил, наконец, что ребенок будет сталкиваться со смертью каждые семь лет и совершенно определенно умрет в возрасте двадцати одного года. Эти предсказания, естественно, опечалили родителей Раджнеша и семью.

И, как указывает Бхагаван, астрологи были по-своему правы. Семь, четырнадцать и двадцать один были годами, в которые Бхагаван с каждым разом имел все более глубокое переживание смерти. Мы уделим здесь внимание только событиям и переживаниям Раджнеша, случившимся на седьмом и на четырнадцатом году его жизни. Переживание возраста двадцати одного года, предельное переживание, кульминацию предыдущих переживаний смерти, мы опишем в четвертой части.

Рассказывая о первом, наиболее глубоком переживании смерти, Бхагаван говорит:

«В возрасте семи лет я выжил, но я глубоко пережил смерть — не мою собственную, но смерть моего дедушки по матери. Я был так привязан к нему, что воспринял его смерть, как свою собственную».

Глубокая любовь, которую маленький Раджнеш испытывал к своему дедушке, была обоюдной. Раджнеш, бывший сыном для старика, вплотную пережил и преодолел процесс смерти своего любимого дедушки. Вот его собственные слова:

«Во время первой атаки смерти на моего дедушку он потерял речь. Двадцать один час мы ждали и надеялись, однако улучшение не наступило. Я помню, как он боролся с собой и пытался что-то сказать, но не мог. Он хотел что-то рассказать, но не мог рассказать. Мы повезли его в город на повозке. Медленно, одно за другим, покидали его чувства. Он умер не сразу, а умирал медленно и болезненно. Сначала остановилась речь, затем слух, затем он закрыл глаза. Я был рядом с ним в повозке, и все это происходило на моих глазах, а расстояние было длинным, в тридцать две мили.

Все, что происходило тогда, происходило по ту сторону моего понимания. Это была первая смерть, которую я видел, и я даже не понимал, что он умирает. Но постепенно все чувства покинули его, и он потерял сознание. Когда мы подъехали к городу, он был уже наполовину мертв. Он продолжал дышать, но все остальное было потеряно. Он больше не приходил в сознание, но в течение трех дней продолжал дышать. Он умер бессознательным.

Его медленная утрата чувств и его окончательная смерть очень глубоко врезались мне в память».

Для Раджнеша исчезновение его любимого дедушки было подобно крушению всего мира. Бхагаван продолжал описывать, как он чувствовал смерть своего дедушки:

«Когда он умер, я почувствовал, что было бы предательством есть. Теперь я не хотел жить. Это было детством, но посредством этого произошло что-то очень глубокое. В течение трех дней я лежал без движения, я не мог встать с кровати. Я говорил: „Если он умер, я не хочу жить“. Я выжил, но эти три дня были переживанием смерти. Умерев тогда, я пришел к пониманию, и теперь я могу говорить об этом, хотя в то время это было только

неясное переживание. Я пришел к ощущению, что смерть невозможна…»

Когда однажды его спросили, какое событие дало ему толчок к духовному развитию. Бхагаван ответил так:

> «Такого события нет. Это происходит много раз. Бывает, какое-то событие производит переворот в жизни человека. В моей жизни не было такого события, которое можно назвать причиной такой перемены. Однако самое ценное воспоминание в жизни это то, которое касается смерти».

То, что произошло с его любимым дедушкой, привело его к более глубокому осознанию феномена смерти. Так, он говорит. «Смерть пристально посмотрела на меня еще прежде, чем начался ход жизни». Бхагаван добавляет дальше, что «для меня возможность становления какого-либо моего центра была разрушена с первых шагов моей жизни. Первый центр, который образовался, был разрушен». Эта смерть вызвала глубокое изменение в Раджнеше как в индивидуальности. Это было так, как если бы почва ушла из-под ног, и возник облик реальности. Разрушение интимной, глубоко сердечной связи принесло, помимо этого, свободу быть тотально собственной самостью — быть одиноким.

Бхагаван показывает это так:

> «„Фактичность“ одиночества охватила меня с семи лет. Одиночество стало моей природой. Его смерть освободила меня навсегда от всех отношений. Его смерть стала для меня смертью всех привязанностей. С этого времени я не смог бы образовывать узы отношений ни с кем. Всякий раз, когда мои отношения с кем-либо приближались к интимным, та смерть пристально смотрела на меня».

Здесь необходимо понять, что смерть не сделала его негативным по отношению к другим. Он только перестал рассматривать других в контексте связывающего отношения. Отсюда, «смерть» стала контекстом каждого живого существа, с которым он вступал в близкий контакт. Он постоянно осознавал с тех пор, что человек, к которому он чувствует близость сегодня, может легко уйти завтра.

Размышляя дальше о смерти своего дедушки, Бхагаван говорит:

> «Это событие можно считать первым, оставившим глубокий отпечаток и оказавшим сильное влияние на мой ум. С тех пор это было всегда со мной, каждый момент сознания жизни неизменно ассоциировался с сознанием смерти. Соответственно, быть или не быть имело одинаковую ценность для меня».

Чувство одиночества имело значительные последствия для его естественного роста. Настоящая реальность смерти и тщетность поиска какой-либо постоянной связи подвели его ближе к пониманию, что в становлении одинокий человек также становится по-настоящему счастливым. Вот как Бхагаван объясняет это:

> «С того времени, каик первое ощущение одиночества становилось все глубже и глубже, нечто новое начало происходить в моей жизни. В тот первый раз одиночество было для меня только несчастьем, по постепенно оно перерождалось в счастье… С тех пор я не страдал ни от какого несчастья».

Для него становилось очевидным, что его одиночество на самом деле было состоянием становления, центрированным в его собственной самости. Это было состояние, в котором он не стремился почувствовать независимость от других. В действительности это была свобода от независимости, которая сделала его постоянно счастливым. Он подтверждает:

> «Не было другого способа, кроме возвращения к моей собственной самости. Я был, так сказать, отброшен назад к моей собственной самости. Постепенно это делало меня все более и более счастливым. Я почувствовал, что близкое наблюдение смерти в столь нежном возрасте стало благословением к изменению меня».

После смерти дедушки Раджнеш начал жить со своими родителями и семьей в Гадарваре. В то время Гадарвара был маленьким городом с населением в двадцать тысяч жителей — оно с тех пор удвоилось. Город находится в шестидесяти милях от города Джабалпур. Его горожане — главным образом купцы, приверженцы индуистской религии, а сам город окружен маленькими деревнями. В нем есть начальная школа и публичная библиотека.

Раджнеш был принят в Гандж Праймери Скул Гадарвары в

возрасте семи лет. Но даже в этом раннем возрасте он находил традиционное школьное образование слишком узким и ограниченным для своего творческого интеллекта. По этой причине в течение двух лет его не могли убедить в необходимости регулярного посещения школы. Его мама рассказывает, что ради того, чтобы не пойти в школу, он мог придумывать любую историю. Однажды он пришел домой плача и сказал, что не пойдет в школу снова, потому что учитель применил к нему физическое наказание. Мама была потрясена и попросила младшего дядю Раджнеша Шикхарчанда пойти и немедленно поговорить с учителем. Дядя взял маленького Раджнеша с собой и направился к школе, но по дороге Раджнеш рассказал ему, что притворился и что учитель не наказывал его. Он просто не хотел идти в школу.

Раджнеш никогда не одобрял отупляющего и бессмысленного образования и бездарных учителей. Он отвергал всю систему с самого начала. Он не видел ничего ценного в обучении, ничего большего, чем просто слова или бессмысленные детали, ничего, что помогло бы ему в своем внутреннем поиске. Он стал совершенно безразличным к школьному курсу обучения и испытывал большую антипатию к изучаемым предметам. Бхагаван так описывает свои чувства к этому обучению:

> «Начиная с детства, я не интересовался ни одним предметом в школе — отсюда мое плохое знание истории! Меня всегда озадачивало, почему мы должны были помнить эти глупые имена, почему, на кой ляд, нас заставляли помнить имена некоторых людей, даты, точные даты, точные имена..? А все, что эти люди сделали, такое безобразное! История — это ахинея! Почему же нас заставляли? Поэтому я почти никогда не присутствовал на уроках истории. Я никогда не интересовался уроками языка, любого языка.
>
> Весь мой интерес с самого начала заключался в том, как превзойти ум. Никакая история не может помочь, никакая география, никакая математика, никакие языки — ничто не может помочь. Все эти вещи не существенны. Все мое существо двигалось в совершенно другом направлении».

Раджнешу было бы трудно связать себя с каким-либо учителем, потому что он не мог найти никого, способного понять его нужды или кто пережил бы его желание поиска. Эта ситуация так же, но другим образом отбросила Раджнеша назад к его центру — он однажды опять обнаружил себя одиноким.

«Я не мог принять никого в качестве моего учителя, — объясняет Бхагаван, — хотя я всегда был готов учиться, но я не нашел никого, кого смог бы назвать „мой Мастер“». Феномен смерти, который он наблюдал так ярко и близко, продолжал для него оставаться загадкой, глубокой тайной, и он искал кого-либо, кто смог бы рассказать ему, что такое смерть. «Все, кого я находил, — продолжает Бхагаван, — были очень сильно вовлечены в жизнь. Никто из тех, кто не видел смерти, не мог стать моим учителем. Я хотел уважать их, но не мог. Я мог уважать реки, горы и даже камни, но не человеческие существа… Я не встретил такого учителя, которого мог бы просто уважать, потому что никогда не чувствовал в них ничего, связанного с абсолютной истиной, что без этой жизни могло бы иметь хоть какое-то значение… Я никогда не чувствовал, что я был маленьким ребенком и что я могу остаться под чьим-либо руководством и зашитой. Нет, это не значит, что я ни к кому не ходил. Я ходил ко многим людям. Но всегда возвращался ни с чем и чувствовал, что все то, что мне было сообщено, я уже знал. Не было ничего такого, чему я мог бы научиться от них».

Раджнешу это создало некоторые трудности. Часто его рассматривали как эгоиста и наглеца, грубияна и даже мятежника. Часто он попадал в затруднительные ситуации. Но была и другая сторона этого — и очень важная. «Я был отброшен к себе и с другого направления также, — говорит Бхагаван, — потому что я никогда не верил и не чувствовал, что истине можно научиться от других. Был только один путь обучения — учиться у себя самого».

С первого же класса Раджнеш стал известен своим прекрасным почерком и способностью к рисованию. Он начал читать газеты и журналы во втором классе и стал членом публичной библиотеки — самым молодым ее читателем. Тогда же, в начальной школе, Раджнеш проявил свой поэтический талант, умение сочинять короткие рассказы, писать статьи и фотографировать. В шестом классе Раджнеш издавал рукописный журнал «Праньяс», что означает «Усилие».

Его необычайное умение рассказывать истории сделало молодого Раджнеша популярным; особенно хорошо он умел пересказывать детективные истории. Свами Агеха Сарасвати, друг детства, с любовью вспоминает о тех днях в школе, когда весь урок по просьбе друзей Раджнеш мог рассказывать своим

товарищам-студентам сенсационные детективы.

Река, что течет через Гадарвару и называется Шаккар (что означает «сахар», так как у нее сладкая вода), играла огромную роль для тела и души Раджнеша. Он играл в ней и с нею в любом настроении. Все его существо было связано с рекой и с тем, что ее окружало. Он очень поэтически описал свое отношение к реке:

> «В детстве я вставал очень рано, чтобы поскорее пойти к реке. Это была маленькая деревня. Река здесь очень, очень ленивая, как будто не течет совсем. И утром, когда солнце еще не поднялось, вы не смогли бы увидеть — течет она или стоит, такая она ленивая и тихая. Спозаранку, когда здесь никого нет и купальщики еще не пришли, вокруг такая тишь! Даже птицы не поют — рано, ни звука, все пронизано тишиной. И запах деревьев манго висит над всей рекой.
>
> Я приходил сюда, в самый дальний уголок реки, просто посидеть, побыть там. Там не надо было ничего делать, просто находиться там было достаточно, это такое прекрасное чувство быть там. Я мог купаться, мог плавать, а когда солнце поднималось, мог перейти на другой берег, где было море песка, и греться, лежа под солнцем, а иногда даже спать».

Когда мама спрашивала его, что он делал утром, Раджнеш мог сказать «ничего». Неудовлетворенная, мама повторяла вопрос. Бхагаван говорит:

> «Моя мама настаивала, что я должен был что-нибудь делать, и когда я говорил: „Хорошо, я купался и сох на солнце“, — она была удовлетворена. Но я — нет, потому что происходившее там, на реке, нельзя было выразить словами „я купался“ — эти выглядело так бедно и невзрачно. Игра в реке, парение в реке, плавание в реке было таким глубоким переживанием, что сказать просто „я купался“ значило лишить смысла все это, а сказать: „Я ходил туда, гуляя по берегу, сидел там“, — значит не передать ничего».

Раджнешу повезло: он нашел человека, бесконечно любившего реку. Этот человек дал молодому Раджнешу первые уроки плавания, и он же научил его чувствовать реку. Способ, каким этот искусный пловец учил его плавать, дал молодому Раджнешу поистине проникновенное переживание тайны тотального бытия. Вот как Бхагаван описывает это:

«В детстве меня послали к мастеру по плаванию. Он был лучшим пловцом в городе, и я никогда не сталкивался с человеком, который бы так страстно любил воду. Вода была богом для него, он поклонялся ей, и река была его домом. Вы могли найти его на реке рано, в три часа утра, вы могли бы найти его и ночью, сидящим, медитирующим на берегу реки. Он не представлял себе жизни без реки.

Когда меня привели к нему — я хотел научиться плавать, — он что-то почувствовал, взглянув на меня. Он сказал: „Нельзя объяснить, как научиться плавать. Я могу только бросить тебя в воду, а ты попробуй выплыть своим собственным способом. Нет способа, каким можно было бы научиться этому — этому невозможно научиться. Это навык, а не знание“.

И все, что он сделал, — это бросил меня в воду, а сам остался на берегу. Два или три раза я шел ко дну и чувствовал, что тону. Он как раз стоял там — он мог, но даже не пытался мне помочь! Конечно, когда поставлена на карту ваша жизнь, вы делаете все, что можете. Так и я начал бить руками по воде, это произошло случайно, лихорадочно, но навык появился. Когда жизнь висит на волоске, вы сделаете все, что можете, причем сделаете тотально — тогда все происходит!

Я мог плавать! Я был так рад! „В следующий раз, — сказал я, — не надо бросать меня в воду, я сам прыгну“ Теперь я знал, что существует естественная плавучесть тела. Это вопрос не плавания — это только вопрос настройки в унисон с водной стихией. Однажды вы попадаете в тон с ней, и это спасает вас».

Свами Агеха Сарасвати вспоминает пережитые ощущения из детства с Раджнешем:

«Было очень приятно проводить ночи у реки с Бхагаваном. Это было большей частью невероятное, а иногда пугающее переживание, потому что никто из нас, его друзей, не представлял, что он будет делать, странствуя по берегам реки. Он был или тотально непредсказуем или, наоборот, чрезвычайно спонтанен, но мы следовали за ним с полным доверием и с нервной дрожью в предвкушении приключений.

Мы отлично проводили время с Бхагаваном, плавая в реке. Даже когда река сильно бурлила, Бхагаван мог предложить нам прыгнуть в нее и плыть на другой берег.

> И не только это: он мог попросить нас доплыть до какой-то определенной точки на том берегу; мы никогда не могли сделать этого, так как поток реки был таким сильным и течение таким бурным, что мы всегда проплывали на несколько миль установленную точку. Бхагаван же никогда не отступал от избранного направления и всегда просил встречать его у назначенного места».

Река служила Бхагавану и убежищем. Когда он чувствовал глубокую печаль, он всегда приходил к реке и погружался в медитацию. Его друзья хорошо запомнили два случая, когда умерла подруга его детства Шаши и еще, когда в январе 1948 года был убит Махатма Ганди. Услышав о смерти Ганди, Раджнеш рассказывал об этом друзьям с огромной печалью и даже плакал. В тот вечер они пошли к реке и долго медитировали.

Для Раджнеша река и все, что ее окружает, было идеальным местом для глубокой медитации. Однажды, когда его спросили, делал ли он какую-либо садхану (духовную практику), Бхагаван рассказал интересную историю. Когда кино было еще новостью для Гадарвары, показ мог длиться по четыре-пять часов или даже больше — из-за такого режима проектор часто ломался. Раджнеш вечером уходил из дома пораньше и говорил семье, что идет в кино. Но на самом деле проводил вечер, отдыхая на песчаном берегу реки совершенно нагим. В семье не интересовались его поздними возвращениями, так как знали обстановку в кинотеатре.

Так, его близость к реке была большим переживанием бытия в состоянии полной и глубокой релаксации. Это помогло ему перейти на более глубокие уровни сознания.

Как и всякий ребенок, Раджнеш испытывал к смерти огромный интерес. Он часто следовал за людьми, везущими мертвое тело к месту кремации. Когда родители спрашивали его, почему он все время ходит на чужие похороны, он говорил «Человек меня не касается. Смерть — вот это прекрасный феномен, причем один из самых таинственных. Человек не должен пропускать это». Стараясь пояснить это, Бхагаван говорит: «Прослышав, что кто-то умер, я всегда старался прийти, чтобы наблюдать, ожидать, свидетельствовать то, что происходит». Он видел и слышал, как люди философствуют по поводу смерти и цитируют писания. Этот вид глупости раздражал Бхагавана.

> «Я начал чувствовать, что ведь они уклоняются. Как участвуя в дискуссии, они уклоняются от этого феномена. Они не видят смерть человека. А это здесь!

Смерть здесь, а вы обсуждаете это! Что за дураки?»

Свами Агеха Сарасвати подтверждает то, что мальчиком Раджнеш по ночам часто уходил один на кремационную землю и лежал там целыми часами.

Видя эту экстраординарную тенденцию в поведении сына, родные опять забеспокоились по поводу предсказания смерти Раджнеша, особенно когда ему наступило четырнадцать лет. И на этот раз тоже Раджнеш выжил физически, хотя опять столкнулся со смертью уже сознательно. Он сообщил семье, что, согласно предсказанию, смерть наступит обязательно, поэтому будет лучше, если он подготовится к ней. Он решил встретить смерть на полпути, столкнуться с ней сознательно. Родители были шокированы и озадачены, услышав это, но не стали вмешиваться в его планы.

Раджнеш твердо решил выполнить свой план. Сначала он пошел в школу и попросил о семидневной отлучке. Он сказал директору, что идет умирать. Тот не мог поверить своим ушам. Думая, что Раджнеш хочет совершить самоубийство, он потребовал объяснения. Раджнеш рассказал директору о предсказании астрологом возможности своей смерти в четырнадцать лет и сказал: «Я отлучаюсь на семь дней, чтобы ждать смерть. Если смерть придет, то хорошо бы встретить ее сознательно, так, чтобы она стала опытом». Директор был поражен, но согласился.

Затем Раджнеш пошел к руинам старого, стоявшего на отшибе деревни храма. Священник заботился о храме, как мог. Раджнеш попросил его приносить раз в день какую-нибудь пищу и воду, в то время как он будет лежать в храме, ожидая смерти.

Это было прекрасное переживание для Раджнеша. Действительная смерть не наступила, но Раджнеш сделал почти все возможное, чтобы «стать мертвым». Он прошел через несколько страшных и необычных ощущений. Многие вещи произошли с ним, но, как говорит Бхагаван, «основным было следующее наблюдение — если вы чувствуете, что умираете, вы становитесь спокойны и молчаливы».

Некоторые из его переживаний были бесподобны! Бхагаван рассказывает о том, как человек относится к страху смерти:

> «Я лежал. На третий или четвертый день в храм заползла змея и попала в мое поле зрения: я видел ее. Но не было страха. Змея подползала ближе и ближе и мне стало как-то не по себе. Но страха не было. И я подумал: „Когда смерть приходит, она может прийти и через эту змею, так чего бояться? Жди!“

Змея переползла через меня и уползла прочь. Страх исчез. Если вы принимаете смерть, то страха нет. Если вы цепляетесь за жизнь, то страх будет с вами».

Если однажды смерть принята как реальность, ее принятие сразу отводит вас на определенную дистанцию, с которой человек начинает наблюдать поток событий в жизни как простой зритель. Это возносит человека над болью, печалью, мучениями и отчаянием, которые, как правило, сопровождают это событие. Бхагаван описывает свои чувства, связанные с таким состоянием отрешения:

«…Вокруг все время летали мухи, они ползали по телу, по лицу. Иногда я чувствовал раздражение и хотел их стряхнуть, но потом подумал, какой в этом прок? Рано или поздно я буду умирать, и тогда здесь не будет ни одного человека, никто не защитит моего тела. Так пусть мухи делают свое дело.

В тот же момент, когда я это подумал, раздражение исчезло. Мухи продолжали ползать по моему телу, но это было так, как будто они меня не касались. Это было так, как будто они ползали на каком-то другом теле. Появилась дистанция. Если вы примете смерть, дистанция появится. Жизнь отойдет со всеми ее тревогами, раздражениями, делами».

Но это совсем не означает, что Бхагаван верил в предсказание астролога. И все же оно благоприятствовало его побуждению исследовать смерть, понять ее экспериментально. Бхагаван заключает:

«Физически я, конечно, однажды умру. Однако это предсказание астролога помогло мне очень сильно, потому что оно помогло мне осознать смерть очень рано. Я мог непрерывно медитировать и непрерывно принимать то, что это наступит».

Таким образом, интенсивно и медитативно проходя через переживание умершего существа, Раджнешу стало совершенно ясно, что, даже несмотря на то, что его тело стало мертвым в смысле своей неспособности отвечать на какой-либо внешний раздражитель, его сознание оставалось абсолютно ясным. Он размышляет:

«Я умер на пути, но пришел к пониманию, что нечто

бессмертное все-таки здесь есть. Однажды вы примете смерть тотально, и вы станете сознавать ее».

Раджнеш использовал реку и для того, чтобы столкнуться лицом к лицу со смертью. Его дядя, друзья и родственники вспоминали, как он мог прыгнуть в самое опасное место реки и переплыть ее, как он мог вскарабкаться вверх по мосту высотой в семьдесят футов и оттуда спрыгнуть в мчащуюся реку. Одним из его наиболее опасных экспериментов был прыжок в водоворот. Для него самого падение в водоворот было «одним из наиболее прекрасных переживаний». Бхагаван сам описывает природу водоворота и свое переживание, связанное с ним:

> «В реках, особенно когда они поднимаются в период дождей, обнаруживается много водоворотов, очень мощных и крутых. Вода закручивается и вращается подобно винту. Если вы попадаете в водоворот, вас захватит, потянет ко дну, и чем глубже вы будете погружаться, тем сильнее будет затягивать водоворот. Естественная реакция эго — конечно же, бороться, потому что водоворот похож на саму смерть. Эго пытается бороться с водоворотом, и если вы боретесь с ним в поднявшейся реке или перед водопадом, где таких воронок много, вы неизбежно пропадете, потому что водоворот очень силен. Вы не сможете преодолеть его.
>
> И это является феноменом водоворота: поверхность водоворота велика, но чем глубже вы идете, тем уже и уже он становится — сильнее, но уже. И почти у дна воронка так мала, что вы можете очень просто выйти из нее без всякой борьбы. Фактически около дна воронка сама выбросит вас. Но надо дождаться дна. Если вы боретесь на поверхности, то как бы вы ни старались, вы не сможете выжить. Я пробовал со многими водоворотами: это переживание прекрасно».

Это описание дает нам картину проникновения Бхагавана в природу смерти. Чем больше человек борется со смертью, тем больше у него шансов быть закрученным и поглощенным ею, но если, вместо сопротивления ей, человек позволяет сам себе идти глубже внутрь самосозерцания, то он или она уверенно выйдет из этого страшного переживания. Когда человек проникает в тайны смерти и достигает ее дна, он автоматически возвращается невредимым и свободным от страха перед ней.

Либо благодаря плаванию в реке, либо в поисках новых приключений, Раджнеш долгое время оставался лидером ужасной

шайки мальчишек — они любили и уважали его безгранично. Он был не только их вожаком, но и их наставником и руководителем. Они удивлялись остроте его ума, мужеству, его творческому духу. Раджнеш относился с любовью к своим друзьям и всячески заботился о них. Он не только сам экспериментировал с чем-то новым, но и побуждал своих друзей делать что-нибудь новое каждый день, избегая повторений. Он постоянно напоминал им, что надо бороться против суеверий и лицемерия.

Раджнеш и его шайка так прославились в городе своими бесстрашными экспериментами, что даже местные воры и убийцы, как говорят его друзья, избегали враждовать с ним. Еще они любили угадывать кого-нибудь. Они были активны всегда, в любое время дня и даже в лунные ночи. Могли устроить шутку с освобождением всех ослов города и после этого кататься на них до рассвета.

Поток жалоб от негодующих горожан дошел до родителей Раджниша. Его отец, услышав истории о своем проказнике-сыне, был скорее смущен тем, что не знал, как к этому отнестись, ведь большинство жертв не высказывали ничего более серьезного, чем жалобы на незначительно задетое самолюбие. В общем отец не обращал на это никакого внимания, за исключением одного случая, когда он в раздражении запер своего сына в туалете. Он запретил Раджнешу выходить до тех пор, пока тот не смягчится, но это наказание привело к совершенно противоположному эффекту, потому что сын остался полностью удовлетворен тем, что его оставили в покое и он мог один наслаждаться в компании с самим собой. Он оставался запертым несколько часов и не подавал никаких признаков жизни. Когда отец спросил встревожено, все ли в порядке, Раджнеш сказал ему спокойным голосом, что волноваться нет причин и что он был бы счастлив оставаться здесь сколько угодно.

Однажды учитель решил наказать Раджнеша за опоздание в школу, заставив его обежать вокруг школьной территории. Мальчик продолжал приходить поздно и наслаждался этим упражнением изо дня в день — до тех пор, пока, наконец, учитель не отменил наказание.

Впервые Раджнеш взбунтовался в школе, когда учился в седьмом классе. Директор школы был известен жестокими дисциплинарными требованиями и проявлял особую строгость в соблюдении правил и постановлении школы. Свободный дух Раджнеша не принимал никакой предписанной дисциплины — он верил только в спонтанную самодисциплину. В этой школе каждый должен был носить матерчатую шапку, и только Раджнешу все же было разрешено носить шерстяную. Но однажды

Раджнеш вошел в кабинет директора и спокойно объявил, что впредь обязательная матерчатая шапка не должна быть атрибутом ученика — если будут продолжать требовать постоянного ношения шапки, ученики объявят забастовку. Директор, должно быть, понял ситуацию правильно, потому что с того дня никто больше не заставлял учеников носить эти шапки. Позднее Раджнеш объявлял еще несколько протестов в школе против других бессмысленных правил, жестокой дисциплины и лицемерного поведения учителей.

Бунтарство Раджнеша проявлялось и в виде проделок, целью которых большей частью было показать лицемерное общество, выпустить пар из их эго. Его хитрости и дразнилки не были злорадными, в его намерения никогда не входило причинить боль кому-нибудь; все, что он делал, исходило из самых добрых чувств. На поверхности его энергия, казалось, была направлена на личность, но в действительности он направлял ее на древние предрассудки и эгоистическое поведение. Личность никогда не была его мишенью: он атаковал только застывшие шаблоны. То, что Раджнеш делал в своем маленьком родном городке, то есть когда он отпускал острые шутки, он делает и сейчас, когда смеется над священниками и папой, пандитами и политиками.

Природу и качество раджнешевского юмора можно рассмотреть на примере следующей истории, рассказанной его другом Свами Агеха Сарасвати. На этом примере можно увидеть, как он вербовал непосредственных участников для своего изучения человеческого поведения. Ему было свойственно получать наслаждение от того, что он позднее назвал «подвергнуть действию праведную жертву».

В Гадарваре был врач, который выставил дощечку со своим именем и длинным списком своих академических степеней. Раджнеш и его друзья определили, что когда доктор был в своем офисе, то ему слышно, как читают его имя и степени с другой стороны улицы. Шайка действовала по раджнешевской инструкции: каждый раз, когда один из них проходил мимо офиса доктора, он громко читал вслух всю табличку. Замечая это, доктор раздражался — но насмешник уже уходил. Со временем доктора так стала раздражать эта ситуация, что он пожаловался родителям молодых проказников. Когда родители разобрались, в чем дело, то не нашли в нем ничего оскорбительного, разве что это было немного через край, и в итоге вскоре сами развеселились от всего этого. История разошлась по всему маленькому городку, и доктор, по-видимому, понял, что его вывеска была проявлением чистейшего тщеславия и эгоизма. Он вскоре снял ее.

Раджнеш был против британского господства над Индией. Еще один друг его детства, Гулаббхай, поделился своими воспоминаниями и рассказал, что молодого Раджнеша глубоко задевала политическая и социальная несправедливость, царящая в Индии. Гулаббхай дружил с Раджнешем с 1940 по 1950 годы. Он на десять лет старше Бхагавана и в настоящее время по-прежнему является его учеником. Он занимался небольшим бизнесом в Гадарваре.

> «Мужество и бесстрашие были замечательнейшими качествами Раджнеша, — говорит Гулаббхай, — … и мы всегда восхищались тем, как мужественно он выявлял пороки общества. Несмотря на то, что Бхагаван был моложе некоторых из нас, мы относились к нему с трепетом и большим уважением. Тот вид бунтарства, который Бхагаван показывает сейчас в таком широком диапазоне, мы наблюдали в меньшем объеме в наши школьные дни».

Согласно Гулаббхаю, Раджнеш никогда не проявлял никакого интереса к участию в политике — для него главным было смело выступать против угнетения, несправедливости и лицемерия. Даже несмотря на то, что он был против британского правления, он никогда не был членом борцов за свободу в рядах партии Конгресса или какой-либо другой политической партии — у него всегда был свой независимый голос.

Раджнеш восхищался Махатмой Ганди за его искренность и неустанные усилия, но никогда не разделял с Ганди идеи идиосинкразии. Далее в этой книге мы рассмотрим критику Ганди Бхагаваном.

Тем не менее, в 1940 году представитель Индийской Национальной Армии (ИНА), которую возглавлял Субхаш Чандра Бос, встретился с Раджнешем и его дядей Шикхарчандом. Он вдохновил его создать молодую ветвь ИНА, и Раджнеш стал ее капитаном. Кроме того, некоторое время Раджнеш был членом другого националистического движения — Раштрийя Свайямсопак Сигх (РСС), но тоже не задержался в нем надолго. Фактически он покинул как ИНА, так и РСС потому, что не мог принять никакую внешнюю дисциплину, идеологию или систему.

Экспериментирование было такой же большой частью раджнешевской жизни, как и его бунтарство. Каждый день он делал что-либо новое, другое — поиск продолжался на всех уровнях. Он экспериментировал со сном, выбирая непривычные часы для подъема и отхода ко сну, он пробовал голодать, есть в необычные часы, он медитировал, стоя в реке, в лесу, под

проливным дождем, он успешно экспериментировал с гипнозом.

«Часто Раджнеш привлекал к своим экспериментам друзей», — говорит еще один друг детства Бхагавана, Свами Сукхрадж Бхарати. Например, рассказывает Сукхрадж, когда они плыли в лодке, Раджнеш толкнул того, кто не умел плавать, в реку, после чего заботливо охранял его от погружения на дно, в то же время позволяя ему бороться. Иногда при этом он погружал на несколько секунд голову пловца поглубже в воду. Когда приятель все-таки самостоятельно выбрался на берег, Раджнеш спросил его, как это было. Но таким ли способом он узнал, насколько интенсивно переживание человека под водой, когда у него нет возможности дышать? Раджнеш после этого эксперимента объяснил, что только когда человек доходит до такого страшного напряжения, где ставка — его жизнь, только тогда начинается настоящий поиск Бога.

В раджнешевские эксперименты входило и разгуливание на скале посреди реки. Его друг Свами Агеха Сарасвати рассказывает:

> «Он мог взять нас глубокой ночью на прогулку к реке. Мог пригласить нас вскарабкаться на высокие холмы и уже оттуда прогуляться на скалы — это был эксперимент, от которого наши волосы дыбом вставали от ужаса. Мы боялись умереть. Несколькими сотнями футов ниже была глубокая долина: один срыв — и мы разбились бы внизу вдребезги. При всем том мы всегда знали, что главной его целью было делать нас все более и более сознательными, бдительными и мужественными».

Все эти эксперименты были направлены на переживание состояния медитации. Бхагаван описывает хождение по скале и прыжки в реку с моста как пример переживания мгновений, когда человек превосходит свои ум:

> «В детстве я брал своих друзей на реку. Вдоль одного берега, по самому краю, вилась узенькая тропка. Идти по ней было очень опасно: всего лишь один шаг, сделанный бессознательно, — и вы упадете в реку, как раз там, где глубже всего. Никто никогда там не ходил, но для меня это было самое любимое место. И я просил своих друзей вместе со мною пройти по узкому краю. Лишь очень немногие готовы были идти на такое, но тот, кто шел, получал действительно прекрасное переживание. Потом они говорили: „Как странно, что ум совсем

останавливается!“

Я брал своих друзей на железнодорожный мост — прыгать… в реку. Это было опасно… это было запрещено. На мосту всегда стоял полицейский, потому что это было место для совершения самоубийств. Мы подкупали полисмена, чтобы он разрешал нам прыгать с моста. В конце концов, с трудом он начал сознавать, что это особенные люди — они не хотят умереть или что-нибудь в этом роде… и они не интересуются самоубийством. В итоге он полюбил нас и перестал брать взятки. Он сказал: „Вы можете прыгать, я не буду смотреть в эту сторону. Можете приходить, когда хотите“.

Мост был слишком высок для прыжков… И на какой-то момент, когда вы еще не достигли реки — в промежутке между мостом и рекой, — ум внезапно останавливается.

Это были мои первые проблески медитации — вот почему я стал все более и более интересоваться медитацией. Я задал себе вопрос, как можно добиться наступления таких моментов без хождения по горам, к реке, мостам, как человек может позволить себе входить в эти пространства без передвижения куда-нибудь, а только с помощью закрытия глаз. Однажды испытав это, это не трудно».

И все-таки во всех этих экспериментах главным была смелость. Бхагаван неустанно повторял, что искатель Истины — это тот, кто постоянно экспериментирует, а для того, чтобы экспериментировать и достичь Истины, необходимо мужество. «Мужество, — говорит Бхагаван, — это величайшее в жизни качество, ибо без мужества нет свободы, а без свободы нет Истины…»

Сам Раджнеш упорно работал над сохранением состояния полного внимания и сознательности. Например, когда он учился в высшей школе, один из учителей, которого Раджнеш любил и которым восхищался — настаивал ни том, чтобы при перекличке студенты говорили «присутствую», а не «да». Комментируя это, Бхагаван говорит:

«Конечно, это было эксцентрично! Не имеет значения, скажите ли вы „да“ или „присутствую“. Но во мне зародились ощущение, что он хотел этим что-то сказать, и я стал медитировать на этом. И всякий раз, когда он называл мое имя, я говорил „присутствую“, и не

просто говорил — я чувствовал это: „Я не просто присутствую, я это сознаю, я бдителен“. И я переживал прекрасные мгновения в течение полминуты, я так присутствовал, что и класс исчезал, и учитель».

В равной степени Раджнеш был бдителен и к обусловленности, изложенной извне.

Он говорит:

«Я родился в джайнской семье и, естественно, как и любой другой ребенок, подпадал под обусловленность. Но я постоянно наблюдал, постоянно был бдительным, и поэтому я не был захвачен обусловленностью врасплох. А обусловленность — это такая утонченная штука, что стоит тебе лишь увлечься ею, как теряешь способность размышлять и видеть — все, противоречащее твоей обусловленности, делает тебя глухим и слепым».

По традиции джайны не принимают пищу после захода солнца. Раджнеш был воспитан в соответствии с этой традицией, и эта обусловленность преподала ему ужасный урок. Бхагаван рассказывает о таком эпизоде:

«До восемнадцати лет я не ел вечером. Как-то я пошел с друзьями посмотреть форт, далеко в джунгли. Все, кроме меня, были индуистами, а форт настолько захватил нас своим великолепием, что за весь день никто и не вспомнил о еде. Среди них я был единственный джайн, и я не мог настаивать, потому что тридцать человек не интересовались приготовлением пищи. Поэтому я молчал. Вечером же они стали готовить еду. Представьте себе, как я, целый день, блуждая по лесу, по развалинам древнего замка, устал и проголодался! Никогда я еще не испытывал такого голода. Но тут моя восемнадцатилетняя обусловленность говорит мне: есть вечером нельзя.

А рядом друзья готовили что-то очень вкусное, запах еды разносился повсюду… И они стали уговаривать меня, убеждая: „Здесь никого нет, никто не расскажет твоим родителям, никто никогда об этом не узнает“. Я сопротивлялся, но чем больше сопротивлялся, тем больше меня охватывало искушение. Наконец я сдался и поел. Еда была очень вкусной, но всю ночь я испытывал адские мучения. Меня вырвало, по меньшей мере семь раз. Эту восемнадцатилетнюю обусловленность не так

легко было отбросить. Я не смог переварить пищу. Все тело восстало против нее. И пока вся пища не была удалена, я не мог уснуть».

Раджнеш проявлял способность к рациональному мышлению и логическому изложению своих мыслей с самого раннего возраста. Он начал выступать с речами и участвовать в дебатах с шестого класса. В девятом классе его деятельность возросла. Свами Агеха Сарасвати, его друг, сказал мне, что Раджнеш уже в раннем возрасте отличался своей способностью принять любую сторону в дискуссии и победить оппонента в споре. Однажды он был награжден первой премией в соревновании спорщиков-ораторов, где он принял сторону Джавахарлала Неру — его иностранной политики «неприсоединения». Он также прочитал серию семидневных лекций о религии и духовности в доме своего друга. Еще будучи юношей, он периодически выступал в открытых дискуссиях с хорошо известными учеными, священниками и пандитами. Своим острым языком и отточенными вопросами он, как правило, ставил их в неловкое положение, но его прямота и открытость оставались его наиболее выдающимися качествами. Иллюстрацией к сказанному может быть его выступление в день учителей в джайнской Высшей Школе в Джабалпуре. День учителей в Индии отмечается пятого сентября, в день рождения бывшего президента Индии — профессора и философа С. Радхакришнана. Раджнеш шокировал аудиторию, высказав следующее:

> «Сегодня самый несчастливый день для учителей… Этот день отмечается лишь потому, что Радхакришнан был когда-то учителем, а теперь стал президентом. Истинный почет учителя заслужат лишь тогда, когда президент оставит свои пост и станет учителем».

Его страстный поиск заставлял Раджнеша изучать книги по всевозможным предметам. Часто он читал всю ночь напролет, от чего иногда начиналась головная боль, но он прикладывал ко лбу обезболивающий бальзам и продолжал чтение. Затем на рассвете он шел к реке и плавал. Юношей он участвовал в различных играх, например, в хоккее на траве, футболе и волейболе, но больше всего его интересовало чтение. Карточки из многих книг в Гадарварской библиотеке все еще хранят подпись Раджнеша. Книги же — от политики и философии до науки, религии и детективных романов. Он не только был сам разносторонне начитан, но и настаивал, чтобы его друзья также читали что-нибудь, кроме обычных учебников. Нобелевский лауреат по

литературе Рабиндранат Тагор был одним из его любимых авторов.

Из-за своего необычного пристрастия к чтению Раджнеш редко посещает школу. Но это еще не все, его окрестили коммунистом, потому что он усиленно читает Маркса, Энгельса и другую коммунистическую литературу — за это ему угрожают исключением из школы. Его интерес к коммунизму во время обучения в высшей школе проистекал из его глубокой озабоченности за судьбы бедных. С помощью своих друзей он создал небольшую библиотеку, в которой большую часть составляла коммунистическая литература. Его юношеская забота о бедных доходила до фантазий, в которых он представлял себя Робином Гудом, окруженным своими благородными разбойниками. Говорят, что они планировали закупку оружия и хотели получить разрешение от полиции на ношение его, с целью заставить богатых делиться с бедными. Но этот план, конечно, провалился. Раджнеш, как свидетельствует его дядя Амритлал, даже образовал кружок молодежи, в котором регулярно обсуждалась коммунистическая идеология и высказывалась оппозиция к религии. Амритлал видел, как на стене у места, где проходил митинг, было написано: «Религия — это опиум».

Несмотря на серьезный интерес к коммунистической идеологии — Раджнеш проявлял личную симпатию к социализму. Он и его друзья верили, что социализм дает ответ на все вопросы экономических проблем Индии. Все это время Раджнеш оставался атеистом, открыто критикующим религиозные ритуалы и слепую веру в святые писания (тут следует подчеркнуть, однако, что медитация, которую практиковал Раджнеш, не была ни религиозным ритуалом, ни частью какой-либо религии. Бхагаван считает, что медитация является в сущности мирским феноменом и не имеет ничего общего с какой-либо религией. Мы изложим его точку зрения на медитацию в пятой части). Бхагаван описывает свое поведение в те дни следующим образом:

> «Дело в том, что те, кто знали меня с детства, никогда не поверили, что религия и я могут быть вместе. Это было бы против всех ожиданий, ведь то, что они называли или считали религией, было как раз тем, против чего я так боролся.
>
> То, чему они поклонялись, я называл чепухой. Тот, кого они называли саньясином, для меня был ни кем иным как беглецом от жизни. Их писания, перед которыми они почтительно склонялись, для меня были просто обычными книгами, на которые я мог положить

ноги. То, что они считали несомненным, я подвергал сомнению и подозрению. Их бог, их душа, их спасение — все это было предметом шуток и насмешек».

Хотя Раджнеш и продолжал, учась в высшей школе, проявлять интерес к социализму, он стал все больше и больше критиковать его. Где-то в 1950 году, как вспоминает его друг Гулаббхай, он начал фактически критиковать таких знаменитых лидеров индийской социалистической партии, как Джайя Пракаш Парайян. Раджнеш даже как-то раз посетил в качестве наблюдателя национальный избирательный митинг социалистической партии, устроенный в Панчмархи. Митинг принес ему полное разочарование.

Кроме того, если не обращать внимания на чтение Раджнешем Маркса и социалистической литературы и на его участие в организациях, мы увидим, что его поиск оставался исключительно духовным. Духовный поиск все время был встречным течением во всей его активности. Это показывает, что разочарование в Марксе и социалистических идеях привело его к более ясному пониманию своего собственного пути и предназначения. Ему стало совершенно ясно, что корни человеческих бед и несчастий скрыты не в социальных и политических системах, — их источник в чем-то другом. Раджнеш понял, что только революция в сознании, но не в политике может принести мир и счастье. Другой давний друг Бхагавана, Шиям Сони, рассказывает:

> «Когда мы еще учились в высшей школе, как-то в полнолуние нас, несколько человек, сидело на берегу реки. Время подошло к одиннадцати часам, вокруг было так спокойно и мирно. Внезапно Раджнеш нарушил молчание и сказал, что он точно играл в области религии — и нигде больше. Его место было в религии. Я разделил и понял его чувство, но не мог поверить этому, так как в последнее время он просто с головой ушел в коммунизм. Я недолго ждал: вскоре после той ночи я стал замечать, что все, кроме религии, стало тотально бессодержательным для него».

Этот переход в Раджнеше от увлечения коммунизмом и социализмом к религии и духовности произошел между 1945 и 1950 годами.

Несмотря на свою внешнюю активность и увлеченность идеями, он оставался очень любящим и почтительным членом своей семьи. Однако он не колебался, когда надо было искренне

выразить свои взгляды, и всегда оставался твердым в своих решениях. Следующий инцидент между Раджнешем и его отцом — яркая тому иллюстрация.

Когда Раджнеш был молодым, ему очень нравилось носить длинные волосы, такие длинные, что покупатели часто спрашивали его отца, Дада, мальчик или девочка Раджнеш. Это каждый раз вынуждало Дада давать объяснения, что Раджнеш был действительно мальчиком. Покупатели всегда удивлялись, видя мальчика с такими длинными волосами. Наконец Дада попросил Раджнеша подстричься; когда же тот отказался, отец шлепнул Раджнеша — хотя и не очень сильно. Это было впервые, чтобы Дада ударил Раджнеша, он почувствовал себя так нехорошо, что извинился перед сыном. Тем не менее, Раджнеш ушел и побрил голову. Увидя его бритую голову, Дада был шокирован, потому что, согласно индийскому обычаю, сыну полагается брить себе голову только в случае смерти отца. Раджнеш попросил Дада выбрать: отрастить волосы снова, или же оставить голову бритой. Дада разрешил ему отрастить волосы: он выбрал меньшее зло и предпочел длинную прическу сына впечатлению, что он уже умер! После этого Дада стало ясно, что он уже не может навязать свою волю сыну.

В шестнадцать лет Раджнеша постиг еще один глубокий удар, когда его подружка детства Шаши умерла от тифа. Она жила около того старого храма, где Раджнеш «умирал» в четырнадцать лет. Она была на два года моложе Раджнеша, а ее отец был врачом. Шаши очень сильно любила Раджнеша и всякий раз, когда Раджнеш приходил в храм медитировать, наблюдала за ним из своего сада или из окна. Часто она шла следом за ним к храму, что иногда надоедало юноше, так как он по своему обыкновению хотел остаться один. Раджнеш просил одного из своих друзей постеречь дверь храма, чтобы Шаши не мешала ему во время медитации. Несмотря на это, Шаши знала, что Раджнеш тоже очень любит ее. Он любовно называл ее Гадийя и с благодарностью принимал пищу, которую она приносила ему после медитации.

Когда Шаши умирала, Раджнеш был с ней. Смерть была предопределена, но таким же определенным было желание Шаши вернуться к своему любимому и заботиться о нем. Она обещала ему вернуться. Он также обещал Шаши, что будет звать ее и вернет назад. Девушка взяла с Раджнеша обещание, что он никогда не примет другую женщину и никогда не женится. Она не хотела покидать его — она никогда не хотела покидать его.

Один из ближайших друзей Бхагавана рассказал мне, что после смерти Шаши Раджнеш стал еще более сдержанным и

обособленным: много дней подряд он вообще ни с кем не разговаривал. «Я не помню, — говорил Бхагаван, — … чтобы я культивировал какую-то дружбу, хотя было много людей, хотевших стать моими друзьями. Многие хотели завязать со мной дружбу, потому что невозможно было относиться ко мне, как к врагу. Но я не могу сказать, что тянулся к дружбе с кем-либо. Это не значит, что я не ценил дружбы. Если кто-то относился дружески ко мне, я от всего сердца принимал это. Но даже после этого не мог стать другом в обычном смысле; я всегда оставался в стороне».

Это сохраняло ему свободу, то есть возможность быть самим собой.

> «Ни с одним из моих учителей, ни с одним из товарищей-студентов, ни с кем-либо другим не смог я установить такой дружеской связи, что вытащила бы меня или разрушила бы мое бытие на острове. Друзья появлялись и… оставались со мной. Я встречал в жизни много людей и имел много друзей. Но с моей стороны не было ничего такого, что могло бы сделать меня зависимым от них или заставило бы меня помнить их. Я могу жить с любым, но и в толпе, и в обществе, с другом ли, в интимной ли обстановке — я остаюсь одиноким. Никто не касается меня: я остаюсь неприкосновенным».

Одиночество, охватившее сознание Раджнеша со времени смерти его дедушки, заключалось в основном в состоянии уединения, состоянии самоосуществления: оно имело очень позитивное качество. «Причина несчастья лежит в нашей привязанности к другим, — объясняет Раджнеш, — … в ожидании кого-то, в надежде получить счастье от кого-то другого. В действительности вы никогда не получите счастья, но надежда всегда остается. И стоит этой надежде появиться, как она порождает фрустрацию. Таким образом, в самом первом переживании — смерть дедушки — я настолько разочаровался во всем остальном, что уже и не пытался снова… поэтому я никогда не был несчастен. И я начал познавать новый вид счастья: не зависящий ни от кого».

После своих столкновении со смертью Раджнеш смог проникнуть в глубь своей души. Обнаружив бесполезность поисков счастья, зависящего от окружающего мира, он был вынужден с раннего возраста столкнуться своей самостью с тем, что приближало его к духовной реальности. Для него стало очевидностью:

«Когда сталкиваешься с самим собой, несчастье переживается только в начале, а подлинное счастье во время этого столкновения быстро растет. И наоборот: столкновение с другим дает счастье в начале, но несчастье в конце. Так, на мой взгляд, когда существо брошено в само себя, начинается путешествие в духовное».

Так, с раннего возраста Бхагаван использовал каждое переживание, каждую ситуацию как ступень лестницы, ведущей к внутреннему росту. Его сознание совершенствовалось с каждым переживанием и не пропускало ни одного случая для поиска Истины. Смерть сестры, дедушки и Шаши давала ему неограниченную возможность понять ограничения, налагаемые человеческими привязанностями, и, отсюда, превзойти дуальность. И он воспользовался этим и сделал себя реально свободным, способным быть самим собой. Собственное наблюдение Бхагавана, относящееся к этому, очень важно:

«Жизнь предоставляет множество удобных случаев обратиться к самому себе. Но чем более мы одарены, тем быстрее избавляем сами себя от такого удобного случая. В такие моменты мы двигаемся наружу от себя. Если моя жена умирает, я немедленно ищу другую и снова женюсь. Если теряю друга — начинаю искать другого. Я не могу видеть незаполненной брешь. Но при заполнении этой бреши удобная ситуация, благодаря которой я мог бы вернуться назад к собственной самости, моментально теряется вместе со всеми своими громадными возможностями.

Заинтересованный в ком-то, я теряю удобный случай сделать шаг по направлению к самости».

В переживании своего одиночества Раджнеш стал более чем «чудаком», «аутсайдером». Он укоренился в своем состоянии отстраненности, где даже среди действий и людей он становился неотождествленным, аутсайдером. «Я стал вселенной внутри себя самого», — говорит Бхагаван. Вспоминая смерть своей девушки, он говорит:

«Этот новый опыт и странное положение человека в нем — дал мне вид боли, хотя это была „радостная боль“. Это было подобно тому, как будто бы в том раннем возрасте я начал чувствовать и переживать вид зрелости и возмужания. В том опыте не было включения

эго, но индивидуальность присутствовала в нем постоянно…»

Не так уж трудно увидеть, что в детстве и юности Раджнеш жил очень полноценной и независимой жизнью. Что бы он ни делал, делал увлеченно и честно. Замечательно, однако, что он никогда не отождествлял себя с действием: он всегда сохранял дистанцию между действием и собой. На протяжении всех своих приключений и в каждом из своих экспериментов он никогда не позволял себе заблуждаться от невежества и несознательности.

Его действия были частью его постоянного поиска того, что является вечным, окончательным в переживании. История, изложенная в следующей части, показывает, как этот поиск достиг той вершины, что привела его к просветлению.

Просветление

В 1951 году, после окончания высшей школы в Гадарваре, в возрасте девятнадцати лет Раджнеш прибыл в Джабалпур, где был внесен в список Хиткарини Колледжа. Он жил со своими родственниками — Кранти и Арвиндом, которые были того же возраста, что и он. Кранти и Арвинд были детьми одной из сестер отца Бхагавана, Ратнибай. Ратнибай умерла, когда они были маленькими, и их отец женился вновь. Поэтому они воспитывались своей тетей Макхмалбай и ее мужем Кунданлал Самайей, не имевшими собственных детей.

Кранти вышла замуж в очень юном возрасте, но несчастливо, так как ее муж умер через год после женитьбы. Раджнеш очень глубоко сочувствовал своей овдовевшей кузине и помогал ей как мог, убедил ее продолжать образование Позднее она стала школьным учителем. Арвинд закончил торговую школу и стал профессором колледжа. Пока Раджнеш был в Джабалпуре, все трое оставались вместе Они зарабатывали достаточно, поддерживали друг друга и жили комфортабельной жизнью.

Раджнеш продолжал делать в колледже то, что делал и в высшей школе: оставался таким же бескомпромиссным, неуступчивым и прямым, как всегда. Он охотно принимал любые следствия, которые развивали его свободу. Это незамедлительно породило различные трудности. Два года после своего поступления в колледж он продолжал искать какой-либо выход для себя.

Больше всего Раджнеша возбуждали уроки философии и логики. Неважно, что говорил профессор, — Раджнеш неизменно оспаривал это и выдвигал обширный, но логичный аргумент так, что профессор никогда не мог полностью закончить занятие. Когда уязвленный профессор не мог ответить должным образом, Раджнеш указывал, что это лишает смысла само пребывание в классе на философии и логике. Его вопросы и аргументы, основанные на остром чувстве поиска, имели, при всем том, четкое отношение к предписанной курсовой работе. Но однажды профессор не выдержал и предъявил ультиматум ректору: «Либо Раджнеш уйдет, либо я уйду». Директор вызвал Раджнеша в свой кабинет и попросил покинуть колледж. Хотя он и понимал, что это не столь уж серьезный недостаток Раджнеша, но не мог отказаться от одного из своих наиболее уважаемых и авторитетных профессоров.

Раджнеш понял ситуацию и согласился уйти, взяв с директора обещание, что тот устроит его в другой колледж, а это

было нелегко, так как школьный год уже близился к концу. Директор согласился помочь. К тому времени репутация Раджнеша стала известна всему городу, и другие колледжи не хотели принимать его. Наконец директор джайнского колледжа Джабалпура согласился принять Раджнеша; но с условием, что он не будет задавать вопросы профессорам, как он делал это прежде. Раджнеш сказал, что это невозможно и что в таком случае ему лучше сидеть дома, чем просто присутствовать в классе. Директор позволил ему оставаться дома и изменил правила посещения занятий так, что Раджнешу было позволено появляться только на экзамене. Раджнеш за это свободное время нашел себе работу в ежедневной газете, где вскоре стал помощником редактора. Но он пробыл в газете всего несколько месяцев.

Этот период был не особенно значителен для занятий Раджнеша и его образования. Скорее он был более важен необычайной интенсивностью поиска вечного. Это было наиболее критическое время его жизни. Он был окружен сомнениями и ощущениями тревожащей ненадежности и пустоты. Ситуация становилась все более обостренной, потому что никто не руководил им, никто не следил за ним — он был без Мастера, он был один на пути.

Как было сказано ранее, Раджнеш не мог допустить ничего, не подвергнув предварительно сомнению. Особенно это касалось чьих-либо утверждений о существовании Бога, если эти люди не сталкивались с этим лицом к лицу, если не пережили этого лично. Он вопрошал обо всем, он отвергал все, включая и такие просветленные личности, как Кришна, Махавира, Будда, Иисус, и такие писания, как Веды, Упанишады, Библия и Коран. Таким образом, то, что он сейчас реализовал эти источники, не означает, что они помогли ему — его поиск в то время был абсолютно личным поиском. Из слов Бхагавана:

> «В любой маленькой вещице было только сомнение, сомнение и ничего, кроме сомнения. Вопросы оставались без какого-либо ответа. В некотором смысле я был похож на сумасшедшего. Какое-то время я боялся сам себя. Я мог стать полностью безумным. Я не мог спать ночью.
>
> Днями и ночами… вопросы кружились вокруг меня… Я был далеко в море, так сказать, без какой-либо лодки или берега. Любые лодки были там, я мог сесть в них или отринуть их. Здесь было много лодок и много моряков, но я… не хотел ступить ни в одну из них. Я чувствовал, что лучше тонуть самому по себе… чем шагнуть в какую-либо из лодок. Или жизнь должна была

вынести меня, или я должен был утонуть, я чувствовал, что я должен был принять это погружение.

Я находился в высшей степени помрачения сознания. Как будто я падал в глубокий и темный колодец. Мне много раз снилось, что я падаю и падаю, лечу все глубже внутрь бездонного колодца. И много раз я… пробуждался ото сна весь в поту, в испарине, потому что падение было бесконечным, ни земли, ни места, где могли бы отдохнуть мои ноги… передо мной не было ясного пути. Вокруг была темнота. Каждый мой шаг был в полной темноте — бесцельный и сомнительный. Я был полон напряжения, чувства ненадежности и опасности».

И нельзя было убежать, и не было ни одной отдушины. Он знал очень хорошо, что столкнулся с критическим временем своей жизни: при малейшем порыве бессознательного или потере терпения, или нехватке мужества он мог стать неистовым сумасшедшим. Опять же ситуацию привело к такой критической точке отсутствие Мастера. Он искал его долго и тяжело, но не мог никого найти. «Очень трудно найти Мастера, — признается он, — исключительно трудно найти существо, которое стало несуществом, редко можно найти присутствие, которое есть почти отсутствие, редко можно найти человека, который есть просто дверь к божеству, открытая дверь к божеству, которая не будет вам мешать, через которую вы сможете пройти. Это очень трудно… Да, иногда это происходит, и личность может работать без Мастера, но такое путешествие очень опасно».

Эта тревожно-интенсивная и меняющаяся ситуация продолжалась целый год. Она привела Раджнеша к очень трудному состоянию ума. Бхагаван описывает, через что он прошел за этот период:

«В течение почти целого года было невозможно понять, что происходит. Даже остаться живым было очень трудно, потому полностью исчез аппетит. Шел день за днем, а я не чувствовал ни жажды, ни голода Я должен был заставлять себя есть, заставлять себя пить Тела как бы не существовало, и я должен был причинить себе боль для того, чтобы почувствовать, что остаюсь в теле. Я стучал головой о стену, чтобы почувствовать, здесь ли еще моя голова или нет. Только когда это причиняло боль, я начинал немного чувствовать свое тело.

Каждое утро и каждый вечер я пробегал от пяти до восьми миль. Люди думали, что я сошел с ума: почему

он бегает так много? Шестнадцать миль в день! А я это делал как раз для того, чтобы почувствовать себя — не потерять контакт с самим собой… Я не мог ни с кем говорить, потому что все стало таким непоследовательным, что даже сформулировать одно предложение стало трудным. В середине предложения я забывал то, о чем говорил: на полпути я забывал, куда иду. И возвращался назад…

Я заперся в своей комнате. Я сделал это для того, чтобы не общаться, чтобы ничего не говорить, потому что сказать что-либо было равносильно тому, чтобы сказать, что я сумасшедший.

Это продолжалось целый год. Я просто лежал на полу, смотрел в потолок и считал от одного до ста и обратно, от ста до одного. Способность считать была тем немногим, что у меня еще осталось. Опять и опять я забывался. Повторное обретение фокуса заняло у меня один год, только после этого года я нашел перспективу.

Не было никого, кто мог бы поддержать меня, не было никого, кто мог бы сказать, куда я иду и что происходит, — фактически каждый был против… мои учителя, мои друзья, мои доброжелатели».

В течение этого необыкновенно трудного времени Кранти проявляла большую заботу о Раджнеше и относилась ко всем его нуждам с любовью и пониманием. Раджнеш часто жаловался на жестокие головные боли, причинявшие Кранти большое беспокойство. Она и ее брат Арвинд очень хотели сделать что-нибудь, найти какое-нибудь лекарство против головных болей, но Раджнеш попросил их не беспокоиться, так как не было ничего, что могло бы помочь ему.

Отец Бхагавана тоже часто вспоминал его головные боли. Однажды боль стала такой жестокой, что Кранти и Арвинд срочно сообщили в Гадарвару, и в Джабалпур примчался Дада. Он думал, что головные боли были вызваны тем, что Раджнеш много читал. Дада вспомнил, как еще в Гадарваре Раджнеш прикладывал обезболивающий бальзам ко лбу и продолжал читать. Мама Бхагавана тоже вспомнила ранний случай, когда Раджнеш однажды так мучился от сильной головной боли, что даже кровь пошла носом. Она очень тогда испугалась, но, к счастью, вскоре кровотечение остановилось. Но нам кажется, что головные боли этих ранних лет учебы в колледже не связаны с его привычкой подолгу читать. Скорее они были вызваны психическим состоянием Раджнеша, в котором он тогда находился.

Видя его физическое и психическое состояние, семья начала подозревать, что предсказание астролога о смерти Раджнеша в двадцать один год может оказаться верным. Они стали водить его от одного доктора к другому. Один только Раджнеш знал, что все эти неимоверные усилия были напрасными. Он утверждал, что ему незачем идти к врачу, так как в данном случае медицина не приведет ни к чему хорошему. Бхагаван описывает один замечательный визит к врачу:

> «Меня брали к вайдия — к врачам. Фактически меня водили ко многим докторам и целителям, но только один аюрведический вайдия сказал моему отцу: „Он не болен. Не тратьте напрасно ваше время“ Но, конечно же, они продолжали таскать меня от одного к другому. И многие люди давали лекарства, а я говорил отцу: „Ну что ты беспокоишься? Я совершенно здоров“. Но никто не верил тому, что я говорил. Мне говорили: „Успокойся, только прими лекарство. Ведь нет никакого вреда в этом“. Так я перепробовал все виды лекарств.
>
> За все это время попался только один вайдия, который был проницательным человеком. Его имя было Пандит Бхагират Прасад… Этот старик уже умер, но он был человеком редкой проницательности. Он посмотрел на меня и сказал: „Он не болен“. И заплакал, говоря: „Я сам искал этого состояния. Он счастливчик. В этой жизни я упустил это состояние. Не водите его никуда. Он обретает дом“. И снова заплакал слезами счастья.
>
> Он стал моим защитником — моим защитником против разных докторов. Он сказал моему отцу: „Предоставьте это мне, я позабочусь“, — и никогда не давал мне никаких лекарств. Когда мой отец настаивал, он давал мне только таблетки глюкозы и говорил: „Это всего лишь глюкоза. И для успокоения ты можешь их принять. Они не повредят, но и не помогут. Фактически не существует ничего, что могло бы тебе помочь“».

Понимание целителем состояния Раджнеша было правильным, потому что его болезнь была необыкновенной: он не был ординарным пациентом. Раджнеш знал свое состояние и его причины лучше, чем любой врач.

> «Теперь это было выше меня. Это происходило. Я делал что-то. Неизвестно как, но я стучал в дверь. Теперь двери открыли. Я медитировал много лет, только молча сидя и ничего не делая, и раз за разом я начал проникать

внутрь этого пространства, этого сердечного пространства, где вы есть и вы не делаете ничего: вы здесь просто наблюдатель».

Интенсивность медитаций Раджнеша увеличилась; эксперименты вели его к большему взрыву. Из всех медитаций, которые он совершал, одна — заключавшаяся в том, что он сидел на верхушке дерева, повернувшись спиной к стволу, — была особенно мощной. Это прекрасное переживание случилось в Соугаре, в Мадхия Прадеш, приблизительно за год до главного события. В это время, обучаясь в Джабалпурском колледже, Раджнеш был приглашен участвовать в дебатах, которые организовал Саугарский университет. Раджнеш был там три дня, и он описывает то, что произошло:

«Ночью я часто сидел на дереве и медитировал. Как правило, я чувствовал, что, когда медитировал, сидя на земле, мое тело значительно крепло — возможно потому, что тело создано из земли. Разговоры о том, что пути ведут в горы и на вершины Гималаев, не случайны, они основываются на научных принципах. Чем больше расстояние между телом и землей, тем меньше физическая сила, так как давление тел уменьшается… а мощь внутренней силы возрастает. Вот почему я поднимался на самую верхушку высокого дерева и уходил в медитацию на несколько часов, каждую ночь.

Однажды ночью я так глубоко ушел в медитацию, что не заметил, как мое тело упало вниз с дерева. Увидев свое тело лежащим на земле, я с подозрением осмотрелся вокруг и был очень удивлен тем, что произошло. Как могло случиться, что я продолжаю сидеть на дереве, а мое тело — в то же время — лежит на земле? Я не мог понять всего этого. Было очень странное самочувствие: мерцающий серебряный шнур, выходивший из моего пупка, яркой линией соединялся со мной вверху там, где я зацепился на дереве. Мне было трудно понять или предсказать то, что произойдет потом, и я забеспокоился о том, как вернуться в мое тело. Как долго этот транс продолжался, я не знаю, но это уникальное переживание было мне не известно раньше.

В тот день впервые я увидел свое тело со стороны, и, начиная с этого дня, просто физическая жизнь моего тела закончилась навсегда. И с этого же дня смерть также перестала существовать для меня, так как я в тот

день пережил, что тело и дух — две разные вещи, совершенно отдельные друг от друга. Это был наиболее важный момент: моя реализация духа — то же, что есть и внутри каждого человеческого тела.

Пожалуй, очень трудно сказать, как долго продолжалось это переживание. На рассвете две женщины, несшие молоко из одной деревни в другую по этой дороге, увидели мое тело… лежащее там. С верхушки дерева, где я сидел, я видел, как они рассматривали мое тело. Они приблизились к нему и сели рядом. Едва они коснулись моего лба ладонями — в тот же миг, как бы силой притяжения, я вернулся внутрь своего тела и мои глаза открылись. Я почувствовал, что женщина может создать заряд электричества в теле мужчины и то же самое может создать мужчина в теле женщины. После этого я много размышлял над случайным прикосновением женщины к моему лбу и над моим неожиданным возвращением в тело. Как и почему произошло все то, что случилось? Когда я потом еще поэкспериментировал в подобном ключе, я понял, почему в Индии спиритуалисты, сосредоточенные на экспериментах, связанных с самадхи — а фактически со смертью, — приглашают женщин сотрудничать с ними. В глубоком самадхи самость спиритуалиста — теджас шарира, — покинувшая мужское физическое тело, не может вернуться обратно, и здесь необходимы помощь и участие женщины. Точно так же: если женская самость покидает тело, она может не вернуться без помощи мужчины. Не раньше, чем тела мужчины и женщины войдут в контакт, образуется поток, и электрический круг замыкается. И в это мгновение сознание вышедшего духа возвращается.

После этого я экспериментировал с этим феноменом шесть раз за шесть месяцев. В течение тех наполненных шести месяцев я почувствовал, что моя жизнь сократилась по меньшей мере на десять лет: можно сказать, что, если я должен был прожить семьдесят лет, то теперь, после этих экспериментов, я проживу не более шестидесяти лет. Вот какие экстраординарные эксперименты я проводил в те шесть месяцев! Волосы на моей груди поседели, и, наконец, я понял значение всех этих событий: понял, что нарушил соединение, или связь, между физическим телом и духовным существом, в результате чего было прервано регулирование,

естественно существовавшее между ними».

Когда Раджнеш вошел в такую глубь тайн медитации, его вопросы исчезли. Его поиск окончился вместе с деятельностью, подойдя, наконец, к точке, из которой некуда было идти. Так же, как и много лет назад, во время смерти своего дедушки, Раджнеш был отброшен к своему центру — но теперь уже навсегда. Бхагаван рассказывает, чти глубоко внизу — там, где пустота, — там не было деятеля. Он потерял честолюбие. У него не осталось никакого желания стать кем-либо или достичь чего-либо. Он не помышлял больше ни о Боге, ни о нирване. «Болезнь — подражание Будде — совершенно исчезла», — говорит Бхагаван. Удобный момент наступил. Двери были почти открыты, рассвет был не так уж и далек. По словам Бхагавана:

> «Однажды безвопросное состояние почти пришло. Это не значит, что я получил ответ — нет! Скорее, все вопросы как бы отошли и получился большой хаос. Это была взрывная ситуация. Жизнь в этом состоянии похожа на умирание, а когда личность умерла, кто будет задавать вопросы? После того переживания пустоты я не задавал никаких вопросов. Все субстанции, по поводу которых можно было бы задаться вопросом, стали несуществующими. До этого было только вопрошание и вопрошание. После этого никаких вопросов не осталось».

Бхагаван сам не открывал никому происшедшего просветления около двадцати лет. История выплыла наружу довольно драматически, однажды ночью; тогда Бхагаван жил в Бомбее. Кранти, кузину Бхагавана, друзья часто спрашивали о том, когда она узнала, что Бхагаван просветленный. Она ничего не могла рассказать им, потому что сама не знала, просветленный он или нет. Но каждый кто-нибудь новый спрашивал ее об этом. И это все больше подталкивало ее выведать это у Бхагавана.

Кранти, наконец, спросила у Бхагавана о его просветлении:

> «Поздно ночью 27 ноября 1972 года мое так долго сдерживаемое любопытство вышло из-под контроля. Было около половины двенадцатого. Бхагаван, попив молока, ушел спать. Я также легла в кровать. Но внезапно почувствовала желание спросить Бхагавана о том, когда он достиг просветления. Но еще раньше — перед тем, как эта мысль появилась во мне, — я спросила, когда он достиг просветления. Бхагаван рассмеялся и сказал: „Ты сама себе внушила желание

узнать об этом или делаешь это потому, что тебя спрашивают люди?“»

Я сказала: «И то и другое верно: пожалуйста, расскажи мне». Бхагаван опять рассмеялся: «Я расскажу тебе об этом в другой раз». Но я настаивала: «Я хочу знать правду сейчас». Он ответил:

«Подумай, и ты сама узнаешь».

Я некоторое время помолчала, а затем сказала: «Думаю, что ты достиг просветления в двадцать один или двадцать два года, когда ты учился в колледже». Но не успела я договорить, как Бхагаван сказал уже серьезнее: «В двадцать один год, а не в двадцать два». Желая уточнить дату, я спросила об этом.

Бхагаван Шри ответил: «На двадцать первое марта 53 года». После некоторой заминки я спросила опять:

«Где это случилось? Было ли что-нибудь необыкновенное в тот день?»

Бхагаван предложил: «Попробуй пересказать и ты сможешь вспомнить все». Я молча лежала и вспоминала ночь двадцатилетней давности.

«Это было в ту ночь, когда совершенно внезапно в двенадцать часов ты сказал мне, что уходишь, а затем вернулся в три часа ночи», — вспоминала я.

Бхагаван Шри сказал: «Ты указала именно ту ночь». Но я не могла поверить в это. И здесь Бхагаван подтвердил мне, что это было действительно истиной. Но могла ли я видеть в прошлое? Все это могло быть его игрой, могло быть его воздействием. Пока подобные мысли шумели у меня в голове, возник и другой вопрос: в какое время ночи, где и в каком месте Бхагаван Шри стал просветленным? Я немедленно спросила:

«Куда ты ходил в ту ночь?»

Бхагаван ответил: «Я ходил в сад Бханвартал». Но прежде, чем он промолвил «в сад», я вспомнила дерево и сказала:

«Ты пошел в сад и сел под дерево ашока».

Он уточнил:

«Нет, я был под маулшри. Тогда я спросила: „Что произошло в то время, когда ты был в саду — между двенадцатью и тремя часами ночи?“

Бхагаван предложил: „Вызови это в себе и ты вспомнишь это“. Я замолчала ненадолго, и перед моими глазами начала появляться вся сцена того вечера: как он покинул дом, как он разбудил меня нежно и сказал, что уходит и не знает, когда он вернется. Он ушел только после того, как поговорил со мной, а я так и не уснула, ожидая его возвращения.

И передо мною начало открываться все событие. Я могла бы даже рассказать о его мудре (телесной позе). Каким-то образам я чувствовала, что событие должно было произойти в два часа ночи. Как только у меня возникла идея о двух часах, я сказала об этом Бхагавану.

Он подтвердил: „Это произошло около двух часов. Теперь ты уловила все это правильно“. И снова меня переполнило удивление, но я так была охвачена радостью, что не могла заснуть. Снова и снова я чувствовала, что надо разбудить каждого и рассказать о том, что я узнала».

Бхагаван объясняет причину того, что скрывал историю своего просветления почти двадцать лет следующим образом:

«Многие люди спрашивают меня, почему, став просветленным в 1953 году, я сохранил молчание. Почти двадцать лет я никогда не говорил об этом кому бы то ни было, если этот человек не догадывался сам и не спрашивал меня первый… „Мы чувствуем, что с тобой что-то произошло. Не знаем что, но определенно что-то произошло: ты больше не такой, как мы, и ты скрываешь это“.

В течение двадцати лет не более десяти человек спрашивали меня, и даже после этого я избегал их, как мог, если не чувствовал, что их желание было подлинным. И я рассказывал им только тогда, когда они обещали хранить это в тайне. И они все выполнили это. Теперь они все саньясины… Я говорил: „Ожидайте подходящий момент — только тогда я объявлю это“.

Я многому научился от Будд прошлого. Если бы Иисус говорил меньше о своем бытии Сына Бога, это было бы более полезным для человечества».

Бхагаван в свое время решил не обнаруживать это до тех пор, пока он не прекратит путешествовать по стране, ибо если бы это стало известно, то его жизнь подверглась бы большому риску.

«В течение двадцати лет я непрерывно путешествовал, и у меня не было ни одного телохранителя. Я находился в постоянной опасности: в меня бросали камни, в меня бросали башмаки.

Я добирался до города после двадцатичетырехчасового путешествия в поезде, а толпа не позволяла мне сойти на этой станции: они принуждали меня вернуться назад. Иногда разгоралась борьба между теми, кто хотел, чтобы я спустился с поезда, и теми, кто не хотел, чтобы я выходил, по меньшей мере в их городе.

Если бы я объявил, что я просветленный, меня бы запросто убили — это не представляло никакого труда и было очень легко сделать. В течение двадцати лет я сохранял полное молчание по этому поводу. Я объявил об этом, только когда увидел, что собрал достаточно людей, понимающих это… достаточно людей, которые были моими, которые принадлежали мне. Я объявил это, только когда я понял, что смог создать свой собственный маленький мир, что я не имею больше никакого отношения к толпам, массам и глупым сборищам».

Через двадцать лет Бхагаван описал собственными словами это невероятно мощное переживание. Он выразил это переживание более детально, чем любое другое просветленное существо, любой Будда, который был до него:

«Я вспоминаю тот знаменательный день — 21 марта 1953 года. В течение многих жизней я работал — работал над собой, боролся, делал все, что можно было делать, и ничего не происходило. Лишнее усилие было барьером, лишний груз мешал, излишнее желание искать было ошибкой, но это не значит, что человек может достигнуть цели без поиска. Поиск необходим, но затем наступает момент, когда он должен быть отброшен. Лодка необходима, чтобы пересечь реку, но потом наступает момент, когда вы выходите из лодки и забываете о ней, оставляете ее сзади. Усилие необходимо, без усилия ничто невозможно. И еще: одно усилие тоже ничего не дает.

Как раз перед 21 марта 1953 года, за семь дней до этого, я прекратил работать над собой. Наступает момент, когда вы видите всю тщетность усилий. Вы сделали все, что могли, — и ничего не происходит. Вы сделали все, что в человеческих силах. После этого что

вы еще можете сделать? В полной беспомощности человек прекращает всякий поиск.

И однажды, когда поиск прекратился, однажды, когда я уже ничего не искал, однажды, когда я ничего не ждал, не надеялся, что что-то произойдет, — это начало происходить. Новая энергия возникла из ниоткуда. Она приходила не из какого-то именно источника — она приходила из ниоткуда и отовсюду. Она была и в деревьях, и в камнях, и в небе, и в солнце, и в воздухе — она была везде. А я искал так тяжело, а я думал, что она была так далеко. Она же была совсем рядом и так близко.

Семь дней я жил по-настоящему в безнадежном и беспомощном состоянии, но в то же время что-то пробуждалось. Когда я говорю „в безнадежном“, я не хочу выразить то, что вы понимаете под словом „безнадежный“. Я просто имею в виду, что в тот момент во мне не было надежды. Надежда отсутствовала. Я не говорю, что я был безнадежным и печальным. В действительности я был счастлив, я был очень спокоен, но в совершенно новом смысле. Не существовало надежды, так как же здесь могла быть безнадежность? Они обе исчезли.

Безнадежность была абсолютной и тотальной. Надежда исчезла вместе со своим двойником — безнадежностью, которая также исчезла. Это было совершенно новое переживание — бытие без надежды. Это было не негативное состояние… Это было абсолютно позитивно. Это было не только отсутствие — присутствие также ощущалось. Нечто перетекало в меня, переполняло меня.

И когда я говорю, что я был беспомощным, я не имею в виду словарное значение. Я просто говорю, что был без самого себя. Вот что я имею в виду, когда говорю о беспомощности. Фактически я узнал, что меня нет, — поэтому я не мог зависеть от самого себя, поэтому я не мог стоять на своей собственной почве. Я был в какой-то бездне. Но не было страха, потому что нечего было защищать, не было страха, потому что некому было бояться.

Те семь дней были ужасной трансформацией — тотальной трансформацией. А в последний день присутствие совершенно новой энергии, множества света и нового наслаждения стало таким интенсивным, что

было почти невыносимо, я как бы с ума сходил от блаженства. Новое поколение на Западе имеет правильное выражение для этого: „Я таял от блаженства и в то же время окаменевал“.

Было невозможно понять из всего этого… что происходило. Это был по-настоящему бессмысленный мир — трудно выразить это вовне, трудно описать это в общепринятых категориях, трудно использовать обычные слова, язык объяснения. Все описания получаются мертвыми, и все использованные слова выглядят очень бледно, анемично. Это было так живо. Это было подобно накатывающейся волне блаженства.

Весь день был странным, ошеломляющим, просто какое-то разрушающее переживание. Прошлое исчезало, как если бы его у меня никогда и не было, как если бы я просто прочитал о нем где-то, как если бы я просто видел такой сон, как если бы это была чья-то чужая история услышанная мною. Я выпал из моего прошлого, меня вырвали с корнем из моей истории, я терял мою автобиографию, я становился не-бытием, тем, что Будда называет анатта. Границы исчезли, различия исчезли.

Ум исчезал: он был в миллионах миль отсюда. Его было трудно поймать, удержать, он мчался дальше и дальше отсюда, и не было возможности сохранить его вблизи. Я был просто индифферентен ко всему, я был О'кей. Не было нужды в постоянном единстве с прошлым. Но вечером стало так трудно выносить это — это причиняло боль, это было болезненно. Это было подобно тому, когда женщина идет в роддом родить ребенка, и женщина страдает от ужасной боли родовых мук.

В те дни я уходил спать где-то в двенадцать или час ночи. Но в этот день невозможно было оставаться бодрствующим. Глаза сами закрылись, их трудно было держать открытыми. Что-то было очень близко, что-то должно было произойти. Трудно было сказать, что именно — может, должна была прийти моя смерть, — но страха не было. Я был готов к этому. Те семь дней были такими прекрасными, что я готов был умереть, ничего больше не было нужно. Они были такими невыносимо блаженными, я был так захвачен, что если бы это было смертью, то я встретил бы ее с радостью.

Но что-то продолжало происходить, некое подобие смерти. Что-то очень сильнодействующее, нечто,

должное было стать либо смертью, либо новым рождением, распятием или воскресением — но это так сильно выраженное нечто как раз достигло своего пика. И было невозможно держать глаза открытыми…

Я пошел спать около восьми. Это нельзя было назвать сном. Теперь я могу понять, что Патанджали имеет в виду, когда говорит, что сон и самадхи похожи. Только с одной разницей: в самадхи вы и полностью пробуждены, и спите — одновременно. Сон и пробуждение вместе, все тело расслаблено, каждая клетка тела совершенно расслаблена, все функционирование расслаблено, а еще внутри вас горит свет сознания ясный, бездымный. Вы остаетесь бдительным — и в то же время расслабленным, потерянным — но полностью бодрствующим. В это время тело может быть в глубочайшем сне, а ваше сознание достигает высочайшего пика. Пик сознания и долина тела встречаются.

Я ушел спать. Это был очень странный сон. Тело спит, а я бодрствую. Так странно, как будто человек разорван в двух направлениях, двух измерениях, как будто обе полярности сфокусированы в одной точке, как будто я был обоими полюсами вместе — встречалось позитивное и негативное, встречались сон и сознание, смерть и жизнь. Это тот момент, когда можно сказать, что „творец и творение встречаются“.

Это было фатально. В первое время это потрясает вас до самых корней. Потрясает до основания. Вы никогда не сможете остаться прежним после такого переживания: это принесет новое видение, новое качество в вашу жизнь.

Около двенадцати мои глаза внезапно открылись — их открыл не я. Сон был нарушен чем-то еще. Я чувствовал окружающее меня чье-то великое присутствие в комнате. Это была очень маленькая комната. Я чувствовал пульсирующую жизнь всего вокруг меня, великую вибрацию — почти похожую на ураган, сильнейший шторм света, радости, экстаза. Я тонул в этом.

И было дико реально, что все стало таким нереальным. Стены комнаты стали нереальными, дом стал нереальным, мое собственное тело стало нереальным.

В ту ночь другая реальность открыла свою дверь,

стало доступным другое измерение. Внезапно это оказалось здесь: другая реальность, отдельная реальность, реально Реальное, или как хотите назовите — назовите это Богом, назовите Истиной, назовите это Дхармой, назовите Тао, назовите как вам нравится. Это было безымянным. Но было здесь — такое непроницаемое, такое прозрачное, и в то же время такое твердое, что можно было даже дотронуться до него. Оно почти душило меня в этой комнате. Его было так много, но я был еще не способным воспринять его.

Я почувствовал острую необходимость выбежать из комнаты, под открытое небо: это что-то душило меня, его было так много! Оно бы убило меня! Останься я на момент дольше, похоже, оно задушило бы меня.

Я выскочил из комнаты на улицу. Мне просто необходимо было находиться здесь, под звездным небом, с деревьями, с землей… с природой. И тут же — стоило мне выйти из комнаты — чувство удушья исчезло. Там было слишком мало места для такого большого феномена. И даже небо мало для него… Это больше, чем небо. Даже небо не предел ему. И вскоре мне стало немного лучше.

Я направился к ближайшему саду. Это был совершенно новый вид ходьбы: как если бы исчезла гравитация. Я шел или бежал, или просто летел — было трудно понять. Не было гравитации, я чувствовал невесомость, как будто некая энергия поддерживала меня. Я был в руках какой-то странной энергии.

Впервые я не был одинок, впервые я не был больше индивидуальностью, впервые капля упала в океан. Теперь весь океан был мною, а я был океаном. Была безграничность. Пробудилась страшная сила: казалось, что я могу сделать все, что угодно. Меня не было, была только сила.

Я добрался до сада, где гулял каждый день. Его уже закрыли на ночь. Было слишком поздно, почти час ночи. Садовники ушли спать. Я вошел в сад, словно вор, перелезши через ворота. Что-то толкало меня в сторону сада. Помешать самому себе для меня в тот момент было выше всех моих сил. Я именно плыл.

Вот что я имею в виду, когда говорю опять и опять: „Плывите с рекой, не отбивайтесь от реки“. Я был расслаблен, я был в состоянии „будь что будет“, меня не было здесь. Здесь было нечто, назовите это Богом, — Бог

был здесь.

В тот момент, когда я вошел в сад, все засветилось.

Оно было над всем этим местом — благословение, блаженство. Я видел деревья как будто впервые — их зелень, их жизнь, бегущие соки. Сад спал, деревья спали. Но я мог видеть весь сад живым, даже маленькие листья травы были прекрасны.

Я осмотрелся вокруг. Одно дерево светилось больше других — дерево маулшри. Оно притягивало меня, тянуло меня к себе. Я не выбирал этого, это выбрал сам Бог. Я подошел и сел под деревом. И стоило мне сесть там, как все встало на свои места. Вся вселенная стала благословением.

Трудно сказать, как долго я был в том состоянии. Когда я вернулся домой, было четыре утра, так что я, видимо, был там не менее трех часов — но это было бесконечно. Это не имело ничего общего со временем — это было безвременным.

Те три часа стали целой вечностью, бесконечной вечностью. Там не было времени, там не было промежутка времени: это была чистая реальность — неискаженная, неосязаемая, неизмеримая. И в тот день произошло что-то такое, что длится не как непрерывность, а как встречное течение. Не как равномерность — каждый миг это происходит снова и снова. Это чудо каждый миг».

В этом месте история Раджнеша фактически заканчивается. «После этого взрыва истории больше нет, — говорит Бхагаван, — нет событий после этого. Все события происходят перед взрывом. После взрыва остается только пустота». Его исследование окончилось, и в этом отношении предсказание астролога, наконец, исполнилось. Человек, которого звали Раджнешем Чандра Махам, умер в двадцать один год, и в то же время произошло воскрешение, произошло чудо. Он возродился — но не в физическом теле; он достиг чего-то — но не от этого мира: он просто прибыл домой.

В этом месте необходимо кратко заметить, что просветление не является концепцией, объяснимой логически; скорее, это переживание, превосходящее собою логику и словесное объяснение. Точно так же просветление — это не вещь, позволяющая человеку ходить в метре над землей или по воде. Не знаю, что произошло с Буддой, когда он стал просветленным, но это загадочный феномен, и мы благоговеем перед ним.

В случае с Бхагаваном это событие было чудом. И в то же время в нем не было ничего чудесного. Бутон расцвел: скрытое обнаружилось. Цветение — это чудо и одновременно не чудо: это чудо — в том смысле, что действительно превращается в нечто невероятное, а не чудо, потому что это кульминация естественного эволюционного процесса.

Бхагаван неустанно подчеркивает, что просветление присутствует в нас изначально, что оно является интегральной частью нашего существа — это не вещь, которую надо достигать где-то в будущем. Как указывает Бхагаван, просветление нам доступно всегда — человек просто должен «расслабиться внутри этого». Он объясняет:

> «Просветленная личность — это не тот, кто достиг вершины, кто достиг верхней ступени лестницы. Вы являетесь людьми, которые карабкаются по лестнице… вам всем нужна лестница… Просветление не последняя ступенька лестницы, а уход от лестницы, уход навсегда; после этого вас никогда не заинтересуют никакие лестницы, вы станете естественным».

Бхагаван предупреждает нас остерегаться определенных объяснении по поводу просветления, так как они могут легко запутать ищущего. Используя Ауробиндовское описание «сверхсознания» как пример, Бхагаван комментирует:

> «Просветление — естественное состояние. Это не какое-то сверхсознательное состояние, сверхментальное. Избегайте Шри Ауробиндо с его терминологией, потому что все это — игры ума. Просветление — не что-то очень специальное, а очень обыкновенная вещь. Настолько обыкновенна, что здесь, на земле, незачем хвалиться этим».

История, которая последует далее, является новой историей в том смысле, что она не продолжает прошлое Бхагавана — от момента просветления и далее он не делает что-либо, потому что эго — смысл деятеля и делания — перестало существовать. «В ту ночь я стал пустым и в то же время полным», — говорит Бхагаван.

> «Я стал не-существованием, и я стал существованием. В ту ночь я умер и возродился. Но этот возродившийся человек не имеет ничего общего с тем, который умер. Нельзя назвать это непрерывным… Человек, который умер, умер тотально: от него ничего не

осталось, даже тени. Все умерло тотально, полностью… В тот день — 21 марта — личность, прожившая множество жизней, тысячелетия, просто умерла. Другое существо, абсолютно новое, совершенно не связанное со старым, начало свое существование».

Переживание той «смерти» было поистине религиозным в этом чистейшем и наиболее подлинном смысле. Бхагаван продолжает:

«Как раз религия вам и дает тотальную смерть. Возможно, именно поэтому весь предшествующий событию день я чувствовал некоторое настоятельное ощущение, подобное смерти: как будто бы я собирался умирать — и я действительно умер. Я знаю много других смертей, но они были ничто по сравнению с этой, они были частичны. Иногда умирает тело, иногда умирает часть ума, иногда умирает эго, но личность, которую все это касалось много раз, совершенствуется от этого, меняется понемногу — то тут, то там, но все-таки остается: непрерывность сохраняется.

Смерть в ту ночь была тотальной. Это была дата смерти и Бога — одновременно».

Тем не менее, это событие не изменило ни быт Бхагавана, ни стиль его жизни. Он продолжал ходить в колледж не чаще, чем когда чувствовал в этом необходимость, кроме того, постоянно читал и писал. Чтение, которым он занимался и тогда, и гораздо позже, имело, однако, другую цель. До просветления его чтение было часть собственного поиска, в то время как после этого события чтение стало частью его работы, направленной на помощь тем, кто пока еще оставался в поиске. Чтение позволило Бхагавану освоиться с потоком мысли, научными исследованиями и терминологией, оно позволило передать ему свои мысли и переживания в наиболее современной манере, в контексте сегодняшнего дня.

Раджнеш писал для различных газет и журналов на хинди. Его язык и стиль были в основном поэтическими, а мысли глубокими и проникновенными. Его часто просили участвовать в беседах и дискуссиях в Джабалпуре и других городах. Его речи были оригинальны, яростны и искренни.

Раджнеш завершил свое философское образование в 1955 году. Он начал работать в хорошо известном Саугарском университете. Там он жил в студенческом общежитии два года. Раджнеш получил степень доктора философии в 1957 году и был

отмечен как способнейший студент университета. Те два года он получал громадное удовольствие, потому что мог полностью окунуться в огромное собрание университетской библиотеки, наряду с радостью от пребывания в краю таких прекрасных гор. Вместо посещения классов Раджнеш отдавал большую часть своего времени чтению в библиотеке и ночным прогулкам под звездным небом, радуясь каплям дождя или гуляя в горах. Даже по праздникам — когда библиотека была закрыта — его можно было увидеть погруженным в чтение на лужайке у библиотеки или в одиночестве гуляющим на природе.

Его жизнь тех двух лет в Саугаре интересна тем, что в ней отражались те же, всегда им проявляемые, самые основные качества: бунтарство и экспериментирование. Для него было несущественно, где проявлять эти качества, он не мог соглашаться ни с диктатом семьи, общества, ни с диктатом школы или религии.

Бхагаван объясняет, что человек не должен становиться интегрированным — он уже и так интегрирован глубоко внутри, хотя на периферии еще много шума — отсюда человеку необходимо только движение внутрь. И чем быстрее человек идет внутрь, тем раньше обнаруживает, что он уже интегрирован. Как обнаружить это? На это он отвечает: «Делайте только то, что приносит вам радость. Если вам что-либо не в радость, не делайте этого». Он приводит свой собственный эксперимент:

> «Я пользовался этим правилом еще в мои университетские годы, и люди думали, что я был сумасшедший: я мог внезапно остановиться и оставаться на одном и том же месте полчаса или час, пока прогулка снова не начинала мне нравиться. Мои профессора были так испуганы, что, когда начинались экзамены, они брали меня в машину и отвозили прямо в университет. Они оставляли меня у двери и гадали, доберусь я до своего письменного стола или нет? Или, если я мылся и внезапно чувствовал, что не радуюсь — этому, — я останавливался. Что было главным в том случае? Если я ел и вдруг чувствовал, что не радуюсь этому, — я прекращал есть».

Точно так же еще в школе, в Гадарваре он как-то раз встал в середине урока математики и сказал учителю, что больше не придет в класс, потому что ему в нем не радостно. «И так раз за разом, — указывает Бхагаван, — это стало ключом. Я внезапно понял, что если вы радуетесь чему-то, вы концентрируетесь. Радость — это появление концентрированного бытия. Если вы не

радуетесь — вы далеки от центра».

Человек может найти жизненную перспективу и лучше понять Бхагавана, рассмотрев его эксперимент с тремя гуннами — тремя основными качествами, из которых состоит человеческая личность. Индивидуальность тамас-гуны проявляет пассивность, инерцию, лень; человек раджас-гуны выказывает интенсивную активность или страстность, а в личности саттва-гуны имеется качество безмятежности покоя и мудрости. Бог Кришна подробнейшим образом описал эти гуны в Бхагавад-Гите.

Вообще все три гуны представлены в любой индивидуальности, но в различных пропорциях. Смесь этих трех гун в каждой личности и формирует каждую индивидуальность. Неважно, какое качество преобладает в индивидуальности — там есть и другие два, хотя и в потенциальном состоянии.

Комментируя жизнь просветленных прошлого: Иисуса, Мухаммеда, Лао Цзы, Рамана Махариши и Кришны — Бхагаван говорит:

> «Раджас был преимущественным средством выражения для Иисуса и Мухаммеда. Тамас был преобладающим качеством Лао Цзы и Рамана Махариши, но в Кришне были выражены все три качества одновременно Так же, кик равносторонний треугольник имеет стороны равной длины, в индивидуальности Кришны все три гуны представлены и соединены в равной степени».

Поэтому Кришна непоследователен, и поэтому жизнь Кришны, его действия были во многом неправильно поняты. Напротив, Будда, Лао Цзы, Мухаммед, Иисус совершенно последовательны, потому что все они променяют одно и то же преобладающее качество. Бхагаван проявлял все три гуны, как и Кришна, но с одной разницей: Бхагаван пользовался ими скорее поочередно, чем одновременно. «По моему мнению, это наиболее научный путь применения гун — вот почему я выбрал этот путь», — говорит Бхагаван.

Размышляя далее над сходством между индивидуальностью Кришны и своей собственной, Бхагаван объясняет:

> «Во мне тоже присутствует желание быть непоследовательным, но не в такой степени, как у Кришны. Существует другая возможность, которую я использую в своих собственных экспериментах. Все три гуны представлены в каждой индивидуальности, и личность может быть совершенной, тотальной только

при использовании всех трех. Ни одна из гун не должна быть подавлена. Так же, как Кришна не был расположен к подавлению, так и я не одобряю подавление. Все, что в индивидуальности есть, должно быть творчески использовано».

В течение раннего периода жизни Раджнеша к нему часто относились, как к не помогающему семье лентяю. Но то было в связи с тем, что он часто экспериментировал с качеством тамас.

> «Первые годы моей жизни прошли в переживании тайн тамас-гуны — как и у Лао Цзы. Моя привязанность к Лао Цзы поэтому фундаментальна. Я был совершенно пассивным: неактивность была достигнута мною самим. Настолько, насколько это было возможным, я ничего не делал — только то, что было неизбежным или обязательным. Я даже не делал ни единого движения рукой или ногой без причины».

В виде иллюстрации:

> «В моем доме ситуация была такова, что моя мама, сидя передо мной, могла сказать: „Никого нельзя найти, а я хочу послать кого-нибудь за овощами в лавку“. Я слышал это, так как я лениво сидел прямо перед ней. Я знал, что даже если бы начался пожар, она могла сказать мне: „Никого нельзя найти, а наш дом в огне, кто погасит его?“ Но, молча, я мог совершать только одну вещь: наблюдать свою пассивность со стороны, в полном сознании».

В течение того периода качество пассивности было самым значительным для Бхагавана в его экспериментах с тремя гуннами.

> «В моих собственных экспериментах я решил выбрать на время только одну гуну — и только на определенный отрезок времени. Первой я выбрал тамас… потому что тамас — в основе любого из нас. Когда ребенок растет в материнской матке в течение девяти месяцев, он живет в этой гуне. Ребенок сам ничего не делает. Это и есть условие тотальной пассивности».

Бхагаван находит, что эта гуна не только преобладает в

человеке, но и показывает, насколько состояние пассивности в матке замечательно в духовном смысле:

> «Ребенку известно высшее молчание еще в матке. Эта память скрыта глубоко в подсознании. То девятимесячное житие в материнской матке блаженно, потому что там ничего не нужно было делать… Там было только одно существование — только бытие. Это состояние очень похоже на то, что мы называем освобождением».

Таким образом, Бхагаван учит, что поиск молчаливого и блаженного состояния не случаен — скорее он идет из нашего глубокого подсознания: это поиск блаженного состояния, которое было в матке. Но жизнь в матке резко отличается от любой попытки воспроизвести ее. Состояние в матке — это часть биологического процесса роста, и ребенок в этом состоянии обычно несознателен, но в воспоминании или возрождении того состояния, на вершине духовного переживания, индивидуальность полностью сознательна. Бхагаван использует метафору, чтобы описать действие тамас-гуны:

> «Пассивность — это основание, а блаженная тишина — его пик Дом, который мы зовем жизнью, построен на фундаменте пассивности. Средняя структура — это активная часть. А купол этого храма — окончательное блаженство. По моему мнению, таково осознание жизни. Вот почему я… в первой части моей жизни практиковал пассивность».

В экспериментах Бхагавана с каждой из трех гун постоянным фактором была его бдительность, его сознательность, его пребывание наблюдателем в каждом состоянии, его бытие неотождествленного свидетеля. Он описывает природу этой сознательности с помощью следующей истории:

> «В последний год моего обучения в университете был один профессор философии. Подобно многим профессорам философии, он был упрям и эксцентричен. Он упорно не хотел видеть никаких женщин. К несчастью, в его классе было только два студента:… я и… молодая девушка. Поэтому профессор учил нас, закрыв глаза.
>
> Для меня это было очень удачно, потому что во время его лекции я мог спать. Из-за того, что в классе

была молодая девушка, он не мог открыть глаза. Однако профессор питал ко мне очень большую симпатию, думая, что я не смотрю ни на одну женщину тоже из-за принципа и что во всем университете есть еще один человек, который не видит женщин. Поэтому он часто, когда встречал меня одного, говорил мне, что я единственный человек, понимающий его.

Но однажды этот мой образ рухнул. У профессора была одна привычка: он не придерживался на своих лекциях установленного времени. Поэтому заканчивал занятия позже всех в университете. Он говорил: „В моей воле знать, когда начать лекцию, но не в моей воле знать, когда я ее закончу“. Поэтому его лекция могла продолжаться и шестьдесят минут, и восемьдесят, и даже девяносто — это не имело значения для него.

Между девушкой и мной существовало полное взаимопонимание, и она будила меня, когда лекция близилась к концу. Но однажды в середине лекции ее вызвали для какой-то срочной работы, и она ушла. Я продолжал спать, а профессор продолжал лекцию. Закончив ее, он открыл глаза и увидел, что я сплю. Он разбудил меня и спросил, почему я сплю. Я сказал ему „Вы только сейчас обнаружили, что я сплю, но должен вам признаться, что сплю-то я ежедневно, потому что не ссорюсь с молодыми женщинами и потому что мне очень приятно спать на ваших лекциях“.

В течение этих лет сон стал для Раджнеша разновидностью медитации. Он понял в своих экспериментах со сном то, что Кришна передал Арджуне: „Несмотря на то, что весь мир спит ничью, мудрец всегда бодрствует“. Раджнеш во время сна переживал бодрствующее, свидетельствующее состояние — в отличие от сна, в котором человек остается бессознательным. Раджнеш обнаружил: если человек упорствует в своем желании спать больше, чем требует тело, тогда что-то внутри вас остается сознательным и становится наблюдателем всего того, что происходит вокруг вас… тогда внутри вас начинает звучать определенный вид бодрствующего звука».

Бхагаван описывает свою жизнь в Саугарском университете в течение этой пассивной фазы:

«Я сделал своим главным принципом — избегать воспоминания всякого рода работы. В течение двух лет,

что был в университетском общежитии, я никогда не чистил и не подметал своей комнаты. Свою подвесную койку я установил у входа в комнату, так, чтобы прямо от двери я мог в нее прыгнуть и из нее же выпрыгнуть — прямо в коридор. Я не чувствовал необходимости пересекать всю комнату. Точно так же, как я не хотел входить в комнату, не могло возникнуть и никаких вопросов по поводу ее уборки. Все это доставляло определенный вид радости.

Вещи оставались на тех же самых местах, где находились до моего вселения, я не внес ни одного изменения. Разве что в пределах необходимого минимума. Так как для изменения вещи надо что-то с ней сделать, то вещи сохранялись в прежнем виде. Но именно поэтому начали расцветать некоторые уникальные переживания: ведь каждая гуна имеет свое собственное уникальное переживание. Меня не беспокоило то количество мусора, которое стало скапливаться в моей комнате. Я учился жить, невзирая на условия: как мог бы жить и в тщательно убираемом месте.

В университете, где я учился, новых зданий еще не было. Это был недавно основанный университет, и под общежитие использовались военные бараки. Из-за того, что бараки стояли далеко в лесу, в них было обычным появление змей. Я часто видел змей, когда спал на кровати. Змеи приползали, отдыхали в комнате и уползали прочь. Поскольку они никогда не беспокоили меня, то и я не беспокоил их».

В своих экспериментах со сном и пассивностью Раджнеш также переживал состояние не — ума, или опыт безмыслия: состояние чистого сознания:

«В те дни, зачастую лежа на кровати, я рассеянно смотрел в потолок. Через некоторое время я понял, почему Мехер Баба медитировал таким способом. Я делал это без всякого усилия, так как что еще можно делать, лежа на кровати? Если одолевал сон, я смотрел на потолок — даже не моргая. Почему даже не моргая? — Это ведь была бы разновидность действия, такая же часть активности, я только продолжал бы лежать там. Не было ничего, что надо бы делать. Если вы лежите подобным образом и смотрите в потолок час или два, вы скоро обнаружите, что ваш ум становится

чистым, как безоблачное небо: совершенно бессмысленным; если кто-то сделает пассивность целью в жизни, он сможет переживать безмыслие очень естественно и легко».

Это состояние не-действия и не-ума открыло Раджнешу двери божественной славы.

«В те дни я не верил не только в Бога, но и в душу. Причиной моего неверия было то, что если, как я считал тогда, вы верите во что-либо, то вы должны что-то делать. Для пассивности атеизм очень полезен, потому что если Бог есть, то ради него необходимо выполнять какую-либо работу. Но и без какой-либо веры с моей стороны в Бога и душу, благодаря простому лежанию в тишине, лучезарный блеск души и Бога начал восприниматься мною. Я не оставлял пассивности пока пассивность не оставила меня. Только тогда я решил продолжать то, что делал раньше».

Все время, пока Раджнеш учился в школе, его бабушка страстно желала женить его. Она постоянно подталкивала семью, особенно отца Раджнеша, устроить его женитьбу. Друзья Дада также одобряли женитьбу Раджнеша, но сам Дада колебался даже подать такую мысль сыну. Он знал очень хорошо, что если начать убеждать сына в том, что его женитьба будет для него большим благом, а Раджнеш на это скажет нет, это может стать полным крахом всей затеи.

Тем не менее, когда Бхагаван приехал домой после окончания университета, Дада косвенно, через друзей Раджнеша, попытался разузнать, как тот отнесется к перспективе женитьбы. Раджнеш чувствовал, что Дада сам в скором времени задаст этот вопрос, но колеблется. Наконец Дада попросил жену пойти и поговорить с сыном. Вот как Бхагаван рассказывает эту историю:

«…Однажды ночью она подошла к моей кровати, села рядом и спросила меня, что я думаю о женитьбе. Я сказал: „Я не должен жениться, так как у меня нет этого опыта. Ты знаешь это хорошо. У тебя есть опыт — вот и расскажи мне. Подожди дней пятнадцать, подумай об этом, поразмысли, и если ты почувствуешь, что посредством этого достигла чего-то, то просто прикажи мне. Я подчинюсь приказу. Не спрашивай моего мнения. Я никто, потому что у меня нет опыта. Ты пережила это. Если бы тебе опять дали такой шанс, ты вышла бы замуж

снова?“»

Она сказала:

«Ты пытаешься смутить меня».

«Не пожалей времени, поразмышляй на досуге Я буду ждать две недели, а затем ты мне прикажи. Я подчинюсь, потому что ничего не знаю — предложил я.

Все две недели она не находила себе места, не могла спать, потому что знала, что я подчинюсь любому ее приказу, и тогда в ответе будет она, а не я. Так, через две недели она сказала: „Не знаю, что и сказать, потому что, как посмотрю на свой опыт, то тебе не пожелаю в жизни ничего подобного. Кроме этого мне нечего больше сказать“.

Вот так я остался неженатым. Если говорить честно, я не был готов жениться, и совсем не имел это в виду».

Как мы видели раньше, в школьные и университетские годы Бхагаван оставался в основном в состоянии тамас, пассивности. Но, получив докторскую степень, он вошел в состояние раджас-гуны и стал очень активным. Он оставался в яростном раджасе последующие годы, пока не начал открывать спокойную саттва-гуну и, наконец, не устроился в Пуне в 1974 году.

Нео-саньяса: лотос на болоте

После окончания университета Раджнеш занялся поиском работы. Бунтарство, проявлявшееся и раньше, он продемонстрировал еще раз — когда искал работу. Он пересказывает инцидент следующим образом:

> «Окончив университет, я обратился в управление по распределению работ. Министр образования вызвал меня для беседы и попросил несколько письменных характеристик.
>
> Я сказал: „Вот он я: вы видите меня. Я могу здесь посидеть, а вы можете наблюдать меня. Я могу пожить с вами несколько дней, если вам нравится, но не просите никаких справок. Кто может дать мне характеристику?“
>
> Он не мог понять. Он сказал: „Вы можете принести одну от вашего вице-канцлера или, по крайней мере, от главы вашего департамента“. Я ответил: „Если вице-канцлер попросит у меня характеристику, я не дам ее ему. Так как же я могу попросить ее у него? Дать ему я не могу ничего. Так что это невозможно. Я могу попросить характеристику только у человека, имеющего характер. Но это будет абсурдом. Это подразумевает, что сначала характеристику даю ему я — и только после этого его характеристика имеет смысл“.
>
> Но он не мог последовать за мной. Он сказал: „Тогда могут быть затруднения, потому что необходимы, по крайней мере, две характеристики“.
>
> Тогда я написал характеристику от имени моего вице-канцлера, пошел к нему и сказал: „Это характеристика, которую я дал самому себе, вы должны подписать ее“.
>
> Он сказал: „Но это же абсурд. Как вы можете дать характеристику самому себе?“
>
> Я рассказал ему: „Если я сам не могу дать себе характеристику, тогда как же кто-то другой может дать ее мне? Сам себя я знаю лучше, чем кто-либо другой. Вы не можете знать меня. Но если вы можете дать характеристику мне, тогда почему не могу я? Вот характеристика. Вы должны подписать ее“.
>
> Он посмотрел на характеристику и рассмеялся, потому что я написал на листе бумаги, что человек — это свобода, а характер — это все его прошлое, а

будущее всегда открыто. Я могу быть добрым человеком — до сего момента. А в следующий момент? Никто не знает! Я могу быть святым — до сих пор, но в следующий момент я могу стать грешником. Фактически я должен ежеминутно давать новое описание моего характера и опять должен поддерживать это».

Благодаря этому объяснению, Бхагаван произвел впечатление на работодателей и вскоре был принят преподавателем в Санскритский Махавидьялайя в Райпуре в 1957 году. Но уже к 1960 году он стал профессором философии в университете Джабалпура.

На всем протяжении своей преподавательской карьеры Бхагаван был известен как прекрасный и блестящий учитель. Он вселял интерес и дух исследования в своих студентов и подбадривал в поиске ответов на их собственные вопросы. Он был так популярен, что студенты часто покидали классы, чтобы побыть на его лекции.

Бхагаван проявил свое бунтарство с первого же дня своей работы в Райпуре. Следующий случай, рассказанный Бхагаваном, подтверждает это:

«Я был профессором в Санскритском университете. В первый день после прибытия в университет у меня еще не было квартиры, и я на несколько дней остановился в общежитии. Поскольку это был Санскритский университет… а никто не хочет учить санскрит сегодня: это мертвый язык, он не служит никаким целям, он не поможет вам заработать на хлеб с маслом — почти девяносто процентов студентов получали правительственные стипендии. Они учились здесь только из-за стипендии. У них не было желания изучать санскрит, они не интересовались им, но они были очень бедными студентами и не могли бы получить стипендию где-нибудь еще. Так что это было лучше, чем ничего… а поскольку почти все они жили только на стипендию, их силой заставляли молиться в четыре утра.

Когда я прибыл в университет, была зима, и, принимая холодную ванну в четыре часа утра, они все дрожали от холода. Горячую воду не запасали — для санскритского ученого такие предметы роскоши, как горячая вода, не положены: предполагается, что они должны жить, как древние риши и их ученики. И они вставали рано, в четыре утра, в брахма мухутру — это один из наиболее божественных моментов согласно

индуистской мифологии.

В первый день они еще не знали, что я профессор. Я люблю принимать холодную ванну по утрам, поэтому я пошел к колодцу принять ванну. А студенты были очень обозлены и употребляли все виды четырехбуквенных ругательств. Не только по поводу вице-канцлера, но и по поводу Бога также…

Я доложил вице-канцлеру: „Это неправильно, вы не учите их молитве, а затем — после холодной ванны — они должны, выстроившись в ряд, несколько часов молиться на санскрите. Тогда как же они могут быть набожными? Они обозлены на Бога. Если им встретиться Бог, они же убьют его! А они молятся. Так какого же качества эта молитва?“

Но вице-канцлер был старым санскритским ученым. Он сказал: „Нет, вы неправы, они делают это по собственному желанию, мы никого не заставляем“.

Я ответил: „Я знаю, что они делают это по собственному желанию, потому что, если бы они не делали этого, вы бы лишили их стипендии. Вы принуждаете их не прямо, а косвенно, а если вы хотите спорить со мной, то дайте мне всего один день и я установлю следующее: кто может вставить в четыре часа, тот пусть принимает холодную ванну и молится, а кто не желает, пусть не боится за стипендию: это будет стимулом для них“.

Теперь вице-канцлер был загнан в тупик, и он согласился… и я пришел к вице-канцлеру в четыре часа утра — он спал. Я вытащил его из кровати: „Вставайте! Какой же вы вице-канцлер? Ваши студенты молятся, принимая холодные ванны, а вы спите!“

Он был очень зол на меня. Я сказал: „То же самое происходит и с ними. Вставайте!“

А там не было ни единого студента! Около колодца было пусто! Молитвенный зал был пуст. Я предложил ему: „Теперь примите холодную ванну вместе со мной, и мы оба будем молиться!“

„Я не могу — вода холодная, а я старый человек!“

„Хорошо, тогда я сам буду принимать холодную ванну. Вы сидите рядом и смотрите, а затем мы пойдем молиться“.

Он возразил: „Но я чувствую усталость, я хочу спать!“

„Тогда, — сказал я, — получается, что только я один

буду человеком, который желает молиться, и совсем не знаю санскрита! А Бог понимает только санскрит! Меня направили в этот университет в результате ошибки министерства образования. Они решили, глядя на меня, что я должен знать санскрит. А я не знаю его совсем. Я не интересуюсь ничем мертвым“.

Итак, он пошел в свою комнату, а я в свою. И каждый лег спать. Наутро ко мне пришли студенты, они были так счастливы, так благодарны.

И я сказал вице-канцлеру: „То, что они пришли ко мне, их благодарность — более прекрасно, много сильнее тех молитв“. И предложил ему: „Прекратите всю эту чушь!“

Но еще раньше, чем прекратилась эта чушь, он распорядился перевести меня в другой университет, добавив: „Это опасный человек! Он разложит моих студентов морально, нравственно и религиозно“».

Через год Бхагаван был назначен на факультет Джабалпурского университета. В течение этого периода он тратил много времени, упражняя и развивая свое тело. Держаться в превосходной физической форме было для него парой пустяков, так как растущая более десяти лет раджасэнергия держала его в постоянном движении. Он путешествовал по всей стране, с большой страстью и интенсивностью. Укрепляя свое здоровье, Бхагаван, возможно, осознавал, что это пригодится в последующие годы.

Начавшиеся с шестидесятого года изнурительные путешествия указывают на фазу раджаса в его жизни. Такая активность, считает Бхагаван, возможна только тогда, когда человек живет исключительно вовне, или преодолевает пассивность, или развивается автоматически, то есть протекает естественно — изнутри. Бхагаван объясняет, что эта активность в корне отличается от беспокойства и напряжения политиков. В отличие от активности политиков, эта активность мотивируется не желанием, а состраданием. Бхагаван полностью изжил эту активную фазу перед своим приездом в Бомбей в 1970 году. Бхагаван описывает эту фазу, как следующую:

«Когда началась вторая фаза — раджас, я метался по всей стране. Я так много путешествовал за те десять-пятнадцать лет, сколько ни один человек не мог бы успеть даже за две или три жизни. И столько, сколько я наговорил за те десять-пятнадцать лет, люди обычно могут наговорить не менее чем за десять-пятнадцать

рождений. Повсюду путешествуя, я с утра до ночи был в движении».

Описывая цель и природу этой фазы, Бхагаван говорит:

> «Я затевал споры, критиковал по поводу и без повода — ведь чем больше споров, тем быстрее я перейду через вторую фазу активности. Поэтому я начал критиковать Ганди, я начал критиковать социализм.
>
> Но это не значит, что все мною тогда вытворяемое имело какое-либо отношение к этим темам, и с политикой это также не было связано. Никакого интереса ко всему этому у меня не было. Но когда все население страны было по этому поводу в таком напряжении… то, как мне кажется, даже шутки ради необходимо было создавать споры. Поэтому в течение преодоления моей второй фазы я устраивал бесчисленное количество дебатов и сам участвовал в них.
>
> Если бы те споры затевались из-за навязанных действий, определенных желаний, они сделали бы меня несчастным. Но так как все это было только для того, чтобы развить раджас-гуну, только для ее выражения, то все получалось очень забавно. Эти споры были похожи на выступление актера».

Его лихорадочные путешествия, его беседы носили следующий, описанный Бхагаваном характер:

> «Три недели в месяце я проводил в поездах. Утром я мог быть в Бомбее, следующим вечером — в Калькутте, на другой день — в Амритсаре, спустя день — в Лудхьяне или в Дели. Вся страна была полем моих операций. Поэтому всюду, куда я только ни приезжал, возникали, естественно, в изобилии споры…»

Пока Бхагаван проходил через фазу пассивности, он говорил очень мало. «Но, — говорит Бхагаван, — в течение периода активности я нес себя к людям только для того, чтобы говорить, и мой язык был полон огня…

Тот огонь не был моим, он исходил из раджас-гуны. Это был только один из методов для сжигания раджас-гуны. Это должно сгореть в полной дикости, так, чтобы оно могло вернуться в прах как можно быстрее. Чем слабее огонь, тем дольше он выгорает. Поэтому это было процессом тотального выгорания ради цели

скорейшего возвращения к праху».

Значительное развитие этого периоды произошло в 1964 году. В том году Бхагаван впервые предложил своим последователям медитацию в десятидневном медитационном лагере, устроенном в горах Раджасхана, в месте, называемом Мухала Махавир. Он обучал нескольким видам медитации, которые могли бы быть практикуемы рано утром и в течение дня так же, как вечером и перед сном. Несколько видов медитационных техник, такие как Випасана, Надабрахма и Кружение, хорошо известны медитаторам различных традиций.

Бхагаван объясняет, что медитация — это бесчисленные пути в великую глубину. Он называет медитацию особенным «состоянием не-ума», то есть состоянием остановки мысли, состоянием молчания:

> «Ум — это постоянное движение: мысли движутся, желания движутся, воспоминания движутся, амбиции движутся… когда нет движения и мышление прекращается, мысли не движутся, желания не шевелятся, вы в высшей степени молчаливы — такое молчание есть медитация. Именно в таком молчании познается истина. Медитация — это состояние не-ума».

В противоположность популярному мнению, Бхагаван не смотрит на медитацию, как на серьезную активность: медитация, согласно ему, это переживание пассивности, радости, веселья:

> «Ум очень серьезен, а медитация абсолютно несерьезна Когда я говорю это, вы можете попасть в тупик, потому что люди продолжают говорить о медитации очень серьезно. Но медитация — это несерьезная вещь. Это подобно игре… искренней, но несерьезной. Совсем не похоже на работу, скорее — на игру. Игра — это не активность. Даже когда она активна, это пассивность. Игра — только удовольствие. Нигде нет активности, она не мотивируется Скорее это только чистая, текучая энергия».

Основав в 1964 году медитационный лагерь, Бхагаван продолжил путешествие дальше; он курировал такие лагери, раскинувшиеся по всей стране. Он обыкновенно выбирал места среди природы, вдали от толп и городского шума. Эти медитационные лагеря и его дискурсы мгновенно стали популярными, и он начал пробуждать всю нацию. Он пробуждал все больше и больше людей из различных слоев общества, и все

больше людей начали чувствовать любовь к нему.

Частые путешествия Бхагавана, его стиль и оригинальность, его острый ум и мятежная природа часто досаждали университетской администрации, однако, вследствие его популярности и репутации, они ничего не могли сделать. Его друзья часто настаивали, чтобы он оставил свою работу, чтобы полностью посвятить себя призванию. Бхагаван отвечал, что это случится тогда, когда Бог пожелает это.

В 1966 году он почувствовал, что наступило время освободиться от университетской работы. Его попросили отказаться от обычных дискуссий в августе 1966 года, когда он только что вернулся из поездки. Смолоду Бхагаван имел обыкновение носить ланги (длинный кусок материи, который обертывают ниже талии) и чадар (длинный кусок материи, обернутый вокруг бедер). Несмотря на то, что администрация колледжа и раньше выражала свое неудовольствие этим стилем одежды, принципиальное решение Бхагавана, возвратившегося из поездки, прекратило спор. Так как Бхагаван никогда не возражал по поводу вида одежды, которую носил директор, он почувствовал, что было бы несправедливым со стороны директора возражать против его собственного стиля одежды. Под давлением директора Бхагаван немедленно подал заявление, которое он всегда носил с собой.

Освободившись от своей преподавательский работы, Раджнеш начал развертывание своей раджас-энергии с помощью лекций на такие спорные темы, как Махатма Ганди, секс, ортодоксальный индуизм и социализм. В течение года столетнего юбилея Ганди, 1968—69, он открыто и смело критиковал Ганди, его идеи, его последователей. Критика Ганди Бхагаваном основывается на двух моментах, первое он находит Ганди человеком этики, а не религии. Бхагаван не рассматривает Ганди как религиозного человека, несмотря на то, что именно этим он известен всей Индии, — потому что Ганди не имел никакого опыта медитации. Бхагаван указывает далее, что концепция Ганди, основывающаяся на религиозном синтезе, была не свободна от его склонности к индуизму. Согласно Бхагавану:

> «Ганди ничего не знал о медитации, но пытался заложить определенную основу синтеза В основном он был и оставался индуистом всю свою жизнь до самого конца. Он называет Бхагавад-Гиту своей матерью, но никогда не называет Коран своим отцом — даже дядей. Хотя он говорит, что его учение основывается на Гите, путь, которым он руководствуется, является абсолютно

политическим — ловким, хитрым, но не подлинным. Все, что он находит в Коране, в Библии, в Дхамападе, все, что согласно с Гитой, он немедленно вытаскивает и говорит: „Посмотрите! Все религии учат одному и тому же!“

Но существуют и такие вещи, которые идут против Гиты и Библии, которые противоречат Гите в Коране, в Дхамападе. Он не замечает их… такой его синтез фиктивен. Фактически он вычитывает Гиту везде, везде, находя отражение Гиты, немедленно говорит: „Посмотрите! Они говорят то же самое!“

Но как же быть с отличиями? Что делать с абсолютно противоположными точками зрения?

Ганди отбирает куски, а затем делает из них смесь, которую он называет синтезом всех религий. Такого никогда не было. Ни мусульмане не согласились с ним, ни индуисты. И он был убит индуистом».

Описывая свое собственное видение религии и в этом контексте объясняя природу своей работы, Бхагаван говорит в марте 1971 года:

«Я не синтезатор, подобный Ганди, я не называю что угодно синтезом религий. Я говорю, что для меня приемлемы все религии с их индивидуальными различиями…

Коран и Гита не едины, но связь их объединит. Моя задача состоит в том, чтобы сплести сеть из саньясинов, которые будут такими, что смогут образовать нужные связи. Эти саньясины будут совершать намаз в мечети, произносить молитвы в церкви и совершать киртан (индуистское культовое пение) в храме. Они будут идти по пути Махавиры, медитировать, как Будда, и даже экспериментировать с традицией сикхов, таковы возникающие связи — живая цепь человеческих связей. Все должны быть охвачены тем единым религиозным чувством, что все религии, несмотря на разделение их — едины: не в том смысле, что все религии неразделимы, но в том, что, несмотря на разделение, они едины в своем внутреннем гармоничном движении к одной цели. Они едины в том смысле, что они ведут вас в направлении к одному сверхсознанию.

В целом перспектива, стоящая передо мною, заключается в том, что я должен помогать каждой личности двигаться согласно ее способностям, ее положению в эволюции, ее культуре — в согласии с тем,

что уже имеется в крови каждого человека. Тогда ему должно стать намного легче достичь цели. Поэтому я не считаю ни одну религию моей собственной, а также ни один путь моим собственным, потому что сейчас один единственный путь или одна религия не будут сейчас работать для будущего…»

Бхагаван, кроме этого, считает взгляд Ганди на общество и его решение общественных проблем примитивными и научными. Он находит их регрессивными, потому что они коренятся в традиции. Бхагаван отмечает, что Ганди больше одобрял старые средства, примером чего является пропагандирование им прялки. На взгляд Бхагавана, Ганди не одобрял модернизации Индии, которая абсолютно необходима.

Что касается секса и рождаемости, Ганди твердо отстаивал самоконтроль и безбрачие, что Бхагаван находит неосуществимым. Бхагаван привлекает ваше внимание к вопросу демографического взрыва и, отсюда, поддерживает современные методы контроля над рождаемостью.

Идеи Ганди, связанные с почитанием бедности, тотально неприемлемы для Бхагавана. Ганди игнорировал бедность тем, что называл бедняка дарира нараян (бедный бог). Бхагаван же говорит, что бедность должна быть разрушена, а не увековечена. Для этого, говорит он, Индии надо как можно скорее отказаться от ее вековых предрассудков и суеверий, которым следовал и сам Ганди, и будет лучше, если она, наконец, шагнет в двадцатый век.

«Двадцать лет я критиковал Махатму Ганди и его философию. Но гандийцы не отвечали. Многие гандийцы приходили ко мне и говорили: „Все, что ты говоришь, правильно, но мы не можем сказать этого публично, потому что, если сказать, что все то, что ты говоришь о Махатме Ганди, правильно, мы проиграем. Народ верит в Махатму Ганди“. Так, необходимо поддерживать крайнюю чушь только потому, что Ганди был сторонником антитехнологизма. Эта страна будет продолжать оставаться бедной, если останется антитехнологичной: эта страна никогда не придет к состоянию благополучия. И совсем не обязательно, что технология всегда будет антиэкологией. Можно развить такую технологию, что будет в согласии с экологией. Можно развить такие технологии, что будут помогать людям и при этом не разрушать природу. Но Ганди против технологии.

Он был против железных дорог, он был против

почты, он был против электричества, он был против машин всех видов. Они знают, что это глупость, но продолжают разыгрывать уважение к Махатме Ганди, потоми что им нужны голоса на выборах. А люди почитают Махатму, потому что Махатма соответствует их представлению о том, каким Махатма должен быть.

Махатма Ганди годится индийской толпе. Индийская толпа почитает его. Политик должен подыгрывать толпе. Помните всегда: в политике лидер следует за своими последователями. Он должен так делать. Он только претендует на то, что он ведущий — исподволь он должен следовать за своими последователями. Если однажды последователи покидают его, он становится никем. Он не может настаивать на своем собственном мнении, он не должен опираться на свое собственное мнение.

Ганди почитал бедность. Сейчас, если вы почитаете бедность, вы будете оставаться бедным. Бедность надо ненавидеть. Я ненавижу бедность! Я не могу сказать: „Почитайте это!“ Это было бы преступлением. И я не вижу никаких религиозных качеств в нищем бытии. Но Ганди много рассуждал о бедности и ее красоте. Это помогает эго бедного человека. Он чувствует себя хорошо. И то, что он религиозен, прост, что беден — это всего лишь утешение. Он может быть нищим, но он имеет какие-то духовные богатства. Бедность, сама по себе, это не духовное богатство: нет, совсем нет. Бедность безобразна, и бедность должна быть разрушена. А чтобы разрушить бедность, нужно вводить технологию.

Махатма Ганди был против контроля над рождаемостью. Теперь, если вы против контроля над рождаемостью… Индия будет становиться все беднее и беднее. Другой возможности нет».

Беседы Бхагавана, посвященные Ганди, породили великую бурю во всей Индии, но особенно на родине Ганди в штате Гуджарат. Один из примеров возникшей ненависти и протеста можно увидеть в том факте, что многие из тех, кто считал себя друзьями Бхагавана, оставили его. Кроме того, предшествующее обещание правительства Гуджарата о продаже шести акров земли было отменено — эта земля должна была стать, по замыслу Бхагавана, идеальным местом для проведения медитационных сессий.

Бхагаван еще больше подлил масла в огонь. 28 августа 1968

года он должен был, по приглашению группы друзей, прочитать цикл лекций о любви. Лекция проводилась в одном из известных культурных и образовательных центров Бомбея, Бхаратья Видья Бхаван. Лекция была на хинди, и то, что рассказывал Бхагаван, было совершенно неожиданным.

Главной темой этой лекции было:

> «Я хочу сказать вам: секс — божественен. Основная энергия секса — это отражение Бога, что очевидно: ведь это энергия, которая создает новую жизнь. А это величайшая, наиболее таинственная сила.
>
> Почему же существует неприязнь к сексу? Если вы горячо хотите любить свою жизнь, откажитесь от этого конфликта с сексом. Примите секс с радостью. Подтвердите его сакральность. Примите его благодарно и включайтесь в него все глубже и глубже. Вы будете удивлены, что секс может открыть такую сакральность: он будет открывать свою сакральность в зависимости от степени вашего приятия. Но насколько грешен и непочтителен ваш подход, настолько же безобразен и грешен секс, который вы будете подавлять…
>
> Если вы хотите знать элементарную истину о любви, первое — это необходимо принять сакральность секса, принять божественность секса точно так же, как вы принимаете существование Бога, — с открытым сердцем. И чем более полно вы принимаете секс открытым сердцем и умом, тем вы будете от него свободнее. Но чем больше вы подавляете его, тем больше вы будете ограничены им…»

Серия лекций была отменена, и Бхагаван вернулся в Джабалпур. Но несмотря на тот факт, что этой лекцией Бхагаван сотряс ортодоксальные индийские предрассудки, табу в отношении к сексу, он одновременно, тем не менее, вызвал достаточный интерес у некоторой части слушателей, и был приглашен продолжить лекции. Ровно через месяц Бхагаван вернулся в Бомбей и выступил с лекцией на ту же тему на открытом публичном митинге перед пятнадцатью тысячами слушателей, на Говалил Танк Майдан.

В этих лекциях Бхагаван уделил внимание многим аспектам секса и любви, и, несмотря на это, продолжал делать особое ударение на преодолении или очищении сексуальной энергии и переживание Божества посредством этого. Он твердо отвергает идею безбрачия, ибо чувствует, что целибат — это обыкновенное сексуальное подавление, и здоровой, естественной

трансформации секса в нем не происходит. Он учит, что секс — это естественный феномен, и люди должны переживать его любовно и медитативно: так, чтобы он смог стать первым шагом на пути к сверхсознанию. Бхагаван не учит «свободному сексу» или сексуальной терпимости, как это неправильно понимается. Наоборот, он объявляет в недвусмысленных терминах, что секс, понятый правильно, не имеет ничего общего с распущенностью.

Когда эти речи были опубликованы, они не принесли Бхагавану ничего, кроме злобы и оскорблений, последовавших от публики и индийской прессы. Но никто не смог дать здравомыслящего, разумного и непредубежденного ответа на темы и аспекты секса, освещенные Бхагаваном. Эти дискурсы были переведены на английский и опубликованы в виде книги в 1979 году под названием «От секса к сверхсознанию».

В марте 1969 года Бхагавана пригласили выступить на Втором Индуистском Религиозном Конгрессе в Патне, столице восточного штата Бихар. На конференции председательствовал религиозный глава индуизма Шанкарачарья из Пури. Этот человек возражал против присутствия Бхагавана, злился и агитировал против него. Организаторы извинились, и Шанкарачарья немного успокоился, позволив Бхагавану выступать 25 минут. Бхагаван начал бичевать организованные религии, священников и лицемерие религии. Он говорил:

> «Любая религия, которая рассматривает жизнь как бессмысленную и полную несчастий, учит ненавидеть жизнь, не является истинной религией. Религия — это искусство, которое показывает, как надо переживать жизнь. Освобождение состоит не в бегстве от жизни, но скорее в полном переживании жизни и мира… Эти же магазины, присвоившие себе название религии, не хотят, чтобы личность стала воистину религиозной. Лавочники в этих магазинах должны зазывать покупателей, ведь если не делать этого, то не будет никакой необходимости в священнике или всемирном учителе…»

Бхагаван жестко говорил минут десять, после чего Шанкарачарья и его коллеги потребовали, чтобы организаторы остановили выступление. Бхагаван спросил у аудитории, остановиться или продолжать. Слушатели закричали в ответ, чтобы он продолжал. В конце выступления зал наградил его очень теплыми и громкими аплодисментами, еще больше расстроившими Шанкарачарью. Бхагаван сказал:

> «Для меня это была игра, но для него это — вопрос

его профессии. Он был так взбешен, что чуть было не упал с кафедры. Все его тело сотрясалось».

После обретения независимости лидеры Партии Конгресса, включая Неру, стали склоняться к идеям социализма. Индийские экономические планы и программы были основаны на принципах социализма. Бхагаван выражал свое полное несогласие с идеями социализма. Он считает, что говорить о социализме без первоначального построения капиталистической экономики гибельно для любой страны. Он не рассматривает капитализм и социализм как противоположные системы. В июле 1969 года Бхагаван говорил в Джабалпуре на лекции «Индия и социализм» о том, что, на его взгляд, «„социализм — это окончательный результат капитализма“. Это очень естественный процесс. Здесь незачем идти через какую-либо революцию. Фактически капитализм сам является революцией, приводящей к социализму. Капитализм впервые в мире показал, как создать богатство. Я верю, что в Индии социализм неминуем, но пятьдесят-семьдесят лет спустя. Индия сначала должна приложить огромные усилия для создания богатства. Бедность в этой стране носит такой хронический характер, продолжается так долго, что, если эта страна не разовьет капиталистической системы в ближайшие пятьдесят или сто лет, она останется бедной навсегда. Капитализм должен дать возможность разбогатеть. В настоящий момент под эгидой социализма мы даем возможность только лишь обеднеть».

Критика Бхагаваном социализма и поддержка капитализма вызвали немедленную реакцию: он был заклеймен антипатриотом и назван агентом ЦРУ.

Так, благодаря своим беседам, дебатам и дискуссиям, Бхагаван прикоснулся к тем истокам, которые были сердцевиной индийских проблем и болезней. Даже с риском для своей жизни Бхагаван делал смелые и искренние заявления по одной причине: он точно чувствовал, что Индия не может больше заметать свою грязь под ковер. Кто-то должен был первым взять на себя смелость и показать зло и глупость, поглотившие страну. Бхагаван принял это лидерство на себя и со всей своей проницательностью приподнял занавес над проблеском видения, продолжив развертывать его все последующие десять лет.

Во время своих визитов в Бомбей Бхагаван по утрам проводил медитационные сессии в Палм Вич Хай Скул. Во время своего приезда в апреле 1970 года Бхагаван удивил всех, кто пришел на его «расслабляющую» медитацию. Тогда он впервые ввел свою собственную технику медитации — Динамическую Медитацию.

Рассчитывая проводить «расслабляющую» медитацию многие годы, Бхагаван неожиданно обнаружил, что такая медитация не удовлетворяет реальных потребностей современного человека. Он объясняет:

> «В течение десяти лет я непрерывно работал с методами Лао Цзы, то есть я непрерывно изучал непосредственное расслабление. Это было очень просто для меня, и поэтому я решил, что это будет просто для любого. Затем, раз от разу, я стал осознавать, что это невозможно… я, конечно, просил расслабиться тех, кого я обучал. Они понимали значение этого слова, но не могли расслабиться. Тогда я решил придумать новые методы медитации, которые сначала создают напряжение — очень большое напряжение. Они создают такое напряжение, что вы становитесь сумасшедшим. А затем я предлагаю расслабиться».

В тот день, когда он ввел Динамическую Медитацию, все были ошарашены и очарованы одновременно. Индийские журналисты были поражены, наблюдая участников, которые вопили, кричали и срывали с себя одежды — вся сцена носила фатальный характер и была очень интенсивной. В четвертый, последний день Бхагаван сказал:

> «Я дал вам очень ценную технику. Выполняйте ее регулярно!»

Техника Динамической Медитации содержит элементы йоги, суфизма и тибетских традиций, точно так же, как и находки современной психологии. Бхагаван свел их вместе в один уникальный рецепт, способный удовлетворить нужды индивидуумов современного общества. По сравнению с Динамической Медитацией, другие техники Бхагавана или более просты, или более сильны, интенсивны, или имеют более игровой характер. Музыка и движение являются двумя главными компонентами этих медитаций, а принцип трансформации энергии с помощью пробуждения активности и спокойного наблюдения ее, является сердцевиной.

Медитация, согласно Бхагавану, есть внутренняя пассивная восприимчивость всего того, что есть в движении. Медитация это беспристрастное наблюдение того, что происходит. Существует много процессов, которые замедляют функции тела, приносят расслабление, уменьшают физический или умственный стресс, но они не являются необходимо медитативными процессами.

Определенные наркотики и мантры создают некоторое замедление: наркотики — с помощью изменения химии тела, мантры Трансцендентальной Медитации — с помощью монотонного повторения. Хотя кое-какие из этих средств могут быть лечебными для тела в том смысле, что вызывают глубокий сон, снижение кровяного давления и т. д., — эти состояния тела не обязательно имеют отношение к духовности, то есть к наблюдению своего тела, мыслей и эмоций, как не относящихся к себе.

Тело — это начало: в медитации человек должен начать с тела, но после этого надо пройти очень длинный путь. Кроме того, человек должен идти и через эмоции и мысли. Вот почему медитация Бхагавана начинается с тела — это необходимо для того, чтобы освободить большое количество физических подавлений и блоков, препятствующих «открытию» отдельного наблюдения. В тот момент, когда эти блоки освобождаются, дает эффект более тонкая часть техники. Освободившись от всех физических блоков, человек становится пустым началом для движения энергии и лишь теперь способен к алхимической трансмутации. Если, например, секс — это блок, или злость — это блок, то энергия не сможет пойти выше секса или злости. Если же, напротив, секс и злость освобождены, то человек может двигаться к сердцу и уму: для потока энергии нет никакого препятствия.

Таким образом, освобождение через физический и эмоциональный катарсис занимает важное место в техниках, придуманных Бхагаваном. Будучи «цивилизованными», современные люди постоянно носят в себе подавленные чувства и эмоции. Это подавление сохраняет их напряжение и часто ведет к неврозу. Отсюда, если не освободиться от этого подавления, то переживание бытия в медитации останется невозможным. Поэтому Бхагаван объясняет:

> «Катарсические методы являются современными изобретениями. Во времена Будды они были не нужны, потому что люди не были такими подавленными. Люди были естественными, жили примитивной жизнью — не цивилизованной, а спонтанной жизнью.
>
> Я ввожу катарсические методы так, чтобы то главное, что цивилизация сделала с вами, не могло бы больше происходить, так, чтобы вы снова стали примитивными. Из этой примитивности, из этой невинности появится новое видение, интуиция будет легко доступной».

Во время своих путешествий Бхагаван обращался к людям всех профессий, каст, религий и классов. Он устраивал дискуссии с политиками и промышленниками, писателями и художниками, людьми из сферы услуг, студентами из университета, членами Лайан и Ротери клубов, священниками и пандитами. Он обращался и к пятидесятитысячным громадным аудиториям, и к маленьким группам, толкущимся в курилках. Бхагаван делится одним из своих личных переживаний этого периода:

> «В то время, когда я путешествовал по Индии много лет, это случалось почти каждый день. Приходили люди, хорошо осведомленные люди: пандиты, ученые — обученные люди — и говорили: „Мы хотим кое-что обсудить с тобой“. И мой ответ всегда был следующим. „Если вы что-то знаете, то поделитесь со мной. Я буду рад и счастлив получить это. Если вы не знаете, то что-то знаю я. Я могу поделиться этим с вами, возьмите. Если мы оба знаем, тогда совсем нет необходимости говорить. Если же мы оба не знаем, тогда что же нам обсуждать? Дискуссия бессмысленна!“»

Постепенно, на фоне факта своей активности, несмотря на то, что раджас интенсивно тратилась на путешествия, споры, дискуссии и дебаты, Бхагаван пришел к пониманию, что за все эти годы он не добился сколь-нибудь существенного прогресса во влиянии на индийское общество. Отсюда, по словам Бхагавана, эти путешествия стали все менее и менее значительными:

> «Я обращался к миллионам людей в этой стране, затем я остановился. Я обращался к тысячам и бывало, что на один митинг собиралось по пятьдесят тысяч человек. Я путешествовал по всей этой стране пятнадцать лет, из одного конца в другой. Я просто стал уставать от всего этого, потому что каждый день я должен был начинать с A, B, C. Так было всегда: A, B, C; A, B, C; A, B, C. И мне стало абсолютно ясно, что я никогда не смогу добраться до X, Y, Z. И я прекратил путешествовать.
>
> Однажды на митинге я говорил о Кришне, а люди, повернувшись спинами ко мне, беседовали друг с другом… Это был последний день, последняя соломинка. В середине я ушел. Председатель митинга спросил: „Куда вы пошли?“ Я сказал „Я ухожу навсегда Я заканчиваю с этими глупыми людьми. Я говорю о Кришне — они пригласили меня рассказать об этом, —

но, кажется, никто не хочет слушать“».

В течение этой фазы путешествия Бхагаван неоднократно возвращался в Джабалпур, чтобы уединиться, побыть некоторое время одному. Но и это становилось все более и более трудным. Бхагаван объясняет:

> «Пятнадцать лет я жил подобно Иисусу, постоянно странствуя, и не мог даже на одно мгновение остаться один. Поэтому я опять и опять возвращался в Джабалпур, где я мог провести время в одиночестве. Джабалпур был очень несчастливым местом. Я бродил по всей стране и везде встречал людей — но не в Джабалпуре, он был моей вершиной. А когда я прибывал в Бомбей или в Дели, или в Пуну, люди спрашивали меня, почему я каждый раз отправляюсь потом назад, в Джабалпур… Это было необходимо. Я мог бы переезжать из Пупы в Бомбей, из Бомбея в Дели, из Дели в Амритсар, из Амритсара в Шри-Нагар. Почему же я сначала должен был ехать в Джабалпур, а затем начинать через несколько дней все снова?
>
> Джабалпур был моей вершиной. Здесь я был абсолютно одинок. Когда мое одиночество стало невозможным и сюда начало приезжать множество людей, тогда я оставил это место…»

Итак, почти через четыре года после своего ухода в 1966 году из университета Бхагаван решил покинуть Джабалпур. Он прекратил свои путешествия, уменьшил количество медитационных лагерей и начал собирать свою личную библиотеку. Его друзья с радостью и готовностью нашли в Бомбее ему место, где он мог бы иметь свое собственное пространство, а также встречаться с людьми.

29 июня 1970 года он произнес прощальную речь на вечере в Шахид Смаран Бхаван в Джабалпуре, выступив перед вице-канцлером Джабалпурского университета, журналистами, писателями, профессорами, издателями газет и другими именитыми горожанами. После всех приветственных речей попросили выступить Бхагавана. Он сказал:

> «Люди говорят, что я стал Махатмой. В действительности же, будет более правильно называть меня странником. Сегодня я здесь, завтра в Бомбее, а день спустя я могу уехать в Нью-Йорк. Куда божество возьмет меня, туда я и поеду Я не забуду Джабалпур еще

по той причине, что причинил боль многим людям. Я громил их эрудированные беседы, и мои рассуждения, конечно, обижали их. Теперь я вижу, что эти раны не залечены, и поэтому я не хочу, чтобы вы сидели спокойно. Я здесь для того, чтобы наносить раны, для того, чтобы вы думали — а эта страна никогда не думает. И помните, что страна, в которой мышление и рефлексия остановились, имеет почти отмершие корни. Поэтому, когда я увижу, что ваши раны начали затягиваться, я вернусь и ударю в них… Я хожу всюду не по своему собственному желанию. Это происходит по божественной воле. Я повторяю много раз: думайте. Если поток мыслей однажды остановится, вода превратится в грязную лужу, а если будет продолжать течь то скоро станет рекой».

Бхагаван прибыл в Бомбей. Здесь он начал то, что было совершенно новой формой для него — регулярные вечерние дискурсы с пятьюдесятью близкими людьми о духовных и эзотерических материях. Он вскрыл секреты различных духовных традиций, освещал вопросы, возникшие после предыдущей лекции, и шел в своих ответах очень глубоко. Это был очень интенсивный, живой, мощный диалог; большинство этих бесед были переведены с хинди и опубликованы под названием «Мистический опыт».

Те, кто был близок к нему и течение этого периода, рассказывают, что его излучение и сила были таковы, что человек начинал трястись, кричать или ощущать громадный поток энергии, даже просто будучи около него. Люди чувствовали его очень интенсивно в течение одного из его медитационных периодов, проведенных в августе 1970 года. Люди сотрясались, когда он начинал смотреть на них или прикасаться к ним. Он объявил в своем лагере, что хочет посвятить в саньясу тех, кто чувствует внутреннюю связь с ним. Таким образом, в течение медитационной сессии, устроенной с 25 сентября по 5 октября 1970 года в Манали, в прекрасной долине Гималаев, Бхагаван посвятил в саньясу шесть человек. Он дал новые имена этим индивидуальностям и формально начал Международное Движение Нео-саньясинов.

Главная задача этого движения состоит в создании ситуации духовного пробуждения во всем мире. Оно стремится уничтожить все различия и разделения на расы, нации, касты, веры и религии и построить всемирную семью искателей внутренней трансформации. Шри Раджнеш Ашрам в Пуне, Чидвилас Раджнеш

Медитейшн Центр около Антилопы, Аригон, более трехсот тысяч саньясинов по всему миру и более пятисот медитационных центров в Индии и других странах дают представление об этом движении.

Революционная концепция нео-саньясины, или Бхагаванова идея саньясы, может быть кратко изложена с помощью следующих отрывков из его дискурсов:

> «Моя саньяса жизнеутверждающа, ничего подобного ей никогда не расцветало на земле. Это совершенно новый феномен. Все старые идеи саньясы основывались на бегстве от жизни, на отречении. Моя саньяса не имеет никакого отношения к бегству от жизни. Она против бегства от жизни, потому что для меня Бог и жизнь — синонимы. Раньше эти понятия никогда не объединяли. Бога всегда противопоставляли жизни: вы должны были отбросить жизнь, чтобы достичь Бога. А я говорю вам, что вы должны жить так насыщенно, как можете, так интенсивно, как можете, так страстно, как можете, — если вы хотите полностью познать Бога.
>
> Каждый приходит для того, чтобы стать богом. Таково предназначение каждого. Вы можете отложить это, но не можете разрушить. Посвящая вас в саньясу, я пробую ускорить это. Посвящая вас в саньясу, я убеждаю вас больше это не откладывать. Посвящение и саньясу — не что иное, как помощь вам в том, чтобы вы ни на миг ничего не откладывали.
>
> Это исходит из большого внимания, потому что я вижу Будду внутри. Будда ждет уже слишком долго, а вы не видите этого. Когда я прошу вас стать саньясином, я говорю: „Время пришло. Ныряй“. Попробуйте этот новый путь жизни. Вы жили старым способом — и ничего не происходило или же все, что происходило, было только поверхностным и бесполезным. Попробуйте новый путь.
>
> Острая концепция известной всему миру саньясы была необходима для того, чтобы привить вам строгую дисциплину, придать вам характер, придать вам определенную форму, структуру, стиль жизни. Моя саньяса не похожа на нее — это радикальное изменение. Я не даю вам какой-либо характер, потому что, по-моему, человек с характером — это мертвый человек. Я должен снять с вас все характерное так, чтобы вы остались в творческом хаосе… в каждый момент человек должен соответствовать жизни, а не определенной схеме.

Соответствовать моменту без какой-либо схемы, спонтанно, когда из чувства момента вытекает решение действовать в соответствии с ним — это то, что я называю „творческим хаосом“, бесхарактерным сознанием, настоящим без прошлого, свободой, не подавленной никакой дисциплиной.

Жить таким образом — значит жить жизнью саньясина. Это в высшей степени прекрасно, абсолютно блаженно, но для этого требуется великое мужество, потому что у вас нет проводника, у вас нет специфической формы, вы не можете зависеть от прошлого. Человек должен двигаться от неизвестного к неизвестному. И нет никакой уверенности ни в чем… это чистое приключение.

Старая концепция саньясы была совершенно жизнеотрицающей. Она была абсолютно против жизни, но моя идея, или концепция, абсолютно жизнеутверждающа: ничто не должно быть отброшено — все должно быть трансформировано. Поэтому эта старая саньяса не была святой саньясой: она принимала только часть жизни, она отрицала остальную часть. Она принимала ум и отрицала тело; она принимала любовь, но отрицала секс; она принимала Бога, но отрицала мир. А они едины.

Так, старая саньяса не была святой саньясой, потому что никогда никого не вела к целостной жизни. Она была слишком уж безупречной. Я же совсем не безупречен. Поэтому моя саньяса жизнеутверждающа, отсюда она, скорее, целостна, чем безупречна. Я в высшей степени люблю жизнь. Моя саньяса несовершенна, она не испытывает чувства вины: она не учит вас осуждать что-либо в вас самих или кого-либо другого. Она делает вас более и более сознательными ко всем ограничениям жизни и в то же время помогает вам пережить все препятствия.

Пусть эта саньяса будет великой любовью в жизни самой по себе… и здесь нет другого Бога. Если вы можете найти жизнь, вы должны найти Бога».

Посвящение в саньясу включает в себя: первое — изменение собственного имени, второе — ношение малы (ожерелья из 108 бусинок), имеющей медальон с изображением Бхагавана, и третье — ношение одежды оранжевого цвета. Бхагаван объясняет в деталях значение этих перемен. О новом имени он говорит: «Я

даю вам новое имя только для того, чтобы вы почувствовали, что имена не имеют значения. Ваше старое имя может запросто исчезнуть, потому что оно было всего лишь ярлыком и может быть заменено. У вас нет имени как такового. Имя, данное нам другими людьми, глубоко проникает в наше сознание, и мы отождествляемся с ним», — говорит Бхагаван. Но, благодаря посвящению в саньясу, Бхагаван его разрушает, как и другие отождествления. Он объясняет:

> «Когда вы становитесь саньясином, я хочу разрушить отождествление имени, потому что это начало деструкции всех отождествлений. Сначала я разрушаю отождествление с именем, затем буду поочередно разрушать отождествления с телом, с умом и, наконец, с сердцем. Когда все и эти отождествления будут разрушены, вы сможете узнать, какие вы на самом деле: неотождествленные, безымянные, бесформенные, неопределимые».

Указывая, что каждый цвет имеет собственные психологию и импульс, Бхагаван объясняет свой выбор цвета охры:

> «Причина выбора именно этого цвета состоит в том, что он создает вам ощущение, подобное солнечному восходу утром. Это цвет подъема солнца: поутру лучи солнца охряные… Этот цвет создает атмосферу жизни — нечто живое и вибрирующее…
>
> Этот цвет был выбран ради того, чтобы вы смогли вибрировать в унисон с божественным. Вы должны переживать божественное. Для печали не должно остаться и места. У вас должно быть танцевальное настроение все двадцать четыре часа. Охра — это цвет танца».

Объясняя цвет и значение малы, Бхагаван сначала объясняет ее отличие от креста: «Мала представляет жизнь. Крест представляет смерть. Мала символизирует определенное искусство превращения жизни в гирлянду». Проникая еще глубже в ее значение, он дает это тщательно разработанное объяснение малы и медальона со своей фотографией:

> «Если вы не знаете, что жизнь — это вечность, ваша жизнь будет только кучкой бусинок и горкой цветов, но она не будет гирляндой, не будет малой. Она не будет внутренней гармонией. Бусинки останутся

> разъединенными. Всего лишь хаос — это не космос. Здесь не будет порядка, дисциплины. Но дисциплина должна быть невидимой, подобной нити… Бусинки малы символизируют время как видимость, а нить — вечность, невидимость».

Бхагаван объясняет дальше, что сто восемь бусинок малы символизируют сто восемь методов медитации, «Сто восемь методов медитаций, — говорит он, — являются фундаментом, на котором могут вырасти сотни других». И по поводу своей фотографии в медальоне:

> «…фотография не моя. Свою я бы не решился там помещать… Фотография только кажется моей, но на самом деле это не так. Возможная реальность не является моей фотографией, в тот момент, когда человек понимает самого себя, он понимает и нечто, что не может быть изображено, описано, оформлено. Я существую как пустота, которая не может быть изображена, не может быть сфотографирована. Вот почему я могу поместить свою фотографию».

В интервью Бхагаван сделал следующее пророческое заявление, в связи с посвящением людей в саньясу:

«…Конец нашего столетия решит судьбу дальнейших столетий. Надвигается решающий период: решающий в том смысле, что может стать доминирующей вера в то, что человеческие существа просто машины, природные механизмы. Если эта вера возобладает, будет трудно вернуться опять к живому потоку…

С каждым днем становится все меньше и меньше людей, познавших живой поток, внутреннюю реальность, познавших сознание, Божество.

Это столетие — его последняя часть — все решит. Поэтому я буду посвящать в саньясу всех, кто хоть в какой-то мере готов начать. Если даже из десяти тысяч посвященных достигнет только один, моя работа будет оправдана…»

Как только к Бхагавану начало тянуться больше людей для посвящения в саньясу, появились люди, враждебно относящиеся к нему. Сначала те, что называли себя «прогрессивными» и «интеллектуалами», стали очень недовольны Бхагаваном, ибо не могли принять Бхагавана в качестве гуру, и поэтому они начали избегать его общества. Кстати, Бхагаван приветствовал это, так как он хотел работать только с теми людьми, которые, будучи с ним любили бы его и были бы открыты ему. Он никогда не

интересовался теми, кто приходил к нему только ради удовлетворения своего интеллектуального любопытства или для того, чтобы обрести еще одну опору для своих предрассудков или идеологии. Кроме того, оппозиция исходила из того факта, что с увеличением числа саньясинов вокруг него его начали рассматривать как потенциальную угрозу — это те члены общества, чьи замаскированные интересы Бхагаван выставлял напоказ во время своих бесед и путешествий по стране. Бхагаван объясняет:

«…Они могут терпеть только одинокого Будду, зная, раз он один, так что он может сделать? Им терпеть Кришнамурти легче, чем терпеть меня. Что может сделать Кришнамурти?

Я тоже был одинок, путешествуя по всей стране из одного конца в другой, почти три недели, каждый месяц — на поезде, на самолете, путешествуя непрерывно. И не было проблемы, в тот день, когда я начал саньясу, общество резко заняло оборону. Почему? Потому что создать поле Будды, создать сангхью — означает создать альтернативное общество. Теперь вы не просто одинокая индивидуальность — вы растущая сила, вы можете что-то сослать. Теперь вы можете сделать революцию».

Но, несмотря на негативную реакцию, саньяса Бхагавана продолжала притягивать все больше и больше восхищенных, влюбленных поклонников не только из самой страны, но теперь уже и с Запада. Несмотря на то, что между 1968 и 1970 годами посвящение у него получило только несколько ищущих с Запада, после его переселения в Бомбей все больше людей с Запада стало приезжать к нему. Появились в виде буклетов первые английские переводы его бесед.

С увеличением числа желающих увидеть его понадобилось и больше места. Он переехал в Вудмент Апартамент в декабре 1970 года, а также назначил Ма Йогу Лакшми и Свами Йогу Чинмайю своими секретарями. Лакшми приняла на себя деловую сторону, а Чинмайя, у которого был очень богатый опыт в йоге и медитации, руководил классами.

Начав работать у Бхагавана секретарем и дойдя до поста руководящего попечителя Раджнеш Фаундейшн в Пуне, Лакшми была главной опорой Бхагавана в расширении и росте работы. Она происходит из выдающейся, хорошо известной джайнской семьи в Бомбее. Ее отец был очень удачливым бизнесменом, а также членом Индийской Национальной Партии Конгресса. Он был близок ко многим лидерам Конгресса, включая Ганди, Неру и Патела, и глубоко интересовался индийским движением независимости. Но так как его дети были еще малы, он помогал движению, главным образом оставаясь в тени.

Лакшми тоже проявляет острый интерес к индийской политике, особенно с 1962 по 1965 годы. Она впервые услышала Бхагавана на Всеиндийской Женской Конференции Конгресса, будучи секретарем этой организации. Когда она увидела его, как она потом рассказывала, то с ней произошло нечто необыкновенное: по всему телу прошла дрожь, что-то хрустнуло, а вслед за этим она, не сдержав себя, закричала. Она никогда и ни к кому не переживала такого глубокого чувства любви, она ни к кому раньше не испытывала такого почтения. Позднее она и ее семья лучше познакомились с Бхагаваном. Останься она в политике, она, наверное, была бы теперь министром на уровне штата или даже в центральном правительстве.

В 1969 году в медитационном лагере, устроенном Бхагаваном в прекрасном местечке, называемом Наргоу, у Лакшми было невероятное переживание. Как она рассказывает об этом, в лагере Бхагаван давал лекции вечером, а на следующее утро проводил медитации. По ходу лекции Бхагаван сказал: «Вы не знаете, почему я пришел, но я знаю!» Эти слова ударили по внутренним струнам сердца Лакшми, и она почувствовала еще более глубокую любовь к Бхагавану. Ночью, когда она уже легла в постель, в ее теле внезапно начал вибрировать молчаливый вопрос: «Кто я?» — и, дойдя до невероятно высокой амплитуды, он вырвался в виде неконтролируемого смеха. Ее дядя вышел из соседней комнаты и, видя Лакшми в таком необычном состоянии, очень испугался. Она истерически смеялась. Затем пришел Бхагаван, положил руку на голову Лакшми, и она немедленно затихла. В течение всего следующего дня она была в состоянии блаженства, но ночью опять начался смех. Вопрос «Кто я?» уже не вибрировал, смех же начался снова. Но теперь дядю убедили, что с его племянницей не происходит ничего плохого, хотя Лакшми продолжала смеяться до утра. Несмотря на то, что она оставалась без пищи и воды в течение трех дней, ее энергия не уменьшалась. Весь эпизод запечатлелся в ней, полностью изменив направление ее жизни. С того времени она работает непрерывно под руководством Бхагавана, осуществляя его видение в конкретной форме. Однажды Бхагаван сказал:

> «Всегда помните, что Лакшми ничего не делает сама по себе. Она совершенный проводник. Вот почему она выбрана для этой работы. Делайте все, что она говорит».

После того лагеря Лакшми часто сопровождала Бхагавана в его путешествиях. Но в Бомбее с ней произошла перемена — в то время, когда Бхагаван заканчивал свое пребывание в Джабалпуре. Однажды во время медитации в ее видении появился охряный

цвет. Когда она рассказала об этом своей матери, то объяснила ей, что этот цвет традиционно означает цвет саньясы. Лакшми рассказывала, что с тех пор оно носит одежду только цвета охры — настолько ей понравился этот цвет. Мать сказала ей, что очень хорошо носить одежду цвета охры, но надо помнить: выбрав этот цвет однажды, человек должен теперь всегда носить одежду этого цвета. Лакшми сшила себе новую одежду цвета охры и даже появилась в ней на женской конференции. Это вызвало настоящий переполох среди делегаток конференции.

Когда Бхагаван прибыл из Джабалпура 1 июля 1970 года, друзья собрались встретить его на железнодорожной станции. Пока поезд медленно приближался, Бхагаван стоял в дверях купе, приветствуя людей, собравшихся на платформе. Когда поезд остановился, он заметил в толпе Лакшми, одетую в свою новую одежду. Бхагаван подозвал ее и спросил очень веселым тоном, что означает перемена в ее одежде Лакшми ответила, что она не может объяснить, как или почему произошла эта перемена. Бхагаван сказал, смеясь, но очень ясным и твердым тоном, что она стала его первым учеником, первым саньясином. Он назвал ее Ма Йога Лакшми. Так Лакшми стала первым саньясином Бхагавана, несмотря на то, что официальное посвящение других людей в саньясу началось лишь несколько месяцев спустя в лагере Монали, как это уже описывалось ранее.

После переезда в Вудмент Апатментс Бхагаван посвятил в саньясу несколько иностранцев, и они повезли весть о Бхагаване на Запад. Существует много удивительных историй о том, как приезжали к нему люди с Запада. Но во всех историях есть один общий момент: люди узнавали в Бхагаване живого Будду или Христа. После получения саньясы они возвращались в свои страны, где обычно сталкивались с оппозицией и в то же время продолжали творить оранжевый феномен. Они образовали первую близкую группу западных учеников, и коммунная жизнь начала развиваться.

Бхагаван оставался в Бомбее, и каждый день поток людей с Запада все увеличивался. Постепенно Бхагаван сократил свои публичные контакты, прекратил выступления на открытых митингах и начал говорить только перед небольшими группами в своей резиденции. Он прекратил давать интервью журналистам и перестал выступать перед знатными горожанами или высокопоставленной верхушкой общества. Он путешествовал очень редко. Теперь он приготовился передать свою энергию тем, кто был искренен и мужественен в своем поиске. Он очень ясно выразил свое желание в письмах, написанных в начале 1971 года. Здесь приводится несколько его писем:

1/16/71
Мои любимые,
Любовь к Вам!

В предыдущем рождении я обещал многим друзьям, что, когда истина будет найдена, я сообщу ее им. Я делал так. Поэтому мои путешествия по Индии теперь закончились.

Естественно, у меня также есть и друзья, живущие не в Индии, и с ними я теперь устанавливаю контакты. Несмотря на то, что эти друзья не знают о моем обещании — даже вы не знаете, — важно, что о том, что надо делать, знаю я. С этого момента и далее я буду оставаться в постоянном месте. Это способ, с помощью которого я смогу уделять больше внимания искателям. И таким образом я смогу больше помогать тем, кто нуждается в истине.

1/16/71
Мои любимые,
Любовь к Вам!

Мои путешествия теперь почти завершились. Обещания, которые я сделал другим людям в предыдущем рождении, я выполнил. С этого времени и далее я буду оставаться на одном месте. Те, кто хотят прийти, придут. Они всегда приходят. И, возможно, таким способом я смогу больше помочь тем, кому действительно необходимо. Я завершил огромный объем своей работы. Теперь я буду заниматься более сосредоточенно. Раньше я ходил и звал людей из одного города, из другого — теперь я жду их. Теперь это внутренний приказ, а я никогда не делал ничего, расходящегося с внутренним приказом, не смогу я сделать этого и теперь.

1/16/71
Мои любимые,
Любовь к Вам!

До сих пор колодец добирался до жаждущих (Бхагаван искан учеников), но с этого времени и далее это уже невозможно. Теперь жаждущие будут приходить к колодцу. И возможно, это согласуется с законом. Послание открыто. Теперь каждый, кто хочет найти меня, найдет меня, но даже к тому, кто не хочет искать меня, я буду стучаться в дверь.

2/16/71
Мои любимые,
Любовь к Вам!

Я прекратил внешние путешествия. Но тем, кто искренне звал, я открою двери внутреннего путешествия. Нет, никто не останется в стороне. Я войду в ваше сердце и буду говорить вам. А то, что вы не сможете понять посредством внешнего языка, вы поймете, посредством своей внутренней речи. Я сказал достаточно о тонком посредством грубого. Теперь тонкое должно быть переведено посредством одного тонкого.

В начале 1971 года произошло замечательное событие — мать Бхагавана получила посвящение от него и стала его учеником. Бхагаван дал ей новое имя, Ма Амрит Сарасвати. Те, кто присутствовали при этом событии, могли увидеть сына, касающегося ног своей матери, и мать, склоняющуюся и прикасающуюся к ногам своего сына — теперь уже ее Мастера.

Когда однажды спросили ее, как она чувствует себя, будучи матерью Бхагавана, она ответила:

«…два чувства… что он мой сын и что он Бхагаван. И когда я склоняюсь перед ним, я чувствую, что он Бхагаван, и в то же самое время я ощущаю, что он мой сын: такая теплота здесь. И такое же ощущение молитвы так же здесь… что он Бог».

Как только его путешествия и публичные выступления прекратились, Бхагаван получил возможность видеть больше и больше людей, приезжающих с Запада. Одной из первых приехала из Франкфурта Кристина Вульф, которая теперь известна как Ма Йога Вивек и близкий товарищ Бхагавана. Она и есть та самая подруга Шаши, о которой мы говорили в третьей главе, и которая умерла, когда Бхагавану было семнадцать лет. Бхагаван рассказал об этой тайне в следующих словах:

«Когда я был молодым, у меня била подруга. Затем она умерла. Но на своем смертном ложе она обещала мне, что вернется. И она вернулась. Мою подругу звали Шаши. Она умерла в 1947 году. Она была дочерью доктора Шармы из моей деревни. Он тоже умер. А теперь она пришла — как Вивек — заботиться обо мне…»

Впервые Вивек встретила Бхагавана в медитационном лагере, устроенном у горы Абу в 1971 году. Она пришла в

медитационный лагерь с другом и в первый раз увидела людей, делающих Динамическую Медитацию. Она рассказывает:

> «Я увидела людей, проводящих медитацию, и спряталась в кусты. Два дня я пряталась в кустах! Я не знала, что происходило с этими людьми — все они глубоко дышали, переживали катарсис, кричали „Ху“, прыгали, смеялись, плакали, пронзительно кричали и бегали голым! Я не знала, чем все это было. А затем ко мне подошла очень большая женщина — вы знаете ее, это была Тару, — она сказала: „Ачарья видит, что ты ничего не делаешь!“ А я выпалила „Но я не могу делать это дыхание, мне действительно нравятся дыхательные упражнения, но я не могу делать это дыхание…“ Она сказала: „Ачарья хочет видеть тебя в три тридцать“».

Она описывает свою первую встречу с Бхагаваном:

> «Так я пришла в Круговой Дом, где находился Бхагаван. Я подошла и стала у двери, а Бхагаван сидел на стуле со скрещенными ногами в одной только лангхи и говорил по-индийски. При этом он взглянул на меня, стоящую у двери, и мои колени согнулись, а индус, стоящий позади, поддержал меня. Я поблагодарила его, потому что, должно быть, очень ослабла.
>
> Затем я вошла вовнутрь, и Бхагаван сказал: „Ты боишься медитировать?“ И я посмотрела на него, а затем в сторону окна, на небо. Я не ответила на его вопрос. Я не могла. Я очень хотела, но не могла. Я смотрела на небо несколько минут. Не помню, что происходило, но думаю, что прошло несколько минут, потому что я не могу вспомнить, что произошло в те несколько минут. Потом я вернулась к происходящему, но, как это произошло, не могу понять. Он говорил мне что-то еще, чего я не помню. Все было именно так.
>
> На другой день Бхагаван был опять на том же месте, но что-то произошло в ту ночь. Я не была еще саньясином. После медитации, когда Бхагаван направлялся к машине, он подозвал меня, потому что я как раз стояла рядом с машиной, все толпились вокруг него. Он подозвал меня, обнял за плечо и сказал: „Ты продолжаешь жить со мной“. И это был первый случай, когда он сказал такое. И, сказав это, он положил мне руку на плечо, и я прижалась к его груди. Это было как продолжение чего-то, что я забыла и что, наконец,

вернулось. И в ту ночь я не могла спать. Я только сидела на балконе и знала: „Да, конечно! Д-а-а…“ Затем я стала расслабляться в медитации в лагере».

У Вивек было одно невероятное переживание, когда она непрерывно кричала. Она суммирует свой опыт, полученный в лагере Абу, следующим образом:

> «Тот лагерь был именно взрывом после взрыва и опять взрывом: каждый день что-то происходило. Я не знаю, что происходило, но только позволяла это — все было так прекрасно, я только позволяла этому войти внутрь. А после того особенного переживания, когда я только кричала и кричала, только видела мой ум и мое тело — после медитации сидела только там. Это место было таким холмистым, вокруг горы. Ко мне подошла одна девушка и спросила, что происходит… Это было совершенно не похоже на то, что я читала или чувствовала раньше. Вот так я начала. Затем я вернулась в Бомбей и приняла саньясу».

На вопрос о том, вспомнила ли она что-нибудь о прежней жизни с Бхагаваном, Вивек ответила:

> «Нет, ничего о жизни с Бхагаваном. Через несколько дней после того, как я приняла саньясу, он читал в своей спальне лекцию по-английски. Там было, может быть, человек тридцать… там было так много людей, и каждый из них говорил, говорил. Я только сидела на кровати. Нечто пришло в виде щелчка! Это пришло со звуком „шауб, шууш“ — и я внезапно пришла внутрь… А затем у меня был опыт прошлой жизни: это не было связано с Бхагаваном, это была одна из моих прошлых жизней. До этого я ничего не знала о прошлых жизнях.
>
> Я ничего не знала о прошлых жизнях, о воплощениях или о чем-либо подобном! Я знала христианский путь — у нас есть одна жизнь, только ваша жизнь и т. д.».

По поводу связи с Бхагаваном в своей прошлой жизни Вивек пересказала следующую беседу между нею и Бхагаваном:

> «Одной из первых вещей, которую Бхагаван сказал мне после саньясы, был вопрос: „Ты помнишь меня? Ты помнишь что-либо обо мне?“ И когда он сказал это, опять я почувствовала щелчок. Это приходит подобно

щелчку! Буквально все получается вывернутым изнутри наружу. И слова вышли из моего рта: „Я помню, что ты был тем человеком, которого я любила когда-то очень сильно“. Я не вспомнила затем точно, кем я была. То, что пришло, относилось к тому, что он был кем-то, кого я любила очень сильно, и мне нужно было только сказать это в тот раз! Я была откровенна.

Он спросил у меня опять, помню ли я что-нибудь. У меня не было ясности. Но в ту ночь, когда я лежала в постели, воспоминание моей смерти нахлынуло на меня, я вспомнили наш дом и моего отца. Моя мать оставила нас, я плохо ее помню! Она убежала в Пакистан с другим мужчиной. Она уехала с другим мужчиной, она любила его. У меня нет уверенности, когда она уехала в Пакистан, — до или после моей смерти. Я думаю, что после того, как я умерла. Затем пришло ощущение моей смерти. Люди были во дворе дома, сидели на веранде, в саду. Но Бхагаван был в комнате, и я была с ним.

Как раз перед смертью я взяла с него обещание, что он вызовет меня назад, что где бы я ни была, он вернет меня обратно, и я взяла с него обещание, что он никогда не женится! Это последнее я не помню. Это он рассказал мне!»

Когда ее спросили: «Он выполнил свое обещание?» — Вивек ответила со слезами и с радостью, улыбаясь:

«Да».

Вивек очень точно рассказывала о событиях и местах ее прошлой жизни в Гадарваре:

«Я помню, что дом, где мы жили, был рядом с храмом, в котором Бхагаван медитировал каждый день. Я видела его там — он входил в храм, а я наблюдала за ним из сада или подсматривала из окна. У меня была привычка наблюдать за ним! Он говорит, что я всегда следовала за ним в храм и раздражала его!»

Вопрос. «И соблазняла его?»

«Я не соблазняла его, я просто раздражала его. А храм находился прямо на вершине скалы. И прямо под ним течет река».

Вопрос:
«Где это было?»

> «В Гадарваре, где родился Бхагаван. Это та река, о которой Бхагаван часто рассказывает в своих лекциях, в которой он часто плавал. Несколько раз я плавала вместе с ним. Но обычно он хотел быть наедине с самим собой. И тогда я вела себя, как сорванец, и Бхагаван рассказывает, что он просил одного своего друга: „Так, чтобы Шаши не смогла прийти и побеспокоить меня!“ А я обычно приносила ему пищу — чапатти и дхал».

Вопрос. «К храму?»

> «Да. Так, чтобы после медитации он смог поесть».

Это еще не конец истории Вивек, дальше она рассказала, как и когда стала жить с Бхагаваном.

> «Он сказал это у горы Абу и потом говорил это много, много раз: „Ты будешь жить со мной“. А я только спрашивала: „Когда, когда, когда?“ А он говорил: „Время еще не пришло“. А затем однажды сказал: „Теперь ты можешь прийти“. Я сказала: „Сейчас?“ Он сказал: „Да!“ Все было примерно так. Но вначале я не поверила ему, потому что ждала два года».

Вопрос:
«Так долго?»

> «Да. Вначале я жила не здесь, и смотреть за ним и ухаживать, вы знаете, делать все для него я начала после 1973 года. Мы переехали в Пуну в 1974 году, так что это должно было быть в 1973 году, когда я стала полностью смотреть за ним и переехала к нему».

Когда ее спрашивали, вся ли ее работа после переезда к Бхагавану заключалось в том, чтобы ухаживать за ним, Вивек ответила:

> «Да, да, смотреть за его телом. Таким образом, я могла видеть все необходимое, подолгу наблюдая за ним. В других случаях нет необходимости много наблюдать за ним, вы просто должны плыть вместе с ним. Я поняла, что было намного лучше не расстраивать саму себя его болезнями, как я делала раньше. Раньше я

обычно впадала в депрессию, когда он заболевал, но теперь я научилась принимать то, что происходит с его телом, и в то же самое время делать наилучшее из всего, что возможно. Его телу реально помогает, если я не расстраиваюсь по поводу его болезней. Так, теперь я вижу ситуацию и делаю все, что только могу, чтобы помочь ему. Когда он заболевает, вы не можете сказать: „Хорошо, ну теперь что он может сделать? Дайте ему лекарства“. Вы должны смотреть на то, что с ним происходит, смотреть на его глаза, смотреть на его лицо. А затем вы разберетесь в своем видении: „Хорошо, возможно, это будет происходить“. Но вы не сможете сказать что, потому что у него есть эта вещь, а доктора говорят, что вы должны дать ему то, что вы только даете ему то. Поэтому вы должны чувствовать».

А на вопрос «Как она себя чувствует, находясь так близко к его энергии?» — Вивек ответила:

«Самая прекрасная вещь, которая даже теперь, когда я наблюдаю это каждый день, становится все более и более прекрасной — это видеть Бхагавана спящим. Когда он идет спать после полудня, я иду за ним, поэтому, когда я вхожу, он уже спит. Если мне повезет — его лицо будет обращено ко мне… это для меня целый мир в миниатюре — быть с ним. Это похоже на то, что он здесь и не здесь: он похож на новорожденного, подобен ребенку и в то же самое время он похож на мудрого старого человека, который прожил годы и годы и прошел через множество испытаний, огонь и воду, — он одновременно и завершен, и абсолютно не затронут. Он подобен новорожденному ребенку, и он подобен очень древнему старому человеку. Это похоже каким-то образом… на пустоту и, в то же время, на полноту».

Санскритское имя «Вивек» означает «осознание», «сознание», и поэтому она постоянно осознает, что она должна смотреть за Бхагаваном. Бхагаван объяснил, как он дал ей это имя и что оно означает. В интервью, данном в день, когда Вивек приняла саньясу — 16 апреля 1972 года, Бхагаван говорил:

«Она пришла ко мне вчера утром. Я спросил ее по поводу саньясы. Она была смущена. Она попросила время, чтобы подумать и решить — меньше двух дней. Я сказал ей: „Кто знает об этих двух днях? Ты требуешь так

много!“ Я настаивал: „Прими это сегодня, сейчас“. Но она была нерешительна, поэтому я дал ей два дня. На следующее утро она пришла ко мне и приняла саньясу, она колебалась не два дня, а один. Я спросил ее: „Почему? У тебя было два дня, почему ты пришла так быстро?“ Она сказала: „…в три часа ночи я была неожиданно разбужена, и глубоко во мне возникло нечто, говоря мне: Иди, прими саньясу“. Здесь нет решения, которое она должна была выбрать, решение произошло глубоко в ее уме. В тот момент, когда она вошла в комнату, я понял ее: тот ум, благодаря которому она пришла к пониманию двадцать часов спустя. Поэтому, когда я говорю: „Примите саньясу“ — существует множество причин этому для каждой личности, к которой я обращаюсь. Либо человек был саньясином в своей прошлой жизни, либо челочек был саньясином в каком-либо длительном путешествии.

Вчера я дал ей другое имя, но сегодня изменил его, потому что я давал ей то имя, учитывая ее нерешительность. Теперь я даю ей другое имя, которое поможет ей. Но когда она пришли этим утром — она сама решила, и то имя было совсем ни к чему. И я дал ей имя Ма Йога Вивек, потому что решение пришло через ее вивек — ее сознание, ее осознание.

Вивек так близка ко мне, что она постоянно находится на кресте. Она и должна быть со мной, хотя это и трудно. Быть близко ко мне очень трудно. Большинство из вас близки ко мне, большинство из вас ответственны. Большинство из вас близки ко мне, большинство из вас должны трансформировать себя. Большинство из вас чувствуют свою никчемность, большинство из вас начинает чувствовать, как стать более достойными людьми — а цель почти невозможна. Я продолжаю создавать много ситуаций. Я должен создавать их, потому что только через трение произойдет объединение. Только посредством тяжелых и тяжелых ситуаций человек растет. Рост не может быть мягким, рост — мучителен.

Вы спрашиваете меня: „Что вы делаете с Вивек?“

„Это крест — быть со мной, и очень тяжелая задача“».

Когда Бхагаван сократил количество путешествий, выступлений и других внешних дел, его жизнь и работа стали

принимать совершенно новую форму. В мае 1971 года, как рассказывает Свами Йога Чинмайя, когда Бхагаван сообщил ему, что, поскольку работа должна еще больше углубиться, ей необходимо придать новое направление. До этого момента Бхагаван был известен как «Ачарья», что означает «учитель». Он попросил Чинмайю подыскать новое имя для него. Чинмайя подобрал несколько имен, из которых выбрал «Бхагаван», что дословно переводится как «Бог». Это символическое имя, но в то же время оно обозначает качества, связанные с сердцем, любовью и поклонением. Оно символизирует работу, исходящую от сердца, работу, которая с этого времени и далее должна происходить все более и более в ореоле любви, в гармонии с духом Бхакти, Суфизма, Тантры. Новое направление, которое Бхагаван захотел показать, было этим направлением сердца и любви. Он делает акцент не столько на интеллект, сколько на обращение большого числа людей. Учитель (Ачарья) достаточно долго обращался посредством головы — теперь он захотел заменить это сердечным обращением с теми, кто любил его. С тех пор Ачарья Раджнеш стал известен как Бхагаван Шри Раджнеш. Бхагаван объясняет событие и значение изменения своего имени следующим образом:

> «Как-то однажды днем, несколько лет назад, я вызвал Йогу Чинмайю и попросил его подыскать новое название для меня, потому что я должен был действовать новым способом. Я был известен по всей стране как Ачарья. Ачарья означает мастер, учитель и был учителем, я учил и путешествовал. Но это была только вводная часть моей работы: надо было собрать людей.
>
> Однажды мое обращение достигло цели, и я прекратил путешествовать. Теперь те, кто хочет прийти ко мне — должны прийти. Я приходил к ним домой, стучал в их двери. Я говорил им, что я здесь. И в любой день, когда такое желание пробудится у них, они смогут прийти. Я буду ждать. Я показал им дорогу ко мне, а затем однажды я вызвал Йогу Чинмайю ко мне и сказал ему: „Теперь найди новое название для меня, потому что слова „учитель“ уже недостаточно“.
>
> Он подобрал много имен для новой работы, которую я должен был начать… я сказал: „Подбери что-нибудь универсальное, найди что-нибудь безотносительное“. И тогда он нашел „Бхагаван“».

Бхагавану понравилось новое слово. Указывая на его символическое значение, показывая новое направление своей

работы и результаты принятия нового имени, Бхагаван продолжает:

> «Я люблю это понятие. Я говорю: „Это будет действовать. В течение нескольких лет это будет действовать; затем мы сможем отбросить его“.
>
> Я выбрал его для специфической цели, и оно хорошо ей служит, потому что люди, привыкшие ходить ко мне за получением знания, остановились. В тот день, когда я назвал себя Бхагаваном, они остановились. Для них это было чересчур, для их эго было слишком, чтобы кто-нибудь назвал себя Бхагаваном. Это причиняет боль эго.
>
> Они остановились. Они приходили ко мне, чтобы собирать знания, я же теперь совершенно изменил свою функцию. Я начал работать на другом уровне, в другом измерении. Теперь я даю вам бытие, а не знание. Теперь я больше не учитель, а вы не студенты.
>
> Я здесь для того, чтобы создать бытие. Я здесь для того, чтобы пробудить вас. Я не для того, чтобы дать вам знание, я продолжаю делать вас знающими — но это совершенно другое измерение.
>
> Само название „Бхагаван“ было просто символично — это означало, что я должен выбрать другое направление в работе. И это было очень полезно. Все лживые люди автоматически исчезли, а люди совершенно другого качества начали прибывать.
>
> Это имя поработало очень хорошо. Выбор Чинмайи был очень хорош. Оно отсортировало только тех, кто готов остаться и раствориться со мной. Все остальные убежали. Раньше они создавали плотный слой вокруг меня. Другими словами, они толпились так много вокруг меня, что настоящим искателям было очень трудно приблизиться ко мне. Толпы исчезли. Слово „Бхагаван“ подействовало подобно атомному взрыву. Я счастлив, что выбрал его».

С того дня, как он принял это имя, его продолжают спрашивать, почему он называет себя Богом. Что это означает? И Бхагаван отвечает на эти вопросы тщательно и подробно. Его ответы на такие вопросы передают его основное послание о том, что любой является потенциальным божеством, каждый есть потенциальный Будда. Далее следует его ответ на вопросы, почему он называет себя Бхагаваном и почему он себя называет Богом?

«Потому что я есть и потому что вы есть. И потому что только Бог есть. Не существует выбора, быть Богом или не быть, выбор состоит в том, узнаете вы это или нет. Вы можете выбрать не узнавать это, но вы не можете выбрать не быть.

Когда вы называете эту жизнь Богом, вы привносите поэзию в нее. Вы привносите видение, вы открываете двери. Вы говорите: „Самое большое возможно“. Вы говорите: „Мы не являемся концом“. Наивысшие царства возможностей пробуждаются в вашем видении. Вы начинаете мечтать; в тот момент, когда вы говорите, что это существование божественно, мечты начинают осуществляться. Тогда вы можете жить жизнью, состоящей из приключений. Бог — это величайшее приключение, величайшее паломничество.

Существуют только два способа дать название жизни. Один является способом реалиста — он называет это материей. Другой — это способ поэта, мечтателя он называет это Богом.

Я не стыжусь быть поэтом. Я не реалист. Я называю себя Богом. Я называю вас Богом. Я называю камни Богом, называю деревья Богом и облака Богом… с Богом вы можете расти, с Богом вы можете качаться на громадных приливных волнах: вы сможете идти на другой берег. Бог — это именно отблеск вашей судьбы. Вы персонально даете ему возможность существовать в виде вашей личности.

Тогда между вами и деревом нет пустоты. Тогда между вами и вашим любимым нет пустоты — Бог связывает все. Он окружает вас, он есть ваше окружение, он внутри и он вовне.

Когда я называю себя Богом — это значит, я побуждаю вас изменить себя. Я зову себя Богом просто для того, чтобы вы также смогли собрать все свое мужество, чтобы признать это. Если вы сможете это признать во мне, вы тем самым сделаете первый шаг в признании этого в себе.

Будет очень трудно для вас признать это в себе. Потому что вас всегда учили осуждать себя. Вас всегда учили, что вы грешник. Здесь я отбрасываю всю эту чушь прочь. Мое убеждение состоит в том, что есть только одна вещь, которой вам не хватает, — мужества признать, кто вы есть.

Благодаря называнию себя Богом я не принижаю

Бога, я поднимаю вас вверх. Я готовлю вас для высшего путешествия. Я просто открываю дверь к пикам Гималаев.

Однажды вы начнете понимать, что вы тоже Божество, после этого вы почувствуете облегчение. Затем может быть много ошибок, но не будет больше грехов. Вы не грешник. Вы, может быть, ошиблись, вы, может быть, странствовали запутанными путями, но вы не грешник. Что бы вы ни делали, вы не можете потерять вашу доброту — это ваша природа.

Индийское понятие для Бога, Бхагаван, даже лучше, чем Бог. Это слово очень значительно. Это означает „благословенный единый“ — человек, которому достаточно повезло и который смог признать свое собственное бытие. Это никак не относится к христианству. Когда вы говорите „Бог“, то кажется, будто я создал целый мир. Я отрицаю всякую ответственность! Я не создавал этот мир. Я не такой дурак. Христианская идея Бога состоит в том, что он создал мир. Бхагаван совершенно отличен, это совсем не относится к созданию мира. Это просто относится к человеку, который осознал себя Божеством. В этом признании есть благословение. В этом признании есть освящение. Он стал благословенным единым.

Я называю себя Бхагаваном, потому что я уважаю себя. Я выполняю то, что согласуется с тем, каков я есть. Я благословенный единый. У меня нет неудовлетворенности, когда каждый момент вашей жизни является исполнением… когда вы ничего не хотите от будущего, ваше настоящее является таким полным, переполняющим… когда нет никаких страстных желаний.

Вот почему мы называем Будду Бхагаваном. Он отрицал Бога в своей космологии. Он говорит, что нет Бога, нет Творца. Христиан очень озадачивает, когда Будда говорит, что нет Бога, нет Творца. Тогда почему буддисты называют его Бхагаваном?

Наше значение Бхагавана совершенно отлично. Назовем его Будда Бхагаван, потому что у него нет больше желаний. Он завершен. Он счастлив и находится у себя дома. Он пришел домой — это его блаженство. Теперь нет конфликта между ним и существованием. Он попал в аккорд, в гармонию. Теперь он и целое не отделены друг от друга. Они одинаково вибрируют. Он

стал частью оркестра целого. Благодаря тому, что он стал частью этого великого оркестра звезд, и деревьев, и цветов, и ветров, и облаков, и морей, и песков, он стал благословенным — мы зовем его Бхагаваном.

Когда я называю себя Бхагаваном, я просто говорю вам: „Посмотрите на меня — розы расцвели. А то, что произошло со мной, может произойти с вами. Так что не отчаивайтесь и не унывайте. Посмотрите, но меня, и ваша надежда вернется, и у вас больше не будет чувства безнадежности“.

„Само название „Бхагаван“ — это только схема. Я могу отбросить ее в любой день. В тот момент, когда это начало работать, я увидел, что возникла цепь. В тот момент, когда я увижу, что теперь оно больше не нужно… несколько человек станут пламенем: они сами по себе будут достаточным доказательством. Тогда не будет нужды называть себя Бхагаваном. Они будут достаточным доказательством. Если несколько моих саньясинов начнут расцветать, я отброшу само название Бхагаван. Тогда задуманное сработает“».

Во время своего пребывания в Бомбее Бхагаван становился все более и более доступным для отдельных искателей, для саньясинов и продолжал укреплять контакт с западными искателями. Бхагаван объяснил, как и почему он прекратил публичные выступления и сосредоточился на индивидуальностях.

«Говорить ученикам — это совсем другая материя. Беседы, обращенные к множеству людей слова совсем не похожи на это. Вот почему я прекратил беседовать с толпами, я решил создать специальный класс из моих собственных саньясинов, с которыми я мог бы обращаться сердцем.

Вначале я обращался к массам. Это был совершенно другой вид работы: я искал учеников. Обращаясь к массам, я использовал их язык, обращение к массам было обращением к основному классу. Вы не можете идти слишком далеко, вы должны беседовать поверхностно. Вы должны уметь видеть тех, с кем вы беседуете.

Затем медленно, постепенно некоторые люди начали превращаться из студентов в учеников. Тогда моя цель изменилась. После этого стало возможным общаться на высших уровнях. Теперь ученики стали превращаться в саньясинов. Они постепенно становились совершеннее,

они начали вживаться в меня, в мою судьбу. Моя жизнь стала их стилем, мое бытие стало их бытием».

Таким образом, в течение своих путешествий он полностью разыскал всех тех, кто должен был стать частью его семьи в последующие годы. С помощью своих медитационных техник он стал способен собрать большое количество мужественных исследователей, которые разделяли его видение и были полны страстного желания исследовать новый мир, который для них только едва мерцал. Послание было обнародовано. Путь был показан, отдаленный призыв к пробуждению прозвучал. Теперь наступило время сидеть и наблюдать, как растет поток и как он превращается в реку.

Когда он стал привлекать все больше и больше людей с Запада, стало ясно, что он распространяет свое внимание и сострадание на более широкий диапазон — как если бы он раскрыл громадные ворота, через которые мог бы пройти целый мир. Или, как будто он сам стал воротами, пройдя через которые человек мог обнаружить много улиц, открытых для продолжения его собственного поиска. Бхагаван полностью понимал искателей, приходящих к нему — природу, качество и глубину этих искателей. Он посвящал их в свои дальнейшие эксперименты, интересовался деталями их быта и заботился о внесении трансформации в жизни этих искателей.

Годы, проведенные им в Бомбее с 1 июля 1970 года по 20 марта 1974 года, были годами личных интенсивных встреч с отдельными искателями. Он встречался с каждой индивидуальностью прямо, интимно, лицом к лицу. В течение этих дней человек получал возможность видеть его почти в любое время дня. Он показал, что начал работать с этими первыми учениками как бы распространяя свои корни, как будто его корни, распростершись по земле, несут по всему миру движение духовного пробуждения.

Из первых нескольких сотен западных искателей, которые вступили в соприкосновение с Бхагаваном, почти пятьдесят процентов стали его соратниками на всю жизнь. Большинство из них приезжали в Индию, как гости. Они прибывали на короткий период. Оставались с Бхагаваном, а затем возвращались назад на Запад, чтобы разобраться со своими личными проблемами и подготовить себя к выполнению определенной части работы Бхагавана. Они служили медиумами, посредством которых он путешествовал по всему миру — они были подобны божественной инфекции, которая распространяет духовное послание Бхагавана. Сотни людей, вступившие в контакт с этими первопосвященными,

рано или поздно приходили к решению быть с Бхагаваном, вовлечься в его сферу и стать частью его расширяющейся «семьи».

Эти ранние ученики проявляли те же самые качества, что и Бхагаван, когда он был молод: они были очень мужественными, мятежными, талантливыми и имели высокий потенциал для создания готового религиозного сознания. Искатели с Запада, которые первыми открыли счет ученикам Бхагавана, пока тот был в Бомбее, и те тысячи, которых он вывел на путь, будучи в Пупе, прибывали из различных культурных и семейных окружений, обладали различными религиозными и духовными представлениями, но одно было общим для них: их психика была зрелой и готовой воспринять бхагаванскую энергию и руководство. С другой стороны, Бхагаван также начал разворачивать свою творческую энергию и проявлять ее в различных изобретениях и методах, подходах и экспериментах, которые должны были стать инструментами для внесения трансформации в жизни искателей.

В одном из ранних экспериментов Бхагавана его западные ученики должны были пройти тест на сдачу, и для этого он отправил их жить в сельскохозяйственную коммуну недалеко от Бомбея. Свами Ананд Видраг, который прибыл из Южной Африки в 1973 году, был назначен лидером этой группы, первоначально состоявшей из тридцати пяти саньясинов — мужчин и женщин. Место находилось в центре штата Махараштра в Западной Индии (в этом же штате находится город Пуна). Это было очень примитивное деревенское жилище. До ближайшей деревни от фермы было полмили, до ближайшего города, Сарли, около шести миль.

Ферма, расположенная около реки Ванганга, была специально приспособлена для их экспериментальных работ ее владелицей Ма Ананд Майей. Она саньясинка и была признана Бхагаваном своей матерью в прошлой жизни. Коммуна была названа Кайлаш.

Коммуна и ее окружение были настоящей проверкой для этих людей, привыкших к независимой, богатой жизни. Они жили на открытом поле в маленьких хижинах и должны были жить так, несмотря на то, что прибыли из разных стран и прежде были незнакомы друг с другом. Эта коммуна была средством, с помощью которого возникала ситуация для обучения учеников сдаваться.

Эта сдача совершенно отличается от западного понимания сдачи. Она не означает покорность тирану или врагу вследствие слабости или отказ от своей свободы, тела, ума, или подчинение себя капризу лидера, такого, как Джим Джонс. В духовном смысле

это существование, подвергающее испытанию степень способности ученика погружать или сдавать эго или эго-достижение людям и обусловленностям с полным осознанием на пути в направлении переживания тотальной свободы и радости.

Сдача в этом смысле — это не отбрасывание или снятие своей ответственности, скорее это отказ от своих старых предрассудков и ценностей и следование новому приключению благодаря сдаче видению жизни, данному просветленным Мастером, который имеет трансцендированное эго и стал единым со вселенной. Это происходит только посредством этого вида сдачи, потому что в коммуне не просто какая-то работа, а состоящая в позволении чему-то происходить посредством вас. Работа приобретает эстетическое качество и климат, создаваемый каждым, чтобы создавать гармонию с другими.

Сперва все было хаотическим — не было необходимого оборудования или доступных материалов, ни один в коммуне не знал местного языка, а кроме того, не было никаких ясных указаний или приказов от Бхагавана. Он захотел, чтобы Свами Видраг придумывал сам то, что необходимо было сделать. «Это было жутко», — признается Свами.

Работа была тяжелой. Она включала работу на полях, производство кирпичей, садоводство, покупку необходимых запасов в городе. День начинался в четыре утра с динамической медитации, затем следовала чистка жилищ и завтрак. Утренняя домашняя работа продолжалась до десяти часов. Температура иногда достигала пятидесяти градусов, так что днем саньясины должны были охлаждать свои тела в воде. В четыре часа они заканчивали работу, а в семь вечера прекращали ее совсем. После ужина был либо суфийский танец, либо Медитация Кружение. В девять они шли спать.

Свами Видраг так рассказывает об этом: «Было похоже на стиль Гурджиева — там не было ничего, кроме работы, не было необходимости думать, работа была главной вещью. Гурджиевская „работа“ была главным фактором, который направлял или влиял на коммуну». Комментируя ситуацию, Видраг продолжает: «Это было жестко. Люди болезненно реагировали на эти условия, но они также учились, как жить в коммуне в любви и принятии. Те, которые не могли принять этого, уходили».

Весь эксперимент был определенным прототипом того, что было развернуто потом в Пуне. Общинная жизнь продолжалась десять месяцев — по август 1974 года. Когда Бхагаван переехал в Пуну, члены коммуны стали покидать Кайлаш и собираться вокруг Мастера в Пуне.

Если западные саньясины были посланы в коммуны, подобные Кайлашу и Самарпану, то индийские саньясины были посланы маленькими группами в различные города и деревни. Каждая из этих маленьких групп называлась Киртан Мандали. Саньясины пели божественные гимны и песни, проводили медитации, слушали магнитофонные записи с беседами Бхагавана на хинди. Для этих саньясинов эксперимент был тем же — как сдаться, как жить в любви и принятии при неблагоприятных условиях, несемейном или в чуждом по духу окружении. Эти группы также существовали до тех пор, пока Бхагаван не переехал в Пуну.

Начали сказываться интенсивные путешествия прошлых лет и плохое, нерегулярное питание. У Бхагавана появились признаки ослабления здоровья, особенно усилились его диабет и астма, кроме того, стало ясно, что необходимо большое и постоянное место для работы. Лакшми была послана за тем, чтобы подыскать подходящее место для большого ашрама. Наконец она выбрала Пуну, в восьмидесяти милях восточнее Бомбея, расположенную среди высоких гор и хорошо известную своим прекрасным климатом, историческим значением, ортодоксальной общиной и своими связями с просветленными существами, где совсем недавно жил Мехер Баба. Друзья Бхагавана основали общественный трест, Раджнеш Фаундейшн, который разместился на площади около шести акров с чудесным видом в предместье города Пуны.

Ровно двадцать один год спустя после своего просветления Бхагаван прибыл в Пуну 21 марта 1974 года с семью учениками, чтобы начать новую Фазу в своей работе. Празднование годовщины просветления Бхагавана и его прибытие имело место в 17 Корегаон Парк Пуне. Место было названо Раджнеш Ашрам.

Шри Раджнеш Ашрам Пуна: место слияния

Перед переездом в Пуну в марте 1974 года Бхагаван объявил, что он вступил в новую «фазу». Он объяснил, что огонь раджас-гуны и его взрывная сила подошли к концу и началось качество саттвы.

> «Теперь этот огонь погашен. Теперь точно так же, как солнце убирает свои лучи вечером, как рыбак убирает свою сеть, так и я медленно ухожу. Но неправильно сказать, что я хочу уйти. Уход будет происходить автоматически, потому что началась третья фаза, связанная с саттва-гуной. Поэтому вы сможете наблюдать постепенный уход от активности».

Но казалось, что перемена климата еще больше ухудшила его хрупкое здоровье, его тело страдало от острой астмы, и он стал очень чувствителен к аллергенам. Несмотря на слабое состояние своего здоровья, он продолжал проводить даршаны на лужайке по утрам. Он беседовал только с теми учениками, которые либо приезжали, либо уезжали. Встречи были неофициальными, и Бхагаван иногда вспоминает о своих учениках:

> «…Когда вы около меня на лужайке, будьте искренними и правдивыми. Не задавайте интеллектуальных вопросов, они бесполезны. Не задавайте каких-либо метафизических вопросов. Они не истинны, они не относятся к вам. Выкиньте всю эту вашу чепуху. И не пытайтесь манипулировать этим. Не пробуйте это рационализировать и отполировывать. Пусть это будет сырым насколько возможно, потому что перед Мастером вы должны быть обнажены: вы не должны одевать никаких одежд и вы не должны скрывать себя».

В течение апреля 1974 года Бхагаван дал восемь дискурсов, посвященных Бхагавад-Гите на хинди, несмотря на свою болезнь. Когда эта серия была закончена, Бхагаван погрузился в почти полное молчание. Казалось, что перестал интересоваться дальнейшими дискурсами. Он также проявлял неудовольствие выбранным в Пуне местом и удивлял каждого тем, что просил подыскать другое место, поближе к Бомбею. Его план состоял в том, чтобы ашрам в Пуне продолжал оставаться медитационным

центром со всеми благоприятными условиями, а сам Бхагаван находился бы в другом месте.

Тем временем медитации начались в месте, называемом Императорские Сады, которое находилось в трех милях от ашрама. Это место было очень удобно для двух главных групповых медитаций: Динамической Медитации в шесть утра и Медитации Кружения вечером.

Ко всеобщему удовольствию, Бхагаван начал медленно поправляться. Он часто прогуливался в саду и, казалось, наслаждался окружением. 30 апреля было объявлено, что Бхагаван останется в Пуне, и переговоры были продолжены дальше с целью купить собственность, примыкающую к ашраму. Новая энергия, радость и ощущение нового направления носились в воздухе.

Уход Бхагавана, однако, продолжался, и после июля 1974 года он прекратил личное руководство медитациями: вместо этого было куплено кресло и помещено в подиуме — это указывало на начало новой фазы его работы. Мастер присутствовал, но теперь ученики ощущали его на более тонком уровне. Он объяснил:

> «Однажды этот физический проводник будет отброшен. Прежде чем это произойдет, вы должны быть готовы работать без меня. А затем, даже если меня не будет здесь телесно, контакт не будет потерян».

Типичный день саньясинов в ашраме начинался с Динамической Медитации в шесть утра; медитация продолжалась один час. После медитации саньясины собирались слушать дискурс Бхагавана. Бхагаван прибывал в аудиторию имени Джуан Цзы, которая была частью его резиденции, известной как дом Лао Цзы, в восемь часов. Дискурсы чередовались: один месяц на английском, другой месяц на хинди. Новая серия начиналась одиннадцатого числа и заканчивалась десятого следующего месяца. После дискурсов саньясины завтракали и с десяти тридцати приступали к работе по ашраму, причем работа занимала не менее шести часов в день. С одиннадцатого числа каждого месяца устраивался десятидневный медитационный лагерь, который включал пять ежедневных групповых медитаций. Прибывшие саньясины и нео-саньясины, которые приезжали со всего мира, принимали участие в работе медитационного лагеря.

Поток людей, прибывающих в ашрам, увеличивался, особенно людей с Запада. Некоторые западники, которые вступили в контакт с Бхагаваном в начале 70-х годов, были хорошо известными групповыми терапевтическими лидерами: теперь они

устроились с Бхагаваном в Пуне. Эти терапевты отказались от всех богатых наград и престижа, которым они пользовались в Европе и Америке, потому что обнаружили в Бхагаване то, чего не доставало им — качества медитативности. Они приезжали учиться у него, как быть медитативными. Они нашли, что он является духовным Мастером, который полностью понимает концепцию целостной психологии, который в свою очередь использовал ее как средство внесения в индивидуальность высших уровней медитативности.

Некоторыми из этих известных терапевтов были Свами Ананда Тирта, прежде Поль Лоу, — основатель первого в Европе и самого большого центра роста «Куаезитор»; Свами Ананд Сомендра, прежде Мишель Барнет, — автор хорошо известной книги «Люди не для психиатрии»; Свами Прем Сидха, прежде Леонард Цунин — калифорнийский психолог и член Американского Общества Психиатрии и Невралгии.

Группы столкновения и праймел-терапии начались в апреле 1975 года. Бхагаван объяснил необходимость в терапии очень детально. Терапия необходима, — объясняет Бхагаван, — потому что люди забыли, что значит быть религиозными. Терапия было не нужна во время Будды: люди естественно знали, как быть религиозными. Терапия — это сегодняшняя необходимость. И, учитывая эту необходимость, Бхагаван считает необходимым для своих саньясинов пройти через эту терапию. «В моей коммуне я сделал это необходимым, — говорит он, — и каждый должен пройти через терапию. Она поможет вам выбросить ту внутреннюю требуху, что вы подавляли внутри себя. Она очистит вас, а молитва возможна только в чистом, ясном сердце. Когда же пробуждается молитва, происходит чудо».

Некоторые из групп в ашраме были специально предназначены для поощрения взрыва подавленных чувств и эмоций, таких как злость, страх, зависть, жадность и т. д. В этом и состоит первая стадия процесса, в снятии эмоциональных блоков и позволении энергии течь беспрепятственно. После этой стадии человек может пройти в более продвинутые группы, чтобы помочь своей энергии проникнуть через все аспекты своего существа: физический, эмоциональный, ментальный и трансцендентный. В сущности, терапевтический процесс для саньясинов Бхагавана является первым шагом к трансформации. Это не конец, это начало поиска абсолютной свободы.

В группы ашрама были включены почти все главные ответвления целостной психологии: энкаунтер, праймел-терапия, Рейхеанская терапия, Гештальт, биоэнергетика, рольфинг, массаж и много других техник, единственных в своем роде, — все были

предназначены для работы в ашраме. Участники этих групп собирались почти со всего мира и имели самую разнообразную профессиональную подготовленность. Приблизительно двадцать пять тысяч, приезжавших ежегодно, представляли собой докторов, юристов, художников, журналистов, бизнесменов, психологов, священников и других, искавших лично трансформации с помощью группового процесса ашрама.

Основное отличие между группами, которые работают на Западе, и теми, которые устраиваются в ашраме, состоит в присутствии Раджнеша. Свами Ананд Раджен, прежде Алан Лоуен, который отказался от аспирантской исследовательской работы в области психологии в Оксфордском Университете, размышляет об уникальном характере групп этого ашрама:

> «Хорошие терапевты всегда осторожно относятся к тому, кто понимает человеческую психику лучше, чем они. В этом смысле просветленный Мастер, подобный Бхагавану, является абсолютным терапевтом. Благодаря тому, что я стал саньясином и практиковал терапию под его руководством, я позволил ему взять меня по ту сторону ограничений моего предыдущего понимания».

Терапевт знает, как работает ум, но Мастер идет дальше — по ту сторону ума — и прикасается к глубочайшей сердцевине человеческого существа, отсюда: Мастер — это даже не «абсолютный терапевт»; а нечто большее. Терапевты на Западе начинают объявлять сами себя Мастерами, но качественно Мастер и терапевт — две совершенно разные вещи. Бхагаван объясняет разницу между Мастером и терапевтом:

> «Вы не есть ваша поверхность: вы есть ваша глубина; никакой психиатр, никакой терапевт не может прикоснуться к этой глубине. Этой глубины может коснуться только Мастер — потому что он есть сама глубина. Мастер — это не-ум. А это величайшая разница, которая только возможна… Мастер — это не-ум. Он не имеет „знаю-как“. Он делает свое ничто доступным для ученика, но это ничто является лечебной силой. Психотерапевт пробует лечить, но никогда не достигает успеха. Мастер никогда не пробует лечить, но всегда достигает успеха. Его любовь — это его терапия… Именно быть с Мастером — это быть в лечебном присутствии. Мастер — не терапевт, но его присутствие есть терапия. Его присутствие лечит раны и лечит раны очень многих жизней. Но его процесс лечения не

является психологическим: он экзистенциальный».

Группы ашрама были уникальны также и тем, что они преодолевали обычные ограничения, налагаемые обществом и личностью, вследствие того, что они функционировали свободно и с большой интенсивностью. Свободу и интенсивность этих групп, однако, не надо неправильно понимать как распущенность и беспорядочность. В связи с этим появилось большое количество дискуссий в Индии и ни Западе. Споры концентрировались большей частью на тех группах, которые помогали снять сексуальные подавления и трансформировать сексуальную энергию (согласно тантрической традиции) в любовь и даже выше, в молитву. Бхагаван рассказал об этих групповых экспериментах:

> «Это не новые эксперименты. Они проводились искателями тантры в течение веков. В древности их пробовали Сарахапа, Тилопа и Канахпа. Но первый раз я попытался дать эти эксперименты на научной основе. Эти эксперименты так долго проводились в тайне. Эти эксперименты описаны в Писаниях, но среднего человека никогда не информировали о них, потому что средний человек не представлял никакого интереса. Я обратил на него внимание. Я спросил, почему среднего человека игнорировали так долго. Даже и ему надо дать шанс, чтобы он помог сам себе с помощью этих экспериментов. Почему он не должен знать о тех путях, которые поднимают его энергию вверх? Почему его надо обманывать? Почему энергии, которая растрачивается через сексуальный орган, не дать возможность подняться вверх, чтобы достичь высочайшей чакры — Сахасрары, цветка лотоса?
>
> Я открываю то, что было спрятано. Для этого я рассматриваю тысячи трудностей. Но я не собираюсь останавливать эти эксперименты. Я буду интенсифицировать их, и они дойдут до все большего количества людей. Для всех тех, кто хочет слушать, кто желает понять, как жизненная энергия может быть трансформирована от низшего к высшему, эти эксперименты вскоре будут доступны».
>
> Таким образом, наблюдение Бхагавана состоит в том, что когда человек любит естественно, то есть когда он принимает его или ее чувства и эмоции, включая самые низшие, он или она двигаются к трансформации. Но — как он объясняет дальше — перед тем, как это

естественное состояние будет достигнуто, человек должен с мужеством и честностью вначале увидеть все то, что в нем неестественно. И поэтому помогает группам. Бхагаван объясняет в ответе на вопрос: «Состоит ли цель терапевтических групп в проведении участников к своему естественному „я“?»

«Цель терапевтических групп не состоит в том, чтобы привести участника к своему естественному „я“ — совсем нет. Цель терапевтических групп состоит в том, чтобы привести вас к точке, откуда вы смогли бы увидеть свою неестественность. Никто не может привести вас к вашему естественному „я“ здесь не может быть метода, техники, изобретения, которые могли бы привести вас к вашему естественному „я“ — потому что все, что вы будете делать, будет делать вас все более и более неестественным.

Тогда какова же цель терапевтической группы? Оно просто делает вас сознательными к тем неестественным схемам, которые вы развили в своем существе. Она просто помогает вам видеть ненатуральность вашей жизни, то есть все. Увиденное начинает исчезать. Увидев неестественное, вы не сможете его больше поддерживать.

Естественное может существовать без вашего участия, но неестественное не может существовать… Однажды вы увидите, что это неестественно, и вы освободитесь от этого. Ваш кулак разогнется с вашего согласия.

Группа не предназначена, чтобы открывать ваш кулак, она — только для того, чтобы помочь увидеть, что то, что вы делаете, неестественно. В этом состоит настоящее видение, трансформация».

Несколько раз Бхагавана спрашивали, почему он не вдохновляет индусов участвовать в терапевтических группах. В ответ Бхагаван указывает, что нужды западных людей отличны от восточных. Также психология Востока значительно отличается от западной психологии. Он объясняет:

«В западной психологии в течение веков укоренилось экстравертирование: оно направлено вовне. Психология, которая развилась на Востоке, интравертирована: она направлена внутрь. Для воистину восточного человека группы роста не нужны. Ему необходимы медитации, подобные Випасане или за-зен, в

которых он может забыть свой внутренний мир и войти в свое собственное существо. Он не нуждается в какой-либо связи. Отношение не нужно. Ему необходимо только отстраниться от мира. Группы роста необходимы потому, что вы страстно нуждаетесь в отношении, чтобы любить и общаться. На Западе основной проблемой является общение, связь… Это совсем другая психология. Оба пути направлены к абсолютному: один — это медитация, другой — это любовь. Восток развил ум для медитации, Запад развил ум для любви. Любовь означает привязанность, медитация означает непривязанность».

Бхагаван видит реальную возможность преодоления различий между Востоком и Западом. Поэтому его эксперименты с группами или с медитациями направлены на стирание этих отличий и создание совершенно нового человеческого существа — человека, который был бы свободен от всех схем и обусловленности поведения Востока и Запада. Единственный путь, благодаря которому можно это достигнуть, состоит в создании того, что Бхагаван называет «медитативным пространством» — это окончательная цель терапевтических групп и медитаций. Бхагаван объясняет эту идею:

«Целью является создание медитативного пространства. Как его создать, это не относится к делу. Если вам необходимы групповые процессы, я вам даю групповые процессы, но должно быть создано медитативное пространство. Если вам не нужны групповые процессы, если вам нужны просто медитации, я дам вам просто медитации, но должно быть создано медитативное пространство. Только в этом медитативном пространстве Восток и Запад исчезнут, восточная и западная психология исчезнут, разделение исчезнет.

Великий эксперимент находится в движении. Вы, может быть, не осознаете, что здесь происходит нечто ужасно важное, нечто, что может стать дверью к великому синтезу. Может пробудиться Великое Тао. Мы можем достичь первоначального единства».

После того как Бхагаван устроился в Пуне, его родители посещали ашрам при каждом удобном случае, и хотя мама Бхагавана приняла посвящение от него в 1971 году, как уже говорилось в предыдущей части, Дада не чувствовал в себе духовной готовности, пока не получил несколько переживаний

глубокой медитации. Это ощущение стало интенсивным во время одного из его визитов — 19 октября 1975 года. Дада описывает:

> «В ту ночь я опять начал медитировать с двух часов. В течение пятнадцати или двадцати минут произошло нечто глубокое. Около пяти часов утра я услышал беззвучный звук „ОМ“, выходивший из всего моего тела, и громко закричал.
>
> Ма и Никаланк проснулись и начали трогать мой пульс. Я засмеялся и сказал: „Вы что, сошли с ума? Наступил, наконец, момент, которого я так долго ждал“». Ма Йога Лакшми пришла и сказала семье, что не о чем беспокоиться. Затем она позвала Бхагавана.
>
> Бхагаван вошел в комнату. Я попросил его встать передо мной и коснулся его ног. Затем он коснулся моих ног, и я сказал: «В последний раз ты касаешься моих ног, потому что теперь я хочу стать твоим учеником. Бхагаван дал мне малу и новое имя — Свами Деватирт Бхарти… С того дня здесь нет больше Бабулала. Все изменилось. Все тревоги и горести исчезли».

Это был редчайший феномен: отец стал учеником своего собственного сына. Упоминая о посвящении своего отца, Бхагаван говорил:

> «Отец Иисуса так никогда и не пришел к Иисусу, чтобы стать посвященным. Иоанн Креститель посвятил многих, но его собственный отец никогда не приходил к нему, чтобы стать посвященным. Мой отец необыкновенен — не потому, что он мой отец: он просто редкий человек».

Пока Бхагаван нес покой во внутренний мир искателей, приходивших к нему и проводивших тихую революцию, вся страна погрузилась в суматоху. В Индии намечался величайший политический сдвиг со времени обретения политической независимости в 1947 году. Политические партии, которые противостояли политике Индиры Ганди, объединились под руководством ветерана, лидера Джайа Пракаша Нарайяна, и мобилизовали в масштабах всей страны оппозицию правительству Ганди.

Ситуация стала настолько критической, что госпожа Ганди объявила в конце 1975 года чрезвычайное положение, многие гражданские права были приостановлены, пресса подвергнута цензуре, лидеры оппозиции арестованы и были приняты очень

строгие меры против тех, кто особенно тревожил правительство Ганди. Но это нарушение демократического процесса вызвало еще большую враждебность к госпоже Ганди. Она подверглась суровой критике в иностранной прессе. Давление усилилось и, наконец, заставило ее объявить всеобщие выборы. Народ проголосовал против Ганди; она и ее партия потеряли голоса избирателей, а коалиция оппозиционных партии под названием Джаната Партия одержала победу. Новая партия пришла к власти в 1977 году.

Большинство лидеров Джанаты и правительства были старыми политиками, преимущественно консервативными и реакционными, у которых отсутствовало какое-либо связное видение будущего страны и которые руководствовались только своей ненавистью к госпоже Ганди. Одним из наиболее старых лидеров в этой партии был Морарджи Десай. Десай представлял целое поколение, верное консерватизму и индийскому шовинизму. В течение всех лет своего правления Десай беспокоил Бхагавана и его представителей. Раскрывая причину враждебности Десая по отношению к нему, Бхагаван сказал в 1978 году:

> «Морарджи Десай был против меня все время. Конфликт продолжался не менее пятнадцати лет… Теперь он у власти и обнаруживает себя как фашист… Однажды, когда я только начал критиковать Махатму Ганди, он захотел помешать моему выезду в его провинцию Гуджарат… Но он не смог ничего поделать… И он затаил на меня эту обиду на целых пятнадцать лет».

Десай провел кампанию против Раджнеша и его ашрама. Вследствие своей строгой приверженности к гандизму, своих пуританских и ортодоксальных представлений и своей неистовой оппозиции к взглядам Бхагавана на многие спорные вопросы, он использовал свое влияние, чтобы создать большие трудности для ашрама и саньясинов. Бхагаван был откровенен в своем ответе на обвинения Десая, сказав ясно: «Я чувствую, что он совсем не понимает того, что здесь происходит. Все, что он знает, это только игра в политику…»

Ситуация осложнилась еще больше из-за индийской прессы, которая без конца рассказывала различные истории о Бхагаване и ашраме, сенсационные и в большинстве неправильные. В дальнейшем Бхагавана и его учеников начали критиковать лидеры большинства религиозных сект. Бхагаван ответил на все эти искажения, объяснив причины этой негативной публичной реакции, а также свое видение и природу своей работы:

«По-моему, они все злятся из-за того, что я не лицемер. Я живу так, как мне нравится. Я говорю вещи, которые согласуются с моей жизнью. Например, я не против жизни и ее радостей — это то, что я говорю, и то, как я живу. Они бы очень полюбили меня, если бы я жил, как нищий, если бы я голодал и сидел нагим на дороге… Я не аскет. Я живу в раю здесь, сейчас. И я учу вас жить в раю здесь и сейчас: это настоящая земля рая, это настоящее тело Будды.

Я учу своих людей жить единой жизнью… Быть естественными. Я хочу Будду, Гаутаму Будду и Грека Зорбу свести как можно ближе — сделать их одним. Мои саньясины должны быть „Зорбой-Буддой“.

Я материалист-спиритуалист. Это их раздражает. Они не могут понять этого. Они всегда думают, что материализм — это нечто диаметрально противоположное спиритуализму. А я пытаюсь свести их вместе. Фактически так это и есть. Ваше тело не противоположно вашей душе — иначе почему же они должны быть вместе? И Бог не противоположен миру — иначе почему же он его создал? Вот в чем состоит вся моя работа здесь, и я могу понять, почему Мораджи Десаю не нравится это. Он традиционалист, он ортодоксальный индуист, а мое отношение к жизни — это индивидуальная свобода — высшая свобода для индивидуальности.

Индивидуальность не должна служить препятствием, если она не становится опасной для других людей… Каждая индивидуальность должна быть сама собой, и ей должно быть дано достаточное пространство для этого.

Это фашиствующий ум не может позволить».

Пока Десай и его правительство оставались у власти, бюрократические помехи препятствовали усилиям ашрама купить землю, где могла бы быть основана новая коммуна согласно плану Бхагавана. Кроме того, индийское правительство посоветовало иностранным посольствам не давать визы тем, кто хотел бы приехать в ашрам в Пуне. Более того, правительство также запретило кино- и телевизионным кампаниям из Англии, Италии, ФРГ, Канады и США снять фильм о деятельности ашрама. Лондонское Би-Би-Си было одной из них. Их заявление было оглашено в апреле 1978 года. Ведущий Би-Би-Си сообщил о своем послании в Раджнеш Фаундейшн:

«Совершенно невероятно для меня, что после всех

протестов по поводу свободной прессы и позволения журналистам делать в Индии то, что они хотят, и что мы впервые приняли участие в таком неполитическом деле, как Ашрам, мы получили отказ».

В августе 1978 года Адвани, министр информации и радиовещания, сделал заявление в Высшей Палате парламента. Он заявил, что накладывает запрет на все иностранные фильмы и телекомпании вследствие того, что фильмы об ашраме неправильно отражают общий образ жизни Индии. Рассмотрев заявление Адвани, Бхагаван попросил правительство создать комиссию и изучить, что же может из происходящего в ашраме «неправильно отражать общий образ Индии». Он также лично пригласил Адвани посетить ашрам и посмотреть то, что происходит в нем. Но ни одно из приглашений не было принято. Очевидно, дискриминация ашрама, проводимая правительством, была непреодолимой. Стало очевидно, что люди, критиковавшие госпожу Ганди за подавление демократических прав и пришедшие к власти благодаря обещанию поддержать демократию, секкуляризм и свободную прессу, сами приняли участие в тактике подавления по отношению к Бхагавану и ашраму.

Несмотря на то, что внешний мир обращался с Бхагаваном и ашрамом вышеуказанным образом, деятельность в ашраме продолжалась, как и раньше, рост не прекращался, и к Бхагавану приезжало все больше людей. Распорядок дня Бхагавана включал встречу на вечернем даршане с маленькой группой саньясинов ашрама, саньясинов, прибывших из других частей Индии и отовсюду и, конечно, с нео-саньясинами-гостями. Эти даршаны были наполнены интимным общением с Мастером, который давал и объяснял саньясинам значение новых имен: он беседовал с саньясинами, которые либо только что прибыли, либо уже возвращались к себе домой, разговаривал с каждым индивидуально, дружески и внимательно, помогал им, если они имели какие-нибудь вопросы или проблемы.

Позднее, после февраля 1979 года, эти даршаны приобрели новую форму и направление. Они были названы «энергетические даршаны», и была изменена форма. Вместо прямого ответа на вопросы саньясинов во время даршанов Бхагаван передавал свои ответы через Ма Йогу Лакшми после чтения писем от саньясинов… Все осталось, как прежде, исключая только то, что теперь Бхагаван мог давать более тщательные объяснения по поводу нового имени. Даршаны с приехавшими и уезжающими были превращены в «благословляющие даршаны», во время которых уже не было никаких споров с Бхагаваном: Бхагаван

приставлял свой большой или указательный палец к центру лба (известному как «третий глаз») саньясина, который закрывал свои глаза, когда получал энергию от Мастера. После «благословляющих даршанов» саньясины, особенно те, кто работал в ашраме постоянно, получали чрезвычайно интенсивное переживание энергии и экстаза. Во время этого действия атмосфера была наполнена радостью и весельем. Пока Бхагаван держал палец на «третьем глазу» саньясина, другие саньясины, полукругом, экстатично танцевали вокруг него, и вся группа покачивалась в такт музыке. Весь опыт был подобен открытию или тотальному восприятию потока энергии. Бхагаван описывает этот феномен:

> «Всякий раз, когда Мастер захочет помочь вам очистить ваши энергетические каналы, если они блокированы, он просто овладеет вами. Он просто вольется в вас, и его энергия, вместе с энергией высшего качества, более чистой, неограниченной, перейдет в ваши энергетические каналы… Если ученик действительно сдается, Мастер может овладеть им немедленно.
>
> И однажды вами овладеет энергия Мастера, однажды его прана охватит вас, овладеет вами, и очень легко будет сделано то, что в другом случае нельзя сделать и за многие годы. Кроме того, если Мастер сможет войти в вас подобно водопаду, многие вещи будут просто смыты. А когда Мастер выйдет из вас, вы внезапно станете совершенно другой личностью — более чистой, молодой, жизненной…»

В июне 1979 года здоровье Бхагавана, которое стало прекрасным с тех пор, как он прибыл в Бомбей, ухудшилось, и Бхагаван прекратил давать дискурсы и даршаны. Саньясины участвовали в молчаливой музыкальной медитации с ним в Будда-холле с 11-го июня по 20-е 1979 года.

Бхагаван не говорил, когда его тело было не в порядке. Он отдыхал несколько дней — тогда не было лекций и вечерних даршанов — и на третий день все было так же. Он совсем не появлялся, чтобы поговорить. Холл был полон ожидающими учениками, которые наслаждались музыкой — частью медитации во время отсутствия Бхагавана. Перед аудиторией стоял его мучительно пустой стул.

На четвертый день пришел Бхагаван — и хрупкое, нежное дуновение любви проникло в зал, на возвышение, на стул, акцентрируя пустое пространство с его пустотой.

Мы загудели, мы закачались и начали впитывать его нектар, льющийся на нас, благотворный и обильный, подобный муссонным дождям.

На девятый день его выразительного присутствия энергия увеличилась до крещендо. Это было так, как будто бы он вошел в каждого из нас, чувствуя и ощущая каждого, кто мог бы быть с ним без слов — как внутренних, так и внешних.

На десятый день несколько тысяч учеников собралось в холле с Бхагаваном, чтобы праздновать десятый день молчания. Он был здесь, перед нами была чистая сущность, его рука балансировала в воздухе, изысканная в своем просветлении: танцующие, кружащиеся оранжево-красные языки пламени на периферии, стремление тысяч окрыленных сердец сплавило воздух молитвой.

Движение от слов к звуку и ритму, от звука к молчанию, живому молчанию, к чистому пространству-энергии.

Это было по-настоящему прекрасное переживание для учеников, и хотя помочь ничем не могли, они беспокоились за здоровье Мастера. Они ощущали его даже более интенсивно, любовно и молитвенно. Бхагаван оправился от болезни и возобновил свои утренние дискурсы 21 июня. Он сказал своим ученикам, что для него утро более интимно и более особенно. Он очень подробно остановился на молчании, о ценности сидения в молчаливом общении с ним и намекнул на тот факт, что в ближайшем будущем он, возможно, прекратит говорить совсем (он прекратил говорить почти два года спустя, о чем будет сказано в следующей главе). Следующие извлечения взяты из дискурса от 21 июля 1970 года:

> «Время созрело, пришло время для этого. Вся моя работа здесь состоит в создании поля Будды, энергетического поля, в котором вечные истины могли бы быть объявлены опять. Это редкая возможность. Только однажды в течение столетия существует такая возможность… не пропустите ее. Будьте очень бдительны, внимательны: слушайте эти слова не только головой, но и сердцем, каждым фибром вашего существа. Позвольте вашей тотальности откликнуться на них.
>
> И после этих десяти дней молчания наступил подходящий момент для возвращения Будды, для того, чтобы сделать его живым среди вас, позволить токам Будды пройти через вас. Да, он может быть вызван назад опять, потому что никто не исчезает, Будда не является больше личностью, воплощенной в теле: определенно, он нигде не существует как индивидуальность — но его

сущность, его душа теперь есть часть космической души.

Я чувствую огромную радость, потому что после этих десяти дней молчания я могу сказать вам, что многие из вас теперь готовы общаться со мной в молчании. Это — абсолют в общении. Слова неадекватны слова сообщают, но только частично. Молчание сообщает тотально.

И использование слов — это слишком опасная игра, потому что мои значения останутся со мной, стоит слову дойти до вас — и вы придадите ему ваш собственный смысл, ваш собственный оттенок. Оно больше не будет содержать ту же самую истину, которую ему было предназначено содержать. Оно будет содержать что-то еще, что-то более обедненное. Оно будет содержать ваше значение, не мое. Вы можете искажать язык (фактически почти невозможно избежать искажения), но вы не можете исказить молчание. Либо вы поймете, либо нет. Но здесь не было ни одного человека, который бы понял неправильно. Вы не можете неправильно понять молчание — в этом красота молчания. Разделение абсолютно: либо вы понимаете, либо просто не понимаете — здесь невозможно неправильно понять.

Эти десять дней были странно прекрасны и величественно таинственны. Я не принадлежу больше к этому берегу. Мой корабль ждет меня уже слишком долго — я должен отплывать. Это чудо, что я все еще в теле. Весь кредит принадлежит вам — вашей любви, вашим молитвам, вашему стремлению. Вы должны подобно мне помедлить немного на этом берегу, отсюда невозможное должно стать возможным.

В течение этих десяти дней я не чувствовал себя вместе с телом. Я чувствовал себя по-настоящему неукорененным, перемещенным. Так было странно находиться в теле, когда ты не чувствуешь, что ты в нем. И было так странно продолжать жить в месте, которое больше не относится к тебе — мой дом уже на другом берегу. И зов приходит постоянно! Но потому, что вы нуждаетесь во мне, это проистекает от сострадания вселенной — вы можете назвать это Божественным состраданием, — Он позволяет мне побыть в теле еще немного.

Слова становятся все более и более трудными для меня. Они требуют все больших и больших усилий. Я должен сказать что-нибудь для вас. Но я хотел бы, чтобы вы получали от меня все гораздо быстрее, поэтому мы

можем просто сидеть в молчании… слушая птиц и их песни или слушая стук наших сердец. Мы можем быть просто здесь, ничего не делая.

Будьте готовы к тому, что я могу прекратить говорить в любой день. И пусть эта новость распространится по всем уголкам и концам света: те, кто хочет понять меня только посредством слов, должны прийти ко мне как можно быстрее, потому что я могу прекратить говорить в любой день. Это непредсказуемо, это может случиться в любой день — это может случиться даже в середине предложения. Тогда я могу не закончить предложения. Тогда оно повиснет навсегда и — навсегда… незавершенным.

Но на этот раз вы вытащили меня назад».

Пока саньясины наслаждались энергией даршанов, живя в праздновании и творчески работая, они не подозревали, что скоро произойдет событие громадной интенсивности и значения — смерть отца Бхагавана.

Дада и большая часть семьи, включая мать Бхагавана, братьев и их жен и детей, покинули Гадарвару и жили в ашраме с 1978 года. Было почти невозможно не заметить Дада — безволосого человека, который был старый телом, но чье лицо светилось жизнью и радостью. Его блестящие и веселые глаза выражали внутренний лад и удовлетворение. Он был очаровательным хозяином во время всех празднований киртана, которые проводились каждую неделю в его резиденции.

К этому времени Дада был уже нездоров. У него было шесть сердечных инфарктов после 1975 года, и его положили в больницу за полтора месяца до того, как он покинул свое тело из-за сердечной недостаточности. Следующий пересказ — это мое личное описание события, пережитое непосредственно мною.

Был один из тех влажных вечеров, которые обычно бывают в сезон муссонов. После ужина я, как обычно, работал в своем офисе. Я работал уже полтора часа, когда услышал женский голос: «Свами Дада умер. Мы идем на празднование в Будда-холл». Весть пришла подобно удару. Я выглянул за дверь, чтобы увидеть, кто была эта женщина, но она уже ушла. Я немедленно отложил свои бумаги, встал и присоединился к другим саньясинам в Будда-холле. Новость вырвала меня из всего остального: она поразила меня именно мгновенно, и я молчаливо остался сидеть в Будда — холле.

Как раз за неделю до этого я встретился с Дада в его больничной палате. У меня было свидание с ним. Фактически я

хотел посоветоваться о том, что мы могли бы рассказать о Бхагаване и что он мог бы сообщить мне, какие истории и события из детства Бхагавана. Он выглядел веселым и, казалось, что он совсем оправится от паралича. Он лежал в больнице уже около пяти недель. Доктора уверяли его, что выпишут через несколько дней. Но когда я сел, коснувшись его ног, он посмотрел на меня и сказал примирительно:

> «Я не чувствую, что могу сказать еще что-то, кроме того, что уже говорил о нем раньше. Я не хочу никого видеть. Я даже не могу есть больше. Прошу извинить меня, так как вы проделали такой длинный путь, за это особенно извините».

Я попросил его не огорчаться и сказал, что мы могли бы устроить встречу позднее, когда он вернется в ашрам и полностью выздоровеет. Я немного поговорил с Аммафии (мама Бхагавана) и с Шайпендирой и Амитом (братья Бхагавана). С помощью сына Дада медленно вышел из комнаты, чувствуя себя разгоряченным и истощенным. Мы привели его в комнату и положили на кровать. Он закрыл глаза и заснул. Я вернулся в ашрам.

Дада умер 8 сентября 1979 года в 8.45. Но это была смерть его физического тела. Состояния самадхи — состояния отделения ума от тела, он достиг намного раньше: в тот же день, в три часа утра. И с этим первым проблеском вечности он стал осознавать, что умирает. Он послал записку Бхагавану, в которой попросил его прийти, если тот желает попрощаться с ним. Однако немедленно вслед за этим он отправил другое послание Бхагавану, в котором сообщал, что больше нет нужды в приходе Бхагавана и что тот не должен приходить. Бхагаван пришел, чтобы увидеть своего отца так или иначе… На следующее утро, отвечая на вопрос Вивек во время своей лекции, он так описывает встречу со своим отцом:

> «Вчера я пошел, чтобы увидеться с ним. Я был чрезвычайно обрадован, узнав, что теперь он может умереть правильной смертью. Он больше не имел отношения к телу. Другие два раза я ходил по своему собственному желанию. Вчера он попросил меня прийти, потому что он был уверен, что умирает. Он хотел сказать „до свидания“ и он сказал это прекрасно, без слез на глазах, без какого-либо стремления жить дальше».

Однажды эта привязанность к телу, к жизни исчезает, человек освобождается от цикла рождения и смерти. С отсутствием

желания к возвращению назад в тело заканчиваются бесконечные желания, сознание становится свободным и сливается с вечностью. «Поэтому, — говорит Бхагаван, — это не смерть, а рождение в вечности. Или это тотальная смерть, тотальная в смысле, что теперь он не придет больше. А это и есть окончательное достижение. Не существует ничего более высокого… нет ничего выше, чем это».

Эта смерть была экстраординарной, но затем опять была встреча отца и сына — Мастера и ученика. Два существа: одно — уже соединенное с целым и другое — вступающее в него. Это была их последняя встреча. Отец очень любил своего сына. Бхагаван отвечал ему любовью с детства. Во время одной из моих встреч с Дада он с нежностью вспомнил, как однажды во время его болезни Бхагаван, которому тогда было пятнадцать, привычно сделал ему массаж и, несмотря на запрет врача, тайно принес ему сладости и угостил его. Но теперь эта болезнь была последней, и отец и сын были уже другими. Это была невероятная встреча двух существ интимной и еще не разорвавшейся связи.

Бхагаван дал дальнейшее описание этой встречи на хинди в одной из своих лекций:

> «В последний день он отправил послание, прямо утром, поэтому я ответил: „Я приду“. Когда я отправил послание о том, что приду, он немедленно информировал меня, что в данный момент в этом нет нужды, не надо беспокоиться. Все же я пошел в три часа. Я был счастлив, потому что его привязанность ко мне, его постоянная потребность видеть меня — эта последняя связь — была разорвана. И когда я сообщил ему, что его комната готова, новая душевая для него построена, через день или два его должны были выписать из больницы, новая машина была уже выписана для него: у него болели ноги и ему было очень трудно ходить, поэтому должна была прибыть новая машина. Услышав обо всем этом, он не проявил никакого интереса ни к новой машине, ни к новой комнате: он только пожал плечами и ничего не сказал. Если бы у него был хоть какой-то интерес, он мог бы вернуться к этой теме. Я был счастлив, когда он пожал плечами. Его пожатие плечами означало, что все это было бессмысленным — теперь все дома были бессмысленными, так же, как и машины. Теперь ничего не надо ждать, ничего не надо было делать».

Так великое празднование началось в Будда — холле около

девяти вечера. Ученики кричали, танцевали и пели «Аллилуйя». Этого как раз и хотел Бхагаван. Потому что он говорил:

> «Он покинул мир в абсолютном молчании, в радости, в мире. Он покинул мир подобно цветку лотоса, Это было настоящее празднование. И это удобная возможность для вас научиться тому, как жить и как умирать. Каждая смерть должна быть празднованием — но это может быть празднованием, только если это ведет вас к высшим планам существования».

В холле постепенно собралось большинство саньясинов. Я был глубоко в себе, тогда как танец и пение становились все более и более интенсивными.

Около 10.30 тело Дада было перенесено в холл и положено на мраморное возвышение, откуда Бхагаван проводил свои дискурсы. Мама Бхагавана и другие члены семьи в слезах стояли возле тела. Лицо Дада было довольно розовым, и весь он выглядел так, как будто находился в глубокой медитации, не был мертвым. Через некоторое время пришел Бхагаван. Как обычно, он улыбнулся и приветствовал всех поднятыми руками, сжатыми вместе. Затем он положил гирлянду из лепестков вокруг шеи Дада и поклонился. Это была замечательная сцена: энергия в холле была чрезвычайно высокой. Бхагаван коснулся головы своего отца в двух точках. На лекции он объяснил, для чего это сделал:

> «Я коснулся его тела в двух местах, один раз Аджна-чакры, потому что здесь было два варианта — либо он мог покинуть свое тело через Аджна-чакру и в этом случае он мог иметь еще одно рождение, только одно. А если он покинул тело через седьмую чакру, Сахасрару, тогда он мог бы не рождаться снова. Вначале я проверил его Аджна-чакру. Я положил руку на его Аджна — чакру, слегка коснулся ее, потому что чакра, через которую уходит жизнь, открывается подобно расцветающему бутону цветка. И те, кто имеет опыт работы с чакрами, могут немедленно почувствовать, всего лишь прикосновением, откуда уходит жизнь. Я был очень рад увидеть, что его жизнь не уходит через Аджна-чакру. Тогда я коснулся его Сахасрары, которая также известна как „тысячелепестковый лотос“, и обнаружил ее открытой. Он вылетел через седьмую дверь».

На несколько минут Бхагаван, улыбаясь, оставил холл, и

немного спустя тело было перенесено на ближайшую кремационную землю, при этом его сопровождали сотни саньясинов, одетых в шафрановые робы и певших «Радуйся, радуйся». Около двух часов утра тело было помещено на погребальный костер и его подожгли. Когда пение и танец достигли своего пика, оранжевые языки пламени поглотили тело, и вся кремационная земля окрасилась в оранжевый цвет.

Бхагаван очень детально рассказывал о смерти, о многих ее измерениях, которые он пережил в жизни, и о ее многогранности. Главная цель его состояла в том, чтобы сделать из своих учеников людей, понимающих этот феномен, и при этом он использовал его как средство для полного развития их восприятия самой жизни. Его раскрытие глубоких тайн смерти в основном базируется на его непосредственном переживании глубочайшего значения смерти, а не только на интеллектуальной концептуализации ее. Настоящая причина того, почему смерть остается загадкой для Запада, видимо, состоит в том, что люди никогда не сталкивались со смертью без какой бы то ни было попытки проинтерпретировать ее своим рассудком. Фактически все западное отношение к смерти является одним негативным приятием. Смерть рассматривается как конец жизни, как неминуемая реальность, которой бросают вызов со страхом и которую принимают с большим сопротивлением. Тогда остается только один путь рассмотреть ее и тем самым избежать, от нее привыкли убегать с помощью интеллектуального рассмотрения. Люди на Западе рассматривают смерть как объект, не только отделенный от жизни, но и противоположный ей.

Смерть — это фундаментальная часть жизни. Смерть — это не что-то в будущем: она существует с нами в каждый момент жизни. Отсюда, по Бхагавану, смерть — это не интеллектуальная, но «экзистенциальная» проблема. Он говорит:

> «Вы не можете разрешить ее с помощью мышления. Вы можете создать только фальшивые решения. Смерть здесь, лицом к лицу с нами, будьте же в этой ситуации тотально. Не думайте об этом. Что вы можете думать? Смерть — это настолько новый феномен, настолько незнакомый, что ваше знание не может помочь никоим образом, так что оставьте ваш ум».

Основываясь на своем собственном опыте, Бхагаван указывает другое измерение смерти — «измерение медитации». Он объясняет:

> «Вы будете печальны, вам будет горько, вы будете

чувствовать тяжесть — позвольте этому быть здесь. Это часть — часть жизни, и часть зрелости, и часть абсолютного познания. Оставайтесь с этим, тотально присутствуйте. Это должно быть медитацией, и тогда вы придете к глубокому пониманию смерти. Тогда смерть возьмет вас к настоящему центру жизни — потому что смерть — это настоящий центр жизни. Это не противоположность жизни — это самый настоящий процесс жизни».

Бхагаван особенно подчеркивает такую разновидность смерти, которая ведет человека к вечной жизни; как говорят Упанишады «Мритьерма Амритам Гамайя» — «Веди меня от смерти к бессмертию». «Я прошу вас, — говорит Бхагаван, — жить сознательно. Жить в таком осознавании, чтобы остаться сознательным даже в смерти — тогда даже ваша смерть будет достигнута в медитации, тогда вы постоянно будете бодрствующим, и смерть произойдет. Лампа сознания — пока вы будете освобождаться от тела — должна сохраняться горящей. Только если вы сможете умереть сознательно, вы больше никогда не родитесь или не умрете опять. Тогда вы обретете вечность».

Дада действительно встретил смерть сознательно. Это была прекрасная смерть, тотальная смерть. Это стало возможным потому, что он прожил жизнь полностью, с радостью и улыбкой. Он знал жизнь, конечно, но он не знал, что его собственный сын однажды научит его, что смертью было все вокруг, научит его такому виду смерти, который принесет ему вечный мир и просветление.

Празднуя жизнь и смерть в том же самом духе, ашрам непрерывно рос. Для учеников творчество и художественное выражение стали интегральной частью их ежедневной медитации.

Для учеников Бхагавана саньяса — это жизнь в мире без привязанности к нему и разделение блаженства медитации с другими посредством создания прекрасных художественных работ и изделий ремесла. Поэтому в ашраме пышно расцветали многие разнообразные виды искусств и ремесел. Керамика ашрама приобрела замечательную репутацию. Пошивочная мастерская также стала хорошо известной и производила широкий ряд пончо, жакетов, шалей, шерстяных одеял и детских игрушек. Одежда и робы, сделанные в ашраме, стали очень популярными.

Раджнеш Театр Гроуп заслужила одобрительные отзывы у

индийской прессы за свое яркое исполнение очаровательной комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» — в июле 1979 года в Бомбее. Группа совершила также турне и по другим городам Индии. Шурату и Ахмедабаду в штате Гутхарат. Ободренная своим непрерывным успехом, группа представила «Сон в летнюю ночь» и «Двенадцатую ночь» в Нью-Дели в марте 1980 года.

Центр здоровья ашрама был оборудован современной лабораторией и хирургическим оборудованием и укомплектован квалифицированными врачами. Стержнем деятельности центра здоровья стало проведение широких исследований по контролю такого местного заболевания, как гепатит, особенно поражавшего людей, прибывающих с Запада.

Студия звукозаписи использовала высококачественную аппаратуру для записи ежедневных дискурсов Бхагавана. Это осуществлялось саньясинами, которые были специалистами в электронной инженерии. Кроме того, саньясины экспериментировали с новыми способами использования энергии, включавшими постройку домов с солнечно-тепловыми панелями.

Ашрам производил и дезинфицирующие вещества и мыла, которые не вредили растительной жизни, когда попадали в почву. Производился широкий ассортимент мыла, шампуней и кремов, основанных на растительных жирах и природных маслах. В буфете каждый мог отведать самую разнообразную вегетарианскую пищу, включающую пирожные и печенье (в рецептах яйца не использовались). домашний творог, сыр и ореховое масло.

Кроме того, саньясины показывали замечательные успехи в агрономии.

За 1979 год было создано более сотни терапевтических групп в рамках Отделения Психологии, входящего в Раджнеш Интенейшнл Медитейшн Юнивесити. Эти группы были позднее объединены в двадцать главных групп, городских и не городских. В дополнение к ним были устроены различные специальные классы, тай-чи, каратэ, индийского танца, английского языка, хинди и камерной музыки.

Вскоре стало возможным проводить все более расширяющийся эксперимент на шести акрах земли ашрама в Пуне. Все усилия были направлены на приобретение четырехсот акров пустой земли в двадцати милях от Пуны — в долине, известной как Джад Хавади, у городи Сасвад. План состоял в том, чтобы построить здесь Неосаньясинскую Интернациональную Коммуну Раджнеша, в которой десять тысяч саньясинов могли бы жить и работать вместе в любви и медитации в рамках самообеспеченной коммуны.

Процесс приобретения нового места начался со взятия в аренду старого замка, примыкавшего к зданию ашрама, где размещались ремесленные мастерские и городские терапевтические группы. Кроме того, саньясины начали возделывать кое-где землю.

Новая коммуна была открыта 11 декабря 1979 года, в день сорокавосьмилетия Бхагавана. Более шести тысяч саньясинов и гостей съехались в Джадхаввади. В самой высокой точке был поднят специальный флаг «Раджнешхам». Этому месту было предназначено стать местом постройки прекрасного медитационного храма. Были объявлены названия сорока девяти различных отделений новой коммуны. План включал медитационные залы, терапевтические комнаты, университет, отель в виде пятиконечной звезды, кино и кинематографический институт, колледж драматического искусства, ремесел, музыки, танца, живописи, скульптуры и многое другое.

Бхагаван рассматривает коммуну как обрамление, внутри которого ее члены могут переживать духовное пробуждение; коммуна и ее окружение, которое Бхагаван называет «Поле Будды», должны способствовать деятельности, происходящей на расслабленном, творческом и любовном пути. Здесь не должно быть стремления к какой-либо работе в буквальном смысле. Скорее, вся работа состоит в поощрении духовного роста благодаря позволению индивидуальностям быть открытыми к изумлению. На этом пути работа не должна быть стремлением к серьезному бизнесу вместо этого она должна стать непрерывной игрой (лилой). На этом пути коммунная жизнь должна приобрести эстетическое качество. В этой коммуне никто не будет функционировать согласно стереотипам, основанным на роли или положении: каждая личность, вместо этого, будет рассматриваться как носитель нераскрытого потенциала и которой необходимо создать благоприятные возможности для раскрытия его (или ее) божественности. Коммуна будет скорее лабораторией, чем организацией, и эксперименты будут проводиться в целях обнаружения наилучшего метода, пути, техники или прозрения, лучше всего способствующего воссозданию Поля Будды на земле.

Бхагаван описывает свое видение коммуны детально, объясняя, как коммуна должна дать рождение новой индивидуальности будущего и как она могла бы превратить эту землю в рай. Следующие отрывки суммируют его видение:

> «Значение церкви, коммуны состоит в том, что мы собираемся на одном пространстве, а затем каждый

влияет на другого. При этом освобождается громадная энергия. Один вы не можете подняться очень высоко. Один вы — только один. Один вы связаны всеми ограничениями. Когда же вы едины с остальными, бесконечная энергия становится доступной. И начинают происходить многие вещи, которых не будет, если вы один.

Вы объединяете свою энергию с моей. И, естественно, вы начинаете чувствовать тот же вид ритма, те же настроения, что пронизывают всю коммуну.

И весь этот эксперимент состоит в том, чтобы принести Поле Будды в мир. Эта коммуна — необычная коммуна. Это эксперимент по вызыванию Бога. Вы можете не осознавать то, что происходит. Вы можете осознавать только ваши проблемы. Вы можете прийти ко мне только для того, чтобы разрешить свои проблемы. А уже я делаю кое-что еще.

Я пытаюсь создать пространство, где Бог мог бы спускаться все ближе и ближе. Эта коммуна должна стать связью. Мир потерял эту связь: Бог больше нереален. Относительно нашего века Ницше правильно сказал, что Бог умер. Связь разорвана. Бог же может существовать только посредством связи. Бог должен быть здесь, но здесь нет моста. Так как же можем мы его познать? Эта коммуна — эксперимент по созданию моста…

Я работаю медленно, и я привожу все больше людей в вашу коммуну. Вскоре здесь будут тысячи. Я хочу создать маленький город, где люди, рано или поздно, будут жить абсолютно неэгоистично. И чем больше здесь людей, тем больше возможностей для событий, для чудес — потому что тем больше будет доступен Бог. Небо станет ближе вам.

Когда вы присоединяетесь ко мне как саньясины, вы отбрасываете себя, исчезаете Когда вы присоединяетесь к коммуне, тогда вы должны в высшей степени стереть себя. Если хоть небольшая часть зависнет здесь, тогда вы будете тревожить и самого себя, и коммуну. И вы не сможете воспользоваться моей помощью.

Новая коммуна — это эксперимент духовного коммунизма.

Слово „коммунизм“ происходит от „коммуны“. Существует только одна возможность коммунизма в мире: он возможен только через медитацию.

Коммунизм невозможен лишь от одного изменения экономических структур общества Изменение экономических структур общества будет приводить к образованию новых классов, а это не может привести к бесклассовому обществу. Пролетариат и буржуазия могут исчезнуть, но тогда появляются правитель и управляемый. Это то, что произошло в России, это то, что произошло в Китае — возникли новые разделения, новые классы. Коммунизм — это духовное видение. Это вопрос не изменения экономической структуры общества — но изменения духовного видения человека.

Новая коммуна должна стать пространством, где мы сможем создавать человеческие существа, которые не будут сравнивать: у них не будет этого, они не будут носиться со своей личностью. Новая коммуна станет фоном, на котором сможет появиться новый вид человека. Сократ говорит, что Мастер — это повивальная бабка, и он прав. Все Мастера — повивальные бабки: они всегда приносят новые человеческие качества в существование. Благодаря им рождается новый человек.

Старый человек заканчивается. Старый человек не имеет больше сил. И со старым человеком все, что относилось к старому человеку, должно стать бессильным, не имеющим цены. Старый человек был жизнеотрицающим. Новая коммуна должна создать жизнеутверждающую религиозность. Девиз новой коммуны: это настоящее тело Будды, это настоящая земля, Лотос Рая.

Мой труд в новой коммуне состоит в создании человека, который стал бы не частичным, а был бы тотальным, целостным, святым — человек должен быть ими всеми тремя вместе. Он должен быть так же точен, объективен, как ученый; он должен быть так же чувственен и сердечен, как поэт, он должен быть также укоренен в своем существе, как мистик. Он не должен выбирать, он должен позволить всем этим трем измерениям существовать вместе.

Новая коммуна должна создать пространство, контекст для рождения этого многомерного человеческого существа. И будущее принадлежит этому новому человеку.

Новая коммуна стремится быть тотально новым видом религиозности, духовности. Никто не должен быть индивидуалистом — христианином,

мусульманином или джайном, — но каждый должен быть религиозным. По мне религия не нуждается в зависимости: в тот момент, когда религия становится зависимой, она перестает ею быть — она становится политикой.

Новая коммуна не будет поощрять какие-либо мазохистские тенденции, она не будет уважать никакой аскетизм; она не будет уважать что-либо ненормальное, неестественное, она будет уважать в человеке ребенка, его невинность. И это будет творческое отношение. Она будет уважать человека, пишущего прекрасную картину; она будет уважать человека, прекрасно играющего на флейте. Флейтист должен быть религиозным, а не человеком, который долго постится, мучает свое тело, лежит на ложе с шипами, который уродует сам себя.

Коммуна стремится быть началом новой человечности. Это необходимо, абсолютно необходимо. Если мы не сможем создать нового человека за двадцать лет, к концу этого века, тогда у человечества не будет будущего. Старый человек дошел до своего предела. Старый человек готов совершить глобальное самоубийство. Третья мировая война станет глобальным самоубийством — этого можно избежать только созданием нового вида человека».

Пока ашрам продвигался вперед к новой энергии, генерированной благодаря открытию Раджнешхама, и пока он был занят планированием новой коммуны, страна всколыхнулась с началом всеобщих выборов. Выборы особенно значительными были потому, что госпожа Ганди, отстраненная от власти Джанатой, была настроена добиться выборов и победить. Она собрала свою партию и преуспела в убеждении людей в том, что правительство Джанаты неэффективно и стало бесполезным сразу же после прихода к власти, в 1977 году.

Бхагаван благословил госпожу Ганди и выразил свое удовлетворение.

«Однажды она вернется в парламент и будет у власти еще очень долго. Она единственный луч надежды для Индии, потому что она может ее вычистить, она способна взяться за такие вещи».

Отношение Бхагавана к госпоже Ганди было ясным и прямым:

«У нее есть мужество, чтобы совершать

революционные шаги, крайне необходимые… Индире всегда нравились мои мысли, она всегда относилась с симпатией к моему способу мышления. Я желал этой стране пройти через великую революцию, и Индира способна на это. Для нее все мое благословение».

Ганди победила на выборах, ее партия конгресса завоевала большинство в парламенте. Они вернулись к власти в январе 1980 года.

Бхагаван продолжал остро критиковать закамуфлированные интересы, ортодоксальные религии и лицемерных лидеров общества и Востока, и Запада. Как мы видели, его единственный подход к этому состоял в том, что он всегда рассматривал вещи такими, какими они были, и открывал истину, несмотря на то, что он сам чувствовал по этому поводу. Следствием этого явилось недовольство и оппозиция всех сторон. Наиболее дикая и драматическая реакция на его дискурсы и работу произошла 22 мая, когда религиозный фанатик попытался убить Бхагавана во время его утреннего дискурса.

День ашрама начался 22 мая, как обычно. Бхагаван говорил тогда на хинди. Около полутора тысяч людей собралось в Будда-холле тем приятным летним утром и слушало дискурс. Неожиданно, около 8.30, молодой человек встал и побежал по аудитории к Бхагавану, выкрикивая что-то на хинди, что в переводе звучит примерно так: «Бхагаван Раджнеш! Ты говоришь против нашей религии, мы не хотим терпеть этого!» Ему немедленно преградили путь ашрамовские охранники, но прежде, чем они успели схватить его, он метнул большой нож, и тот пролетел прямо перед Бхагаваном, упав на бетонный пол холла.

За несколько минут до этого инцидента охрана ашрама получила уведомление от полиции Пуны о грозящей опасности. Во время этого нападения бригада полиции уже была у ашрамовских ворот. Нападавший, позднее опознанный как Вилас Виттал Тап, член индуистской экстремистской организации, базирующейся в Пуне, был мягко схвачен охранниками, молча выведен из холла и передан полиции. Волна шока прошла по саньясинам, сидевшим в холле, но никакой паники не было.

Бхагаван оставался сидящим в течение всего происшествия — спокойный и хладнокровный, абсолютно невозмутимый. Фактически успокоил аудиторию он, говоря: «Оставайтесь сидеть, пожалуйста, оставайтесь сидеть на ваших местах… не беспокойтесь… сидите…» — и продолжал свой дискурс:

> «Вы видите теперь, какую пользу приносят эти писания? Этот бедный человек совершенно не ведает

того, что делает. Он бессознателен. Он не в своем уме. Он думает, что защищает религию. Религия защищает вас или вы защищаете религию? Он мыслит в понятиях „наша религия“, как будто религия может быть чьей-то собственностью. Религия никогда не „моя“ и не „ваша“, религия — это то, что поддерживает нас всех.

Сейчас этот человек… не понимает того, что делает. Он только позорит свою религию и показывает свои глупость и невежество. Его религия не нуждается в подобном спасении. Он только показывает, как беспомощна его религия. Он только рассказал нам, что сейчас они ничего другого не могут нам предложить — у них не осталось ничего разумного, о чем стоило бы поговорить».

Саньясины ашрама были потрясены событием. Страшные истории о том, как были уничтожены Сократ, Иисус, Мансур, мучения других будд были свежими в их памяти. Ма Йога Лакшми сказала на пресс-конференции:

«Сегодня в Будда-холле история убийств, оскорблений и враждебности, которая и раньше характеризовала отношение Индии ко всем ее великим мистикам и искателям, повторилась опять. Эти люди, бросавшие камни в Будду, мучившие Махавиру, теперь желают заставить замолчать Бхагавана… Эти фанатики думали, что они смогут избавиться от Бхагавана так же, как избавились от Ганди, но божественная милость существования распорядилась иначе. Бхагаван будет продолжать говорить истину, невзирая на то, сколько будет предприниматься попыток помешать ему делать это».

Человек, обвиняемый в попытке совершить убийство, был оправдан.

Несмотря на подобное отношение к жизни Бхагавана и несмотря на негативные реакции прессы, священников, пандитов и политиков, ашрам функционировал нормально. Энергетическое поле продолжало возрастать. Была усилена охрана внутри и вокруг ашрама. Здоровье Бхагавана оставалось очень хорошим. Вторая половина 1980 года прошла относительно спокойно.

Молчаливый мудрец

1981 год остается наиболее богатым на события годом ашрама. Он начался с того, что еще один ученик Бхагавана достиг просветления. Тридцатитрехлетний Свами Ананд Вималкирти, прежде Принц Уэлф из Гановера, достиг просветления 9 января 1981 года. Он умер и достиг Махапаринирваны (освободился от рождения и смерти) 10 января 1981 года. История этого события вкратце такова.

5 января, когда Вималкирти занимался своими ежедневными упражнениями по подъему энергии, он почувствовал резкий упадок сил от мозгового кровоизлияния. Его сохраняли живым в госпитале Пуны в течение пяти дней в кислородной камере Его мать, принцесса Софья, и его брат, принц Георг, прибыли из Германии, чтобы быть с ним.

Бхагаван воздал дань Вималкирти в следующих словах.

> «Вималкирти осчастливлен. Он был одним из тех моих избранных саньясинов, которые никогда не колебались, его вера была абсолютной в продолжение всего его пребывания здесь. Он никогда не задавал вопросов, никогда не писал писем, никогда не разбирал никаких проблем. Его вера была такова, что постепенно, раз за разом, он абсолютно слился со мной. У него одно из редчайших сердец. Такое сердце исчезло из мира! Он настоящий принц, настоящий королевич, настоящий аристократ! Аристократичность не относится к рождению, это нечто соответствующее качеству сердца. И я воспринимал его как одну из редчайших, прекраснейших душ ни земле».

Бхагаван захотел, чтобы Вималкирти сохраняли в барокамере не менее семи дней, Бхагаван объяснил причину этого.

> «Он был как раз на краю; небольшой толчок — и он смог бы стать частью потустороннего… Поэтому я хотел, чтобы его немного поддержали, подольше. Прошлой ночью он справился: он пересек границу между деянием и недеянием…»

Бхагаван также объяснил, что вследствие своего медитативного качества Вималкирти преуспел в неотождествлении со своим телом и, таким образом, достиг

сознания выше тела. Бхагаван продолжает:

> «Вы не сможете идентифицироваться с таким телом: почки не функционируют, дыхание не функционирует, сердце не функционирует, мозг совершенно разрушен. Как можете вы идентифицироваться с таким телом? Невозможно. Только немного бдительности — и вы станете отделенными — и насколько бдительным он был, настолько он вырос. Так, он немедленно стал осознавать, что „Я“ — не тело, „Я“ — не ум, и „Я“ — не сердце. И когда вы переходите по ту сторону этих трех, достигается четвертое — турия — вот это и есть ваша настоящая природа. Однажды достигнутое, это никогда не теряется».

Бхагаван объявил:

> «Он больше не нуждается в возвращении опять в тело: он стал пробужденным, он находится в состоянии Будды. Будьте готовы, радуйтесь и танцуйте — танцуйте до самозабвения! Позвольте ему идти подобно принцу. Он был принцем. Любой из моих саньясинов является принцем. Я не верю в нищих, я верю в императоров!»

Бхагаван выразил счастье в следующих словах:

> «Я счастлив вместе с ним… и многие из вас находятся на том же самом пути. Я действительно счастлив с моими людьми! Я не думаю, что когда-либо был Мастер, у которого было столько прекрасных учеников. Иисус был очень беден в этом смысле — ни один его ученик не стал просветленным. Будда был самым богатым в прошлом, но я определенно победил Гаутаму Будду».

Все члены семьи Вималкирти, включая его жену — Ма Прем Турию (прежде принцесса Вибке из Гановера), дочь — Ма Прем Таню (прежде принцесса Таня из Гановера), его отца — Принца Георга Вильгельма из Гановера, мать и брата, присоединились к тысячам саньясинов, чтобы перенести его тело на кремационную землю. Пока тело Вималкирти горело на погребальном костре, все танцевали и пели в праздничном настроении. Соболезнования были получены от королевы Елизаветы II Английской, принца Чарльза Английского (Вималкирти был племянником королевы и кузеном принца Чарльза), королевы Фридерики Греческой,

госпожи Индиры Ганди и от многих других известных людей.

Дух празднования не только не прекращался, как всегда в ашраме, но и начал распространяться на другие части мира. Самое большое празднование из когда-либо организованных учениками Бхагавана вне Пуны имело место с 14 по 15 марта 1981 года в престижном лондонском Королевском Кафе. Оно называлось «Мартовское событие» и было ответом на растущий интерес к Бхагавану в Британии. Более тысячи человек, включая журналистов и многих известных людей, участвовали в этой двухдневной программе медитации и групповой терапии. Семь опытных экспертов-саньясинов проводили программу.

Вслед за сокрушительным успехом «Мартовского События» планируется провести подобные же празднования в Сан-Франциско, Сиднее, Берлине и Мюнхене. Это распространение Бхагаванского послания и работы через его саньясинов происходило именно так, как и предвидел Бхагаван. Он еще раньше говорил, что пришло время распространить его «Поле Будды» — энергетическое поле, созданное Просветленным Мастером — по всему миру. С тех пор, как он сам достиг просветления, он не уставал повторять, что факт просветления доступен каждому, и делал все, чтобы этого состояния достигло как можно больше людей — все это ясно видно из всей его жизни и работы до настоящего времени. Он объявлял:

> «Я буду посылать вас в четыре части света. Вы должны быть моими посланниками, вы должны функционировать для меня. Я буду смотреть через ваши глаза, я буду говорить вашим языком, я буду прикасаться к людям вашими руками, я буду любить посредством вашей любви».

Бхагаванское послание любви было обнародовано еще раз, в двадцативосьмилетнюю годовщину его просветления — 21 марта 1981 года. «Это мое послание тем, кто жаждет божественности: это таверна, а не храм», — сказал Бхагаван. Он объяснил на утреннем дискурсе, что его религия не имеет названия, потому что у любви нет названия:

> «Любовь никогда не бывает христианской, индуистской, джайнской или буддийской. И если любовь не имеет названия, как может религия, которая есть окончательная любовь, иметь название? Не спрашивайте о названии: опьяненный человек не имеет религии, у него есть только опьянение, только блаженство».

И в связи с ашрамом и его организацией он добавил:

> «Даже таверна нуждается в небольшой организации. Каждый должен видеть, что жаждущий не утоляет жажды и что не-жаждущему не позволено злоупотреблять».

Никто не догадывался, что как раз в это время Мастер уже был готов открыть новое измерение своей работы и что с этого момента он станет доступен только тем, кто будет готов впитывать без помощи его слов — в молчании. В течение многих лет Бхагаван рассказывал своим ученикам, что истина никогда не может быть выражена посредством слов. Он неустанно повторял, что ученик может вступить в общение с Мастером только посредством глубокого молчания:

> «Слова являются слишком мирскими, слишком неадекватными, слишком ограниченными. Только пустое пространство, высшее молчание могут символизировать существо Будды. Вследствие того, что вы не можете понимать молчание, его надо переводить на язык — иначе в этом не было бы нужды».

Он сказал в 1978 году:

> «На высочайшем пике понимания слова становятся почти бессмысленными. Вскоре, я надеюсь, придет такой день, когда вы будете способны понимать мое молчание. Тогда я перестану использовать слова».

Вечерний даршан 23 марта 1981 года стал одним из самых значительных — это был последний даршан Бхагавана для учеников и посетителей Дискурс на следующее утро также стал его последним дискурсом. Так случилось, что 24 марта в ашраме было зарегистрировано несколько случаев заболевания ветряной оспой, были приняты чрезвычайные меры предосторожности, а заболевшие люди были помещены в изолятор. Вечерние даршаны были отменены, а вместо утреннего дискурса в Будда-холле начали проводить молчаливые музыкальные медитации.

На последнем даршане 23 марта Бхагаван рассказывал об источнике слов и языка. Он сослался на известное утверждение в Библии о том, что «В начале было Слово, и слово Было Богом, и Слово — Бог». Бхагаван прокомментировал это утверждение:

> «Я категорически говорю „нет“! В начале было молчание, а в конце также есть только молчание.

> Молчание — это то вещество, из которого сделана вселенная. И я могу говорить аутентично, потому что, если человек идет внутрь самого себя, он приходит к началу всего, вследствие чего вы можете содержать одновременно как начало, так и конец».

Несмотря на случаи ветряной оспы, прекращение даршанов и отсутствие утренних дискурсов Мастера, деятельность ашрама не прерывалась. Каждый ожидал появления Бхагавана 11 апреля, когда должен был открыться следующий медитационный лагерь, а Бхагаван должен был начать новую серию лекций на английском языке. Однако 10 апреля Ма Ананд Шила, одна из руководительниц Раджнеш Фаундейшн, собрала всех глав отделений ашрама и со стаканом вина в руке объявила, что Бхагаван вступает в новую и окончательную фазу своей работы — в молчание. Она была одной из тех первых, кто услышал решение Бхагавана. Шила была потрясена, когда услышала эту новость от Бхагавана. Она добавила:

> «Но Бхагаван передал, что нет повода для огорчения, он сказал мне, что все должны быть счастливыми, должны праздновать. И он попросил меня объявить об этом другим с тем же чувствам радости, которое он переживает сам».

В ашраме новость распространилась со сверхъестественной быстротой. Это было подлинным сюрпризом для многих. Но в течение нескольких часов все в ашраме пели и танцевали. Вскоре ученики поняли, что для них наступило время перейти на более глубокий уровень общения с Мастером.

В исторической декларации Раджнеш Фаундейшн объявила, что Бхагаван Шри Раджнеш начал последнюю фазу своей работы. Также было объявлено, что Бхагаван прекратил давать утренние дискурсы на английском и хинди. С 1 мая 1981 года Бхагаван будет говорить только посредством молчания, которое он описывал как «язык существования». На место словесного общения пришел сатсанг, молчаливое общение сердца с сердцем. Кроме того, было сказано, что определенное количество учеников уже готово воспринимать Бхагавана в молчании, и он должен был сделать самого себя доступным только для них. Ученики были способны теперь войти в молчаливое духовное общение с Мастером на более глубоком уровне. Сатсанг должен был проводиться каждое утро в Будда-холле с 8.30 до 9.30.

Новая фаза наступила также и для вечернего даршана ашрама, — гласило далее заявление. Сам Бхагаван физически

присутствовать больше не будет. Ма Йога Лакшми, Свами Ананда Тирта и я (когда Лакшми отсутствовала) были названы медиумами для этой работы. Когда декларация была объявлена, Лакшми выехала из города по своей работе, и поэтому во время вечерних даршанов для индийских друзей саньясу, благословения и энергию даршанов передавал я, в то время как для западных друзей саньясу, благословения и энергию передавал Тирта.

После впечатляющего воздействия на публику своими революционными и оригинальными взглядами, имеющими отношение к почти всем возможным темам под солнцем, решение Бхагавана вступить в молчание вызвало различную реакцию по всему миру, ее можно было классифицировать от подлинного удивления до совершенного неверия и цинизма. Несмотря на это, надо считаться с тем, что Бхагаван ждал этого момента. Он подготавливал учеников для этой окончательной фазы работы: он готовил их к независимости. Его решение показало ясно, что ученики стали достаточно восприимчивыми для этого нового направления, поэтому и было среди них ощущение радости и тайны. Несмотря на то, что было глубокое ощущение того, что они, должно быть, утратили его голос и прозрение, которые привычно создавали ежедневный поток, тревоги не было. Фактически у всех участников было чувство благодарности, потому что Бхагаван нашел их достаточно развитыми и способными разделить последнюю фазу молчания.

Новая фаза представила каждому удобную возможность переживать энергию Бхагавана на вечернем даршане независимо от его физического присутствия, а также без помощи его общения посредством слов в дискурсах. Он удалился еще дальше от учеников, настолько далеко, насколько это относилось к высшей части его существа, и вступил в глубокое интимное общение с ними. Он говорил им об этом намного раньше:

> «В тот день, когда вы увидите этот стул пустым, это тело пустым, это существо пустым, вы должны будете уметь видеть меня, вы должны будете уметь контактировать со мной. Это настоящий момент, когда ученик встречается с Мастером. Это растворение, исчезновение… капля росы вливается в океан, или океан вливается в каплю. Это одно и то же! — Мастер исчезает в ученике, и ученик исчезает в Мастере. И превалирует глубокое молчание. Это не диалог».

1 мая 1981 года Бхагаван дал свой первый сатсанг как «молчаливым мудрец» в аудитории шести тысяч учеников и посетителей. Это было его первое появление с тех пор, как он

прекратил давать ежедневные дискурсы 24 марша 1981 года. Сатсанг продолжался один час — он был бессловесным, сердечным общением между Мастером и его почитателями. Сатсанг начался с пения мантры, которой уже когда-то в древности пользовались бхикшу-ученики, собравшиеся вокруг Будды: «Буддхам шаранам гаччами, Сангхам шаранам гаччами, Дахаммам шаранам гаччами…» (Я склоняюсь к ногам Пробужденного Единого, я склоняюсь к ногам окончательной истины Пробужденного Единого). После мантры было пение, играла мягкая медитативная музыка, прерываемая периодами молчания. В промежутках читались отрывки из Иша-Упанишады и «Пророка» Халил Гибрана. В конце была повторена мантра, и Бхагаван покинул холл.

Непрерывный сатсанг проводился каждое утро. В молчании Бхагаван сидел с саньясинами один час. Вивек сопровождала его и сидела у его ног. Бхагаван объяснил значение и цель сатсанга:

> «Тот, кто находится рядом с Мастером, становится единым с истиной. Мастер не собирается ничего делать, он просто доступен. Если вы открыты, он просто вольется в вас.
>
> Быть молчаливым, слушающим молчание, ничего не делать и быть внутренним, быть более глубоким, чем всякое выражение, — вот что такое сатсанг. Человек просто сидит с Мастером, чувствует его присутствие, становится частью его энергетического поля, дышит с ним, пульсирует с ним. Медленно, медленно эго распускается из своего собственного созвучия — так, когда солнце поднимается, снег начинает таять».

Знаменуя собой дальнейший уход от активности, молчание Бхагавана, в другом плане, очевидно, манифестирует его существо в состоянии третьей гуны-саттвы. Он уже прошел через первые две гуны — тамас и раджас. Описывая природу саттвы-гуны, Бхагаван говорит:

> «Когда раджас-гуна убывает, начинают проявляться эффекты саттва-гуны, все действия растворяются в молчании. В состоянии тамаса все действия прекращаются, но такое прекращение подобно погружению в сон. В саттвическом действии также все действия растворяются в молчании, но такое растворение есть погружение в тотальное сознание».

«Принципы или качества неактивности (тамас) и

безмятежности (саттва) имеют одну общую вещь: они оба заканчиваются в молчании», — объясняет Бхагаван. Он добавляет, однако:

> «Форма молчания, возникающая из принципа неактивности, должна быть подобна сну, тогда кок форма молчания, возникающая из принципа безмятежности, будет молчаливым осознанием».

Молчание Бхагавана имеет и дополнительное измерение — измерение музыки. Объясняя связь между музыкой и молчанием, Бхагаван говорит:

> «Музыка в некотором смысле является абсолютным молчанием. Звуки здесь есть, но такие звуки еще больше углубляют молчание, они помогают ему… Шум — это как раз такой звук, который к молчанию вас не ведет. Музыка — это звук, который становится дверью к нему».

Бхагаван объясняет дальше:

> «Сущность Мастера — это сущность музыки, поэзии, песни. Но они все ведут к молчанию, и истина может быть передана только в молчании».

Пока ученики переживали любовное и блаженное общение со своим Мастером в этом глубоком, новом измерении, внешний мир становился все более и более враждебным и жестким по отношению к Бхагавану, ученикам и ашраму. Тревожно возросло количество угрожающих писем и телефонных звонков. Они содержали угрозы жизни Бхагавана, а также жизни учеников. Например, одному человеку из Шри Ланки предложили четверть миллиона фунтов за помощь в убийстве Бхагавана. Эту информацию содержало письмо, полученное 3 мая саньясином ашрама. В нем было написано: «Один парень попросил меня помочь ему убить Бхагавана. Он сказал, что передаст мне четверть миллиона фунтов, если я помогу ему. Он дал мне две недели на размышление…» Написавший письмо, кроме того, сообщал, что предложение было сделано «муни» — может быть джайнистским муни (муни — монах) — и в письме было добавлено: «Они ненавидят Бхагавана».

Эта новость была обнародована пресс-офисом Раджнеш Фаундейшн для того, чтобы привлечь внимание прессы к этой тревожной ситуации. В публикации сообщалось, помимо других вещей, что угроза исходит от группы, называемой «Римские

католики Бомбея и Пуны», объявившей, что они хотят убить Бхагавана и взорвать ашрам. Было получено послание, в котором говорилось, что тайная организация проводит кампанию террора против ашрама. В мой адрес также последовали угрозы после опубликования моей газетной статьи, в которой я объяснял учение Бхагавана.

> Эти новости были следующим образом прокомментированы одним из официальных лиц Фаундейшн:
>
> «Эти угрозы — это проявление слабости людьми, которые не могут ответить Бхагавану другим образом. Например, эти так называемые христиане, которые угрожают нам, просто демонстрируют банкротство их христианских идеалов.
>
> Они не могут спорить с Бхагаваном на его уровне и поэтому вынуждены прибегать к угрозам убийства и насилия, они не имеют никакого отношения к Иисусу Христу — фактически, если бы Иисус жил сегодня, они наверняка помогли бы распять его. То же самое относится к индуистским и джайнистским фанатикам, которые также угрожают нам. Они все боятся Бхагавана, потому что понимают, что он открывает истину».

И угрозы начали выполняться. Ранним утром 27 мая произошел пожар в Раджнешхаме. Двадцать четыре часа спустя, 28 мая, поджог уничтожил книжный склад Раджнеш Фаундейшн, расположенный около Пуны. Послышалось несколько последовательных взрывов, а затем огонь быстро распространился на складированные книги. Пожар вспыхнул около трех часов утра. Примерно в то же самое время сработало взрывное устройство в медицинском центре. К счастью, никто не пострадал.

Несмотря на эти атаки, утренний сатсанг в Будда-холле с Бхагаваном прошел как обычно. Перед началом сатсанга собравшиеся три тысячи учеников и посетителей подняли руки в знак протеста и осуждения преступлений. Ма Прем Арун, одно из официальных лиц ашрама, сделала следующее заявление:

> «Наше дело — заботиться о Бхагаване. И, несмотря на риск, то, что он предлагал человечеству, будет развиваться и дальше. Его послание миру так важно, что его не остановить никаким фанатикам».

Ученики восприняли поджог и другие враждебные действия

со спокойствием и еще более увеличившейся верой и подчинением своему Мастеру. Они остались около него в молчании, в молитве, в глубокой любви и сдаче… Работа и активность ашрама продолжались непрерывно. Но здоровье Бхагавана опять ухудшилось, и стало ясно, что он должен ехать на Запад для лечения. Соответственно, последний сатсанг был проведен утром 1 июля 1981 года. В тот же день он попрощался со своими любимыми учениками и во второй половине дня покинул Пуну так же тихо, как и прибыл в нее семь лет назад.

Бхагавана в его путешествии в Америку на самолете сопровождала группа саньясинов. Он прибыл в Чидвиласы Раджнеш Медитейшн Центр (Монтклэр, Нью-Джерси), где уже было приготовлено все необходимое для его отдыха и лечения.

Когда Бхагавана спрашивали прежде, покинет он Индию или нет, он всегда отвечал отрицательно. Причины, из-за которых он не хочет покидать Индию, он объяснил в дискурсе от 30 августа 1978 года.

> «Очень трудно для меня оставить Индию. Индия — это нечто чрезвычайно ценное. Она осуществила глубочайшее проникновение в истину. Многие будды ходили по этой земле, под этими деревьями — эта земля стала сакральной. Быть здесь — это тотально не так, как быть где-либо еще. И то, что я пытаюсь передать вам, гораздо легче делать здесь, чем где-либо еще.
>
> Но Индия рухнула со своих вершин. Она больше не соответствует своей прошлой славе. Теперь это одно из безобразнейших мест на земле, но так стало потому что ушли и Гаутама Будда, и Махавира, и Кришна, и миллионы других…
>
> Ни одна другая страна не может похвастаться этим. Иисус был очень одинок в Иерусалиме, Мухаммед был очень, очень одинок в арабских странах, у Лао Цзы была очень маленькая компания — Чжуан Цзы и несколько других. Они с трудом пытались сделать что-нибудь. Но Индия имеет длиннейший духовный путь: духовный поиск здесь углублялся не менее пяти тысяч лет.
>
> Воды текут и до сих пор.
>
> Эту Индию, которую вы видите теперь в газетах, эту Индию я оставил давно. Индию, которую вы знаете, я уже покинул. Видели ли вы меня выходящим из ворот? Я живу в моей комнате. Неважно, где эта комната, здесь или где-либо еще, я все равно буду жить в моей комнате. Это будет то же самое. Я уже покинул эту Индию. Я не

имею отношения к этой Индии, которую вы знаете посредством радио, телевидения, газет, — к Индии политиков, лицемеров мазохистских махатм. Я уже покинул ее. Но я не могу уехать. Здесь еще есть потаенная Индия, эзотерическая Индия, где Будда все еще жив, где вы можете контактировать с Махавирой более легко, чем где-либо еще, где целая традиция пробужденных людей подобна подземному потоку. Я не могу оставить это. Для меня здесь нет проблемы — я могу уехать: я буду тем же самым где угодно — но для вас это не будет тем же самым».

Но Бхагаван покинул Индию. Почему? Возможно, ответ на этот вопрос был частично дан как раз за месяц до этого, перед тем, как Бхагаван прекратил выступать публично. Один вопрос, который часто задавали, касаясь судьбы движения, которое усилилось вокруг Бхагавана после его ухода из тела. На этот вопрос он дал подробный и ясный ответ, высказанный слушателям на своем последнем английском дискурсе. Бхагаван сказал:

«Я живу каждым мгновением. Я нисколько не беспокоюсь о том, что произойдет позже. Это может выглядеть очень безответственно для вас, потому что мой критерий ответственности диаметрально противоположен общепринятому представлению о так называемой ответственности. Я ответственен каждый момент по отношению к существованию — и ответственен не в том смысле, что я покорен ему, а ответственен в смысле, что я отвечаю тотально, спонтанно. В какой ситуации я ни нахожусь, я в высшей степени созвучен с ней. Пока я жив — я жив, когда я умру — я буду мертвым. И не вижу какого-либо вопроса в этом.

В тот момент, когда я умру, весь мир умрет для меня, тогда произойдет все, что должно произойти. Я не должен взваливать на себя ответственность за все существование. Кто может сделать это? Но здесь есть люди, которые пробуют сделать это, и, конечно, в конце концов, они потерпят тяжелую неудачу.

Я не контролирую никого — я не политик Я совсем не интересуюсь тем, должен ли кто-нибудь быть контролируемым мною сегодня или завтра.

А когда меня не будет здесь, то что смогу я сделать? Дураки есть дураки. Либо они почитают меня, либо кого-

нибудь еще — и в этом нет никакой разницы. Если они хотят почитать, то они будут почитать.

Каждый институт по природе своей мертв, только человек живет. Ни один институт никогда не был живым. Как может институт быть живым? Вследствие своей настоящей природы он должен быть мертвым. Постольку, поскольку меня это касается, я совсем не интересуюсь следующим моментом. Даже если эта сентенция останется незавершенной, я не буду предпринимать никаких усилий, чтобы завершить ее. Я не буду даже полностью развертывать это. Я не хочу доминировать, но не могу продолжать говорить людям „не поклоняйтесь мне“, потому что это путь к созданию культа.

Люди всегда неправильно понимают. Пока Мастер жив, они не идут к нему, потому что, будучи жив, он не позволит им неправильно понять. Они пойдут к нему — когда его больше не будет здесь, потому что мертвого Мастера можно контролировать, им можно манипулировать.

Во-первых, я человек непоследовательный сознательно. Я не создаю возможности, в результате которой можно было бы сделать догму из моих слов: всякий, кто попытается создать вероучение или догму из моих слов, будет высмеян! Вы можете сделать догму из Махавиры — он очень последовательный человек, очень логичный. Вы можете сделать философию из Будды — он очень математичен, вы можете сделать философию из Кришны — в течение пятидесяти лет он просто повторял одну и ту же вещь, снова и снова: вы не сможете обнаружить никакой непоследовательности в нем.

Это невозможно со мной: я живу моментом, и все, что я говорю, правильно лишь сейчас, истина есть только для данного момента. Я не ссылаюсь на мое прошлое и совсем не думаю о будущем, поэтому мои утверждения атомарны — они не часть системы. И вы не сможете создать мертвый институт только тогда, когда философия является очень систематичной, когда нет больше потоков, когда не может быть обнаружен ни один дефект, когда все сомнения разрешены, все вопросы исчезли, вам дается готовый ответ на все в жизни.

Я так непоследователен, что вокруг меня совсем невозможно создать мертвый институт, потому что мертвый институт будет нуждаться в инфраструктуре

мертвой философии. Я не учу вас какой-либо доктрине, я не даю вам каких-либо принципов, наоборот, я пытаюсь убрать все философии, чтобы вы уловили все непосредственно. Я разрушаю ваши идеологии, вероучения, культы, догмы, и я не заменяю их ничем. Мой процесс — это чистое необусловливание. Я не пытаюсь перестроить вас. Я оставляю вас открытыми.

Я просто разделяю мое видение, мою радость. Я наслаждаюсь этим, и всякому, кто пожелает наслаждаться этим со мной, я говорю: „Добро пожаловать!“ Естественно, когда я уйду отсюда, могут найтись дураки, которые попробуют изобразить это, создать систему — несмотря на то, что я сделал это почти невозможным.

Эти люди, волнующиеся по поводу того, что произойдет, и являются теми, кто будет создавать мертвый институт. Мои люди не смогут создавать мертвый институт — это невозможно. Те, кто были со мной в коммуне, несомненно, должны научиться одной вещи, раз и навсегда: жизнь не может быть ограничена институтами; в тот момент, когда вы попытаетесь ограничить ее институтами, вы разрушите ее. Поэтому, пока я жив, я буду праздновать. Когда я уйду, все они тоже будут праздновать. Они будут праздновать мою жизнь, они будут праздновать мою смерть — и они будут оставаться живыми.

Я готовлю моих людей жить радостно, экстатично, поэтому, когда меня не будет здесь, разницы никакой не окажется. Они будут постоянно жить таким же образом, и, быть может, моя смерть добавит им интенсивности.

Я не оставляю чего-либо кому-либо. Я сам себя объявил Бхагаваном. Почему же я должен оставить это кому-то? Я знаю, что я Благословенный Единый, и только я могу это знать. Как может кто-нибудь знать это? И я пытаюсь соблазнить моих людей пониманием этой бессмертности: вот почему они также Благословенные Единые. Совершенно невозможно обожествить меня — я уже сделал это! Что же оставить здесь для вас? Я ни от кого не завишу».

Совершенно ясно, что Бхагаван не ограничен какими-либо границами равно как и границами специфической нации или страны. Он касается всего человечества. Он одинаково доступен для вдохновения и благословения и в Америке, и где угодно в

мире, как он был в Индии.

Американские средства массовой информации широко прореагировали на покупку Раджнеш Фаундейшн шестидесяти четырех тысяч акров земли близ города Антилопы, штат Оригон. Это может стать местом Бхагаванского видения:

> «Новая коммуна должна быть по большому счету… саньясины живут вместе, как одно тело, одно существо. Никто не будет ничем обладать: каждый будет использован, каждый будет наслаждаться. Каждый будет стремиться жить так, как ему удобно, так богато, как только сможем ему позволить, но никто не будет владеть чем-либо. Не только вещами не будет обладать, но и личностями владеть в новой коммуне не будет никто. Если вы любите женщину, живите с ней — из чистой любви, из чистой радости, — но не становитесь ее мужем. Вы не можете. Не становитесь женой. Стать женой или мужем это безобразно, потому что это приведет к собственничеству, что затем сведется к собственности.
>
> Новая коммуна стремится быть несобственнической, полной — жить в любви, но совсем без собственничества разделять все виды радости, радоваться всему вместе.
>
> В моей коммуне Будда будет смеяться и танцевать, Христос будет смеяться и танцевать. Бедные друзья, никто не позволял им этого до сего момента! Посочувствуйте им позвольте им танцевать, и петь, и играть.
>
> Моя новая коммуна стремится трансформировать работу в игру. Стремится трансформировать жизнь в любовь и смех. Опять вспомните девиз: освящать землю, делать все сакральным, трансформировать обыкновенные мирские вещи в необыкновенные духовные вещи. Целая жизнь должна быть вашим храмом. Работа должна быть вашим культом. Любовь должна быть вашей молитвой.
>
> Это настоящее тело Будды: это настоящая земля, лотос рая».

Эпилог

В последнее десятилетие на Запад проникли многие контркультурные, связанные с личным ростом, а также нехристианские движения, в основном включающие восточный мистицизм. Их еще рассматривают и как «метафизическое движение». Причем предполагают, что увлеченность западных людей группами контркультурного типа является в основном преходящим феноменом, который можно приписать преимущественно молодым людям, находящимся в стадии поиска. Кроме того, другая причина такой увлеченности состоит в том, что доминирующая культурная этика перестала обеспечивать молодежь коллективными и жизнеспособными культурными альтернативами, в то время как альтернативные решения, предлагаемые контркультурой, обладают для молодых людей величайшей привлекательностью.

Также утверждается, что индивидуальности, которые ищут измененных состояний сознания, то есть те, кто экспериментирует в мистических группах, являются людьми, наиболее отчужденными от общества или теми, кто пережил значительное разочарование в своем личном и социальном существовании. Однако наблюдатели указывают, что индивидуумы, вовлеченные в эти новые движения, заняты сознательным усилием по разрешению проблемы «раздвоения сознания». Другими словами, они пытаются найти решения между подлинностью, навязанной обществом или приобретенной благодаря их объективному пониманию, и их самовоспринимаемой субъективной подлинностью. Необходимо подчеркнуть далее, что в то время, когда в западном обществе существует широко распространенное ощущение бессмысленности и когда традиционные религиозные системы не способны обеспечить какое-либо психологическое и духовное разрешение существующих проблем, появление этих новых групп символизирует значительную силу социального изменения.

Бхагаванское рассмотрение и оценка многих западных проблем носит глубочайший характер. Он не останавливается на диагностике проблемы — он обеспечивает видение, прилагаемое не только к Западу, но и ко всему миру, ко много более высокому уровню существования. Его оценка текущей ситуации состоит в том, что «либо Запад совершит самоубийство посредством атомной войны, для которой уже все готово, либо наступит духовное пробуждение… величайшее духовное пробуждение из всех, которые когда-либо происходили в истории человечества».

Бхагаван критически передает экзистенциалистскую философию, преимущественно представляющую западную мысль последние сто лет. Рассматривая Сартра, например, Бхагаван говорит, что он был неправ в своей философии, ибо он только говорил о таких вещах, как мужество, искренность, подлинность и так далее, но не переносил их на свою жизнь. Если жизнь фактически такова, что она полна несчастья, тогда человек должен совершить либо самоубийство, либо изменить свою жизнь: что же это за точка зрения, признающая постоянное несчастье и в то же время практикующая такое существование? «Мне кажется, — говорит Бхагаван, — что это отчаяние, боль, бессмыслица являются слишком вербальными, логичными, но не экзистенциальными». Бхагаван выражает свой взгляд на экзистенциализм в следующих словах:

> «У меня ощущение, что экзистенциализм Запада не есть реальный экзистенциализм, это опять философия. Быть экзистенциалистом — это значит быть чувством, а не мышлением. Сартр может быть великим мыслителем (так оно и есть), но он не чувствовал этой вещи, не жил этим. Если вы живете в отчаянии, вы попадаете в точку, где что-то должно быть сделано — радикально сделано, немедленно сделано, — трансформация становится настоятельной, касаясь только вас».

Иллюстрируя это историей жизни Будды, Бхагаван различает восточный и западный взгляды на реальность и таким образом остро подчеркивает элемент, потерянный в экзистенциализме. Пересказывая историю Будды, он говорит:

> «Он идет и видит старика — он познает, что юность — это только преходящая фаза, временный феномен, волна в океане, поднимающаяся и падающая, нет ничего постоянного: это подобно сну, пузырю, готовому лопнуть в любой момент. Затем он видит, как везут мертвеца. На Западе история заканчивается на этом месте: старик, мертвец. Но в индийской истории после мертвеца он видит саньясина, то есть дверь. И затем он спрашивает своего возничего: „Кто этот человек и почему он в охряной одежде? Что произошло с ним? Какого типа людей он представляет?“ Возничий говорит: „Этот человек тоже узнал, что жизнь ведет к смерти, и он ищет жизнь, которая бессмертна“».

Отсюда вывод: жизнь не кончается со смертью. История

Будды показывает, что после видения смерти, когда жизнь ощущается бессмысленной, внезапно возникает новое измерение, новое видение — саньяса: усилие проникнуть в глубочайшую тайну жизни, проникнуть глубже в видимое, чтобы достигнуть невидимое, проникнуть в материю так глубоко, что материя исчезнет и вы приходите к основной реальности — реальности духовной энергии, Брахме. У Сартра, Камю, Хайдеггера история заканчивается на мертвеце. Саньясин упущен, то есть упущена связь.

Бхагаван показывает связь, он обеспечивает связь, «саньяса» (или нео-саньяса) — это дар, который удовлетворяет все нужды — особенно на Западе. Согласно видению Бхагавана, сейчас саньясин должен появиться на Западе: человек, который укоренен на Западе, который пережил бессмысленность, фрустрацию, крайнее разочарование в материалистической философии. «Моя цель, — объявляет Бхагаван, — превратить в саньясинов западных людей, как можно больше, и отправить их назад домой. Много сартров ждет здесь. Они видели смерть. Они ждут, чтобы увидеть охряную робу, а за охряной одеждой последует экстаз».

Кто-нибудь может спросить: как мог Бхагаван прочесть западный ум? Как он смог почувствовать их пульс? Для того, чтобы ответить на эти вопросы, мы должны прозондировать немного глубже природу и намерение того контакта, который произошел между Бхагаваном и искателями Запада. Совершенно ясно, что «помимо его жадного чтения (около ста книг в неделю, по свидетельству библиотекаря Бхагавана)» и, таким образом, громадной информированности о мире, в котором он живет, его прямой контакт с тысячами людей с Запада позволил ему изучить западников, западный ум очень близко и интимно. Отсюда, это не только контакт между искателем и наблюдателем или между Мастером и учеником. Это гораздо больше: это встреча, соединение Востока с Западом.

Хотя растущий интерес к восточному мистицизму на Западе и новое оживление мистицизма на Востоке сами по себе содействуют «эволюции сознания», новый духовный, или оранжевый, взрыв, который произошел недавно на Западе, породил новое сознание, которое и не духовно, и не материально, то есть синтез обоих. Бхагаван — повивальная бабка этого нового рождения. Он должен стать крепким союзом, мостом, связующим Запад и Восток. Искатели, искавшие кого-то, кто смог бы ассимилировать различные духовные системы и скоординировать различные духовные традиции без отрицания мира и мирской жизни, нашли в Бхагаване человека, который смог это сделать — который фактически это делал.

> «Я… несу вам синтез Востока и Запада, — объявил он, — науки и религии, интеллекта и интуиции, женского ума и мужского ума, головы и сердца, правого и левого. Я также пытаюсь любым возможным способом создать великую гармонию, потому что спасти может только гармония».

Для того чтобы разрешить конфликты между религиями, другие исторические индивидуальности пытались создать единую религию. Но проблема состоит не в имеющейся религии и не в следовании одной религии. Поиск Запада основывается на желании обнаружить просветленную личность, живой источник, который мог бы помочь индивидуумам вступить в контакт с их собственным религиозным сознанием, который сам обнаруживает состояние интегрированного религиозного сознания. Терапевтические группы и терапевты, обученные под руководством Бхагавана, стали переломной точкой для искателей Запада. Терапии и терапевты приблизили их к Бхагавану и тем самым создали для них удобную возможность видеть, касаться и чувствовать то, что было подобно просветлению, что значит быть религиозным без необходимости следовать специфической религии. И в первый раз после Иисуса Запад осознал и убедился в присутствии Иисуса.

Многие Мастера, включая Гурджиева, работали до Бхагавана над координацией различных духовных систем. Они также призывали искателей с различных путей собраться вместе и работать в любви и гармонии. Но Гурджиев, например, не добился успеха, его усилия не были плодотворными. Его школа распалась, потому что было очень трудно координировать различные системы духовности и создать сплоченную группу. Гурджиев сам был Буддой, но его время еще не пришло, и он не мог дать конкретную форму своему видению. Это можно видеть на примере того, что стало с Гурджиевскими группами за последние пятьдесят лет. Гурджиев и сам чувствовал незавершенность своей работы.

Для Бхагавана работа, уже сделанная Гурджиевым и другими Мастерами, оказалась очень полезной. Она обеспечила ему фон, создала твердое основание. Большинство из тех, кто пришел к Бхагавану с Запада, уже имели такую психическую структуру, которая могла бы воспринимать его. Они были подготовлены и были готовы преодолеть слабость, существовавшую в них из-за отсутствия необходимого Мастера, человека, который не только понимал бы их умы, но и знал бы, как работать с ними над созданием в них интегрированного видения жизни.

Бхагаванское изучение человеческою ума и психики сделало его предтечей в области, которую он называет «третьей психологией», или «психологией Будд». Фрейд, Юнг, Адлер и другие психологи породили новый вид психологии — психологию патологического ума. Маслов, Фромм, Янов и другие концентрировались больше на росте здорового ума. Их подход был «целостным» и породил второй тип психологии — гуманистическую психологию. Третий тип психологии, говорит Бхагаван, никогда не существовал прежде. Будды, которые были по ту сторону патологического и здорового ума, которые были именно «не-умом», жили и прежде, но ни один из них даже не пытался начать изучение пробужденного ума, исключая, как указывает Бхагаван, Гурджиева.

> «Гурджиев был первым человеком во всей истории человечества, который попробовал сделать это. Гурджиев уникален, потому что он был пионером в этой третьей возможности…»

Но П. Д. Успенский, от которого Гурджиев зависел в изложении своих прозрений в рамках научного метода, покинул его на полпути. Бхагаван добавляет:

> «Гурджиев делал попытку за попыткой. Он пытался найти кого-либо еще. Он работал со многими людьми, но не смог найти величины, подобной Успенскому. Рост Успенского прекратился, и работа Гурджиева в области третьей психологии прекратилась».

Учитывая те трудности, с которыми столкнулся Гурджиев, Бхагаван взял на себя двойную роль. Он так описал природу своей работы, имеющую отношение к третьей психологии:

> «Я опять пытаюсь работать в третьем измерении, и я не должен подвергать себя риску, как Гурджиев. Я ни от кого не завишу. Я, Гурджиев плюс Успенский. Жить в двух различных измерениях — тяжелая работа. Это очень тяжело, но во всяком случае это здорово: никто не может продать меня и отставить мою работу — никто. Поэтому я постоянно продвигаюсь в мире „не-ума“ и в мире книг и анализа… Я работаю непрерывно на обоих уровнях: существует постоянная возможность, что усилие может стать успешным».

Таким образом, Бхагаван занимался и экспериментировал с

восточной и западной психиками, но его работа над западной психикой имеет особое значение. Экстравертированная, земная, гедонистская, научно-ориентированная психика, психика тех, кто постоянно озабочен, как делать — методами и системами, — все эти характеристики западной психики обычны для него. Он остро подметил различные проявления западной психики, и у него есть свой собственный метод работы с ней.

Кроме того, другое измерение Бхагаванского контакта с Западом может быть рассмотрено через историческую перспективу. Новое поколение на Западе, то есть поколение, повидавшее ненормальное изобилие с одной стороны, и невероятную смерть и разрушение во Вьетнаме, с другой, находилось в поиске нового смысла своей жизни. Они искали новый ответ, новую реальность — и, определенно, не утопического типа. Они хотели научиться искусству жить в тотальном принятии, здесь и сейчас, с подлинностью. Многие из этого нового поколения, называемые в обществе «хиппи», или «детьми цветов», имели чувство направления, но у них не было необходимого руководства. Их поиск привел их на Восток. Они были первыми западными людьми, которые вошли в соприкосновение с Бхагаваном без академических усложнений, умствований и высокомерия. Только странники принимали участие в том раннем контакте. Только бунтари, революционеры, радикалы — все те, кто искал альтернативу своему обусловленному пути жизни, пришли к Бхагавану.

Так, эти «сумасшедшие люди», которых Бхагаван называет «мои люди», стали первыми людьми, достигшими его, почувствовавшими любовь к нему. Они были приняты и безусловно любимы им — все, без исключения. Они получили некоторую посвятительную энергию от Бхагавана, а затем возвратились назад в собственные страны и начали распространение вести о Бхагаване. Они убедили других, подобных себе, что есть человек, который может избавить их от несчастья, боли и разочарования. С одной стороны, эти первые западники действовали, чтобы распространить Бхагаванское послание среди других и на других, с другой стороны, они действовали, чтобы принести информацию, установить обратную связь для Бхагавана. Они обеспечили ему из первых рук понимание того, что происходит в обществе, а также в психологических средах Запада. Следствием только этой посвятительской работы, проделанной «хиппи», «детьми цветов» и «отщепенцами», явилось то, что к Бхагавану потянулись более образованные, рафинированные и изощренные умы. Несколько лет потребовалось интеллектуалам, академическим ученым,

рационалистам, чтобы понять, есть человек, который вместо ответов на их вопросы способен привнести радикальное изменение в их перспективу, после чего все вопросы отпали или испарились и они почувствовали глубокое расслабление, почти экстаз.

Суть состоит в том, что мистик и интеллигент представляют собой два конца множества, в середине находятся бунтарь и отщепенец. Мистическая энергия Бхагавана сначала коснулась этой средней категории. Эта середина есть мост, эти люди из середины мостят дорогу, потому что рафинированные интеллектуалы могут не услышать мистика, который всегда абсурден, нерационален, непоследователен и всегда по ту сторону логики. Таким образом, только сырая молодая энергия тех, кто готов стать уязвимым, и восприимчивым, тех, кто нес в себе особый вид невинности, стала мостом для Бхагавана в достижении устоявшихся старых хранителей.

Таким образом, движение вокруг Бхагавана началось не случайно: скорее, оно было продуктом прямого, систематического, ритмичного процесса, прошедшего через долгий непрерывный рост. Его видение создания Поля Будды, доступного всем, потребовало процесса более глубокого и более тонкого, процесса, уже давшего рождение новому человеку. Постоянно, в течение всех лет его пребывания в Пуне, работа и движение постоянно значительно росли. Люди, посвященные им и получившие его помощь, составили достаточное количество, вполне способное углубить процесс и расширить его еще больше на Западе.

Чем же, могут спросить, контакт Восток-Запад, происходящий посредством Бхагавана и движения вокруг него, отличен от прошлых встреч Востока и Запада? Наиболее значительное отличие состоит в том, что раньше, особенно в девятнадцатом столетии (и даже в этом веке), люди либо привыкали к Индии, либо смотрели на Индию через дихотомический взгляд типа «Восток есть Восток, а Запад есть Запад». Этот взгляд основывался, более или менее, на предрассудке и на игнорировании тех общих свойств, которые существуют под социальными и культурными типами отдельных обществ Востока и Запада. Точно так же не понимали этого те, кто приезжал из Индии на Запад. Они только хотели передать духовное послание от Индии к Западу, в то время как сами придерживались чрезвычайно обобщенного и дихотомизированного мнения, что Запад резко отличен от Востока: Запад весь материалистичен, а Восток весь духовен.

Бхагаван заставив самого себя быть реалистом, у него нет

раздельного взгляда: у него, фактически, нет раздельного взгляда по поводу любой вещи, он принимает все: душу и тело, материю и дух, любовь и медитацию, Восток и Запад. Он видит все человечество в одной лодке, он знает Запад так же хорошо, как и Восток. Он знает мир лучше Махавиры, Будды, Иисуса, Мухаммеда или любого другого жившего прежде лидера. Он живет в такое время, когда может видеть и реагировать на состояние мира посредством большей и более высокоорганизованной информационной системы. Его содействие росту человеческого сознания не локально — оно глобально.

Наконец, Шри Ауробиндо однажды писал своему биографу-ученику «Ни вы, ни кто-либо другой не знает ничего о всей моей жизни, — это не на поверхности, и люди не могут это видеть». Подобное мнение выражал Бхагаван, и я чувствую некоторое колебание в предположении, что, несмотря на написание этой истории, я ничего не знаю о Бхагаване просто потому, что он не только личность, он — феномен.

Многие с Востока и Запада пробовали почувствовать Бхагавана, воспринять его учение и интерпретировать его работу для других. Два взгляда на Бхагавана, приведенные ниже, прекрасно обобщают эти попытки. Первый — Бернард Левин из лондонской «Таймс», который написал о своих переживаниях после жизни в ашраме в Пуне:

> «…Но если он Бог, он очень необожествляемый человек, и, определенно, в его дискурсах не скрыто даже: „Кто сомневается еще, что я есть?“, — а только мощное чувство, что он проводник, который направляет жизненную силу вселенских потоков. Один из обитателей ашрама, когда я задал ему тот же самый вопрос (как вы рассматриваете Раджнеша?) выразил его очень сильно в двух словах „как напоминание“…
>
> Я уехал, пораженный, сдвинутый, очарованный моим переживанием этого человека (или Бога, или проводника, или напоминания) и людьми вокруг него».

М. В. Камат, издатель «Иллюстрейтед Уикли оф Индиэ», широко распространенного и уважаемого английского еженедельника в Индии, сделал следующие замечания:

> «…Никогда прежде не было другого человека, подобного ему. Можно критиковать Раджнеша, но невозможно игнорировать его… подобно Уитмену, Раджнеш является иконоборцем, вольнодумцем, ненавистником лицемерия, предрассудков, снобизма,

фарисейства, человеком, любящим все доброе в этой жизни. Он замечательно излагает цель и смысл своей философии и иллюстрирует это какой-либо очень жестокой шуткой или историей, взятой прямо из „Плэйбоя“ или „Пентхауза“. Не существует способа, каким можно было бы разделить этого человека. В то же время иногда кажется, что он не один человек, а состоит из многих людей.

… Раджнеш — это Моисей, Уолт Уитмен, Будда, Иисус Христос и Рамана Махариши, соединенные вместе. В каждой индивидуальности присутствует малая толика от них, но кажется, что Раджнеш имеет этого больше от них, чем остальные.

… Нелепо пытаться определить этого человека. Он разрушит определение. Его техника состоит в переворачивании всего с ног на голову, так сказать, и в превращении вас в таких людей, которые смогли бы смотреть на мир преимущественно с этой точки зрения. Он будоражащий человек, потому что ставит под вопрос обоснованность всех ваших принципов.

… Это о нем, возможно, шекспировское: „Прими его таким, каков он есть“. Я думаю, что никогда больше не встречу подобного ему. Принимайте его таким, каков он есть, или не принимайте его совсем, Раджнеш останется вне выбора».